

ЯПОНИЯ

ЕЖЕГОДНИК

1997

1998

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

АССОЦИАЦИЯ ЯПОНОВЕДОВ

ББК 66.2(5Я)я5
Я70

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР К. О. САРКИСОВ

РЕДАККОЛЕГИЯ: А. Д. БОГАТУРОВ, В. С. ГРИВНИН,
Н. П. ДМИТРИЕВСКАЯ (ответственный секретарь), В. Н. ЕРЕМИН,
И. П. ЛЕБЕДЕВА, М. Г. НОСОВ, В. Б. РАМЗЕС, В. Я. РОСИН,
А. И. СЕНАТОРОВ

Я70 Япония 1997—1998. Ежегодник. — М., 1998, — 256 с.

В очередном выпуске ежегодника освещается широкий круг проблем современной жизни Японии, поднимаются вопросы, связанные с ее историей. Большое внимание уделено управлению и экономике, социально-экономическим проблемам, административной и образовательной реформам. Помещены материалы, касающиеся творческих поисков японских писателей, развития японского балета и т.д.

Я $\frac{0805000000-023}{001(01)-98}$ (без объявл.—98)

ISBN 5-88440-106-X

© Ассоциация японоведов, 1998

ЯПОНИЯ

1997-1998

ЕЖЕГОДНИК

МОСКВА

1998

Промышленная политика Японии

И.П.Лебедева

Среди различных направлений государственной политики в Японии промышленная политика занимает особое место. Это связано, во-первых, с тем, что ее объектом является наиболее крупная и динамичная сфера японской экономики, а, во-вторых, с тем, что именно здесь политика правительства отличается наибольшей комплексностью, последовательностью и целенаправленностью.

Сущность промышленной политики, на наш взгляд, наиболее удачно сформулирована японскими учеными К.Судзумура и М.Окуно-Фудзивара. Согласно их определению промышленная политика представляет собой «совокупность государственных мер, предпринимаемых для перераспределения ресурсов между отраслями или для изменения организационно-предпринимательской структуры той или иной отрасли и имеющих целью усиление экономического могущества страны в том случае, когда рыночный конкурентный механизм оказывается неспособным обеспечить достижение этой цели»¹.

Исходя из этого определения, мы и будем рассматривать развитие промышленной политики в послевоенный период. Однако анализ этой проблемы необходимо предварить следующим принципиально важным замечанием. Речь идет о том, что имеют в виду под «неспособностью» рынка японские бюрократы и, в частности, чиновники министерства внешней торговли и промышленности (МВТП), вырабатывающие и осуществляющие промышленную политику.

¹ Okuno-Fujiwara M., Suzumura K. Economic Analysis of Industrial Policy: A Conceptual Framework through the Japanese Experience. Tokyo, 1985, с.31.

Как видно из приведенного выше определения, промышленная политика вступает в силу тогда, когда рынок терпит провал. Однако, как показывает японская история, японским бюрократам присуще более широкое, чем на Западе толкование понятия «провал рынка». Если в западных странах это понятие характеризует в основном уже «состоявшиеся» негативные последствия экономического развития, то в Японии, помимо этого, имеются в виду также и возможные будущие «провалы», т.е. результаты, которые с точки зрения правительства не отвечают национальным интересам страны. Американский японовед Д.Окимото называет такой подход «превентивным» (в отличие от характерного для других стран преимущественно «реактивного» подхода), объясняя его возникновение в Японии целым рядом особенностей экономического и историко-культурного развития страны².

На этом, «расширительном» подходе японских бюрократов к трактовке понятия «провал рынка» по существу и основаны философия и практика японской промышленной политики, аналогов которой в западном мире не существует³.

В своем послевоенном развитии японская промышленная политика прошла несколько этапов. Первый из них пришелся на 1946–1948 гг., когда была претворена в жизнь концепция «кэйся сэйсан хосики» («система приоритетных производств»). Основная ее идея состояла в том, чтобы путем придания некоего «толчка» развитию группы определенных отраслей постепенно вывести экономику из состояния хаоса и разрухи, в котором она пребывала в первые послевоенные годы. Сами же приоритетные производства выделялись, исходя из довольно простых логических соображений.

В то время основным энергоносителем являлся уголь, поэтому для восстановления экономики было признано критически важным наладить и расширить производство угля. Однако решение этой задачи в свою очередь упиралось в острую нехватку металла, необходимого для замены крайне изношенного оборудования и обветшавшей инфраструктуры шахт. В результате угледобыча и черная металлургия были выделены в группу наиболее приоритетных отраслей, пользовавшихся всемерной поддержкой правительства. В конце 1946 г. с санкции американской администрации в черную металлургию были направлены 80 тыс. т мазута для придания «толчка» развитию отрасли; в то же время почти весь произведенный металл пошел на переоборудование шахт, а добытый уголь вновь поступил в черную металлургию. Предполагалось, что итогом последующей «рециркуля-

² См.: Okimoto D.I. Between MTTI and the Market. Stanford. 1989; The Political Economy of Japan. Stanford, vol. 2, 1989.

³ Что касается восточных стран, то наиболее близкую по типу к японской модели промышленную политику осуществляет Южная Корея.

ции» ресурсов по этой схеме станет быстрое расширение производства угля и металла, что позволит затем все большую их часть направлять на восстановление других отраслей⁴.

Наряду с угледобычей и черной металлургией в разряд наиболее приоритетных отраслей были выведены также производство удобрений и электроэнергетика, а в следующую по уровню приоритетности группу были включены добыча железной руды, нефтепереработка, производство асбеста, текстиля и красителей, а также морской транспорт⁵.

С точки зрения методов осуществления «система приоритетных производств» мало чем отличалась от практики регулирования, сложившейся в военные годы. В обмен на первоочередное обеспечение сырьем, материалами, оборудованием, рабочей силой и финансовыми ресурсами предприятия приоритетных отраслей становились объектом жесткого административного контроля за производством и распределением продукции, использованием сырья и материалов, оборудования и рабочей силы и т.д.

Что же касается экономических результатов применения «системы приоритетных производств», то они оказались далеко не однозначными. С одной стороны, эта политика стимулировала восстановительные процессы в японской экономике: уже в 1947 г. спад промышленного производства был остановлен и началось довольно быстрое расширение его объемов. Но ценой этого перелома стало сильное инфляционное давление на экономику, так как для поддержания развития приоритетных отраслей государство вынуждено было направлять в них огромные средства для субсидирования разницы между высоким уровнем издержек производства и низкими официальными ценами.

В целом же, характеризуя этот начальный этап развития промышленной политики, следует подчеркнуть, что он довольно сильно отличался от всех последующих этапов: во-первых, тем, что регулирование развития промышленности основывалось главным образом на административных методах, и, во-вторых, тем, что поддержка оказывалась всем предприятиям выделенных отраслей (независимо от их размеров и технического уровня).

Между тем начавшая осуществляться с 1949 г. под давлением оккупационных властей политика экономической стабилизации (так называемая «линия Доджа») сделала невозможным дальнейшее использование широко-масштабного государственного субсидирования приоритетных отраслей, так как одним из ее требований была ликвидация дефицита бюджета. Кроме

⁴ Нихон-ни окэру сангэ сэйсаку (Промышленная политика в Японии). Токио, 1984, часть 1.

⁵ К вопросу об использовании опыта послевоенного восстановления экономики Японии для России (Отв. редактор А.И. Кравцевич). Токио, 1995, с.36 (далее: К вопросу об использовании...).

того, в апреле 1949 г. оккупационные власти установили единый официальный обменный курс иены (360 иен за 1 долл.), который был сильно завышен по отношению к реальной стоимости иены.

Все это еще больше обострило проблему высоких издержек производства японских промышленных предприятий и сделало совершенно очевидным, что центр тяжести промышленной политики должен быть перенесен в другую область, а именно на содействие усилиям предприятий по рационализации производства.

В декабре 1949 г. в качестве совещательного органа при МВТП был создан Совет по рационализации промышленности, главной задачей которого стала выработка основных направлений политики рационализации и организация неформального обмена мнениями между представителями всех заинтересованных сторон (правительства, предпринимательских кругов, профсоюзов). При этом следует особо подчеркнуть, что на всех этапах выработка промышленной политики основывалась на тесном сотрудничестве между бизнесом и правительством и что по существу каждое озвученное политическое решение являлось плодом их совместных усилий (а весьма часто — компромиссом, на достижение которого обе стороны затрачивали немало энергии и времени).

С созданием Совета по рационализации промышленности начался и новый этап в развитии промышленной политики, пришедшийся на 50-е годы. Уже в феврале 1951 г. Совет опубликовал «Основные направления политики рационализации производства в Японии», суть которых вкратце состояла в следующем. Главной целью промышленной политики провозглашалось повышение эффективности и технического уровня японских промышленных компаний путем концентрации усилий на следующих направлениях: во-первых, на повышении качества используемых сырья и материалов, а также стандартизации производственных процессов и оборудования; во-вторых, на обновлении производственного аппарата, в том числе за счет расширения импорта новой техники и технологии; в-третьих, на модернизации всей системы управления предприятиями, включая кадровую политику, внутрифирменное обучение, систему бухгалтерского учета, контроль за качеством продукции и т.д.

При этом подчеркивалось, что для скорейшего достижения указанных целей необходимо четко определить объекты «приложения» политики рационализации, т.е. круг приоритетных отраслей, производств и предприятий, на которые будут распространяться меры государственной поддержки и стимулирования. Что же касается самих мер, то они должны быть направлены главным образом на стимулирование капиталонакопления на частных предприятиях, а также на обеспечение их средствами для производ-

ственного инвестирования (в том числе и за счет использования государственных финансовых ресурсов)⁶.

Вслед за А.И. Кравцевичем, а также многими японскими и западными учеными, занимавшимися анализом японской промышленной политики, нам хотелось бы акцентировать внимание на таком ее важнейшем элементе, как селективность, т.е. на тщательном отборе объектов «приложения» политики. Что касается политики рационализации, то в результате отбора (произведенного в основном на суботраслевом уровне) к разряду приоритетных были отнесены следующие производства: во-первых ряд производств базовых отраслей, являющихся «узким» местом японской промышленности; во-вторых, производства, играющие ключевую роль с точки зрения развития промышленности и экспорта; в-третьих, производства, рационализация которых оказывает особенно ощутимое воздействие на расширение выпуска и снижение издержек; в-четвертых, рентабельные производства с высокой экспортной квотой, внедрение нового оборудования на которых способно существенно повысить международную конкурентоспособность их продукции.

Всего было выделено 32 приоритетных производства (позже их число увеличилось до 50), в том числе добыча угля, производство чугуна, стали и проката, прокат и рафинирование цветных металлов, производство химических удобрений, каустической соды и красителей, производство энергетического оборудования, автомобилестроение, производство оборудования электросвязи, металлорежущих станков, нефтеочистка, производство стальных судов.

При этом следует особо отметить, что далеко не все предприятия выделенных производств получили доступ к льготам и привилегиям, на которых был основан механизм реализации промышленной политики. На этом этапе (в отличие от предыдущего) государственные ведомства, осуществлявшие отбор предприятий, отдавали явное предпочтение крупным, технически передовым фирмам.

Что же касается собственно механизма реализации промышленной политики, то он также значительно изменился по своей сути: от прямого административного вмешательства в деятельность частного сектора государство перешло к использованию главным образом мер стимулирующего характера, среди которых можно выделить следующие два важнейших направления.

Во-первых, это — приоритетное финансирование предприятий выделенных производств по линии государственных финансовых институтов, а также создание механизма, обеспечивавшего «переток» в указанные про-

⁶ См.: К вопросу об использовании... с. 77-79.

изводства финансовых ресурсов частного сектора. Приоритетное государственное финансирование выделенных производств и предприятий осуществлялось в форме предоставления им льготных кредитов по линии Банка развития Японии и Экспортно-импортного банка, а также субсидий из средств государственного бюджета (последняя мера распространялась на крайне ограниченное число производств). Что же касается ресурсов частного сектора (на которые приходилась львиная доля внешних поступлений), то в обеспечении их «перетока» в выделенные производства решающую роль сыграли такие уникальные инструменты промышленной политики, как рacionamento кредитов, предоставляемых Банком Японии частным банкам, и практика административного руководства (частными банками со стороны Банка Японии)⁷.

Во-вторых, это — льготное налогообложение определенных производств и предприятий, которое имело своей целью стимулирование инвестиций в оборудование и экспорта за счет расширения базы капиталонакопления на самих предприятиях. Так, в начале 50-х годов были снижены импортные пошлины и ставки налога на основной капитал в отношении машин и оборудования, необходимых для модернизации производственного аппарата; разрешено создание на предприятиях многих новых видов резервных фондов при одновременном повышении пределов накопления средств в рамках ранее существовавших резервов; введена система частичного освобождения от налогов доходов от экспорта, а также специальная система льготного налогообложения выплат роялти в отношении важнейших видов зарубежной технологии; санкционировано применение схем ускоренной амортизации для определенных видов производств и оборудования и т.д.⁸.

Важно отметить, что реализация промышленной политики регулировалась специальными законами, четко определявшими ее объекты, сроки и инструментарий. При этом наряду с Основным законом о форсировании рационализации промышленности, принятым в марте 1952 г. и ставшим правовой базой политики рационализации, в 50-е годы был принят ряд специальных отраслевых законов, определявших режим регулирования в соответствующих отраслях и производствах.

Результаты политики рационализации производства проявились довольно быстро: к концу 50-х годов большинство отраслей и производств, выделенных в качестве объектов «приложения» этой политики, значительно

⁷ Подробно см.: Брагинский С.В. Кредитно-денежная политика в Японии. М., 1989; К вопросу об использовании..., с. 107-125.

⁸ Подробно см.: К вопросу об использовании..., с. 87-107. Кроме того, в 50-е годы для поощрения развития определенных отраслей (прежде всего автомобилестроения и производства тяжелого электрооборудования) правительство активно использовало такой инструмент, как импортные ограничения.

улучшили показатели эффективности (прежде всего в плане снижения издержек производства), а некоторые из них (например, автомобилестроение) превратились в весьма процветающие производства. Пожалуй, лишь в угледобыче усилия по рационализации не привели к желаемым результатам, и с конца 50-х годов отрасль пребывала в глубокой депрессии.

С улучшением ситуации в регулируемых отраслях фокус промышленной политики стал все больше перемещаться с проблемы рационализации производства на проблему рационализации отраслевой структуры промышленности. При этом насаждение и активная поддержка новых отраслей рассматривались как основное направление усилий по реализации этой задачи. Впервые эта идея была официально провозглашена в принятом в декабре 1955 г. Пятилетнем плане достижения экономической независимости, а затем подтверждена в Основах плана либерализации внешнеторговых расчетов (1960 г.) и Плане удвоения национального дохода (1961 г.)⁹.

Политика рационализации отраслевой структуры промышленности как таковая стала осуществляться с начала 60-х годов, хотя уже во второй половине 50-х годов на передний план в качестве объектов поддержки и стимулирования выдвинулись новые отрасли — производство синтетических волокон и пластмасс, нефтепереработка, нефтехимия, электроника и общее машиностроение. В частности, в июне 1956 г. был принят Закон о мерах содействия развитию машиностроения, а годом позже, в июне 1957 г., Закон о мерах содействия развитию электронной промышленности. Они определили около 30 видов машиностроительных производств, на которые были распространены льготы и привилегии, применявшиеся по отношению к выделенным производствам¹⁰. Иными словами, уже на этом этапе стали просматриваться контуры новой промышленной политики и новые подходы к выбору регулируемых объектов, в полной мере проявившие себя в 60-е годы.

Политика рационализации отраслевой структуры (которую также часто называют структурной политикой) основывалась на так называемой концепции динамических сравнительных преимуществ. Общий смысл этой концепции состоял в том, что государство должно оказывать поддержку не тем отраслям, которые обладают сравнительными преимуществами и международной конкурентоспособностью на данный момент, а тем отраслям, которые будут обладать ими в будущем¹¹.

При выборе объектов поддержки МВТП исходило главным образом из двух критериев: эластичности спроса по доходу и относительных темпов технического прогресса. Первый критерий учитывал возможность расшире-

⁹ Такако К. Сэнго сангё горика сэйсаку но тэнкай то сэйка (Развитие и результаты политики рационализации в послевоенный период). — Рэфарэнсу. 1975. № 10 (297). с.59, 61, 63.

¹⁰ Shinohara M. Japanese-Type Industrial Policy. Tokyo, 1980, с. 15.

¹¹ Ibidem, p. 6-7.

1

ния спроса на продукцию той или иной отрасли по мере роста доходов населения (при этом в первую очередь принималась во внимание эластичность экспортного спроса относительно роста реальных доходов населения в различных странах мира); второй — возможность превращения в будущем той или иной отрасли в обладающую сравнительными преимуществами на основе внедрения достижений научно-технического прогресса¹².

В то же время наряду с чисто экономическими критериями в расчет принимались и политические моменты. А именно, поддержка и содействие оказывались отраслям, которые могли обеспечить быстрое достижение страной экономической независимости и повышение ее статуса мировой индустриальной державы¹³.

В результате в 60-е годы объектами поддержки и стимулирования стали электронное машиностроение и некоторые производства общего машиностроения, нефтехимия, нефтепереработка, электроэнергетика и черная металлургия. В то же время МВТП продолжало оказывать поддержку (но с другими целями и другими средствами) депрессивным отраслям.

Поскольку механизм поддержки и стимулирования развития приоритетных отраслей и производств основывался в принципе на тех же средствах и методах, что и на предыдущих этапах промышленной политики, остановимся несколько более подробно на мерах, применявшихся по отношению к депрессивным отраслям, к которым в 60-е годы относились угледобыча и текстильная промышленность.

Что касается угольной промышленности, то в силу высоких издержек производства и возрастающей конкуренции со стороны импортируемого угля и нефти уже с начала 50-х годов она стала испытывать серьезные трудности. Хотя МВТП прекрасно осознавало, что с точки зрения стратегических задач страны угольная промышленность не представляет интереса, под сильным давлением парламентского лобби с середины 50-х годов оно начало осуществлять программу поддержки отрасли, которая позволила ей избежать быстрого и неминуемого краха и оставаться «на плаву» по крайней мере до конца 60-х годов.

Принятый еще в 1954 г. Закон о специальных мерах по рационализации угольной промышленности, во-первых, легализовал создание в отрасли ценовых и производственных картелей (изъяв ее из под юрисдикции антимонопольного законодательства) и, во-вторых, санкционировал создание специального правительственного агентства, задачей которого была скупка неэффективных шахт и введение ограничений на открытие новых предприятий. Кроме того, в 1955 г. был введен налог на импорт мазута, ко-

¹² Ibidem, p. 7-8.

¹³ К вопросу об использовании опыта..., с. 69.

торый поступал в бюджет, а затем направлялся на субсидирование отрасли (полученные средства использовались в целях компенсации потерь в случае закрытия шахт, рационализации производства, развития смежных технологий и т.д.). В результате, как отмечает Р.Уриу, нефтеперерабатывающая промышленность вынуждена была помогать удержаться на плаву своему основному конкуренту — угледобыче¹⁴.

С 1962 г. (когда истек срок действия упомянутого выше закона) в отрасли стали осуществляться так называемые «Угольные программы». Их целью была стабилизация положения в отрасли путем ее обильного субсидирования, содействия смягчению конкуренции (на основе организации при посредничестве МВТП картельных соглашений) и поддержания внутреннего спроса на уголь (опять же путем организации при посредничестве МВТП переговоров с основными потребителями — компаниями черной металлургии и электроэнергетики)¹⁵.

В результате, несмотря на коренные изменения в структуре энергобаланса страны, происшедшие в 60-е годы, и многократное возрастание объемов импорта угля, угольная промышленность Японии вплоть до конца 60-х годов продолжала поддерживать объем добычи на уровне 50-55 млн.т (при этом более 70% спроса приходилось на черную металлургию и электроэнергетику).

В текстильной промышленности депрессия началась с 1952 г., причем в особенно тяжелом положении оказалось хлопкопрядение, бывшее до войны и в первые послевоенные годы основным источником экспортных доходов Японии. Главной проблемой отрасли было наличие избыточных производственных мощностей, и ассоциация фирм-производителей потребовала, чтобы правительство вмешалось в урегулирование этой проблемы. Так же как и в случае с угольной промышленностью МВТП, хотя и не относило текстильную отрасль к числу многообещающих, под сильным политическим давлением вынуждено было ввести здесь особый режим регулирования. В 1956 г. был принят Закон о текстильной промышленности, который, во-первых, ввел систему регистрации мощностей и установил стандарты в отношении оборудования (фирмам разрешалось использовать станки только одобренных МВТП категорий); во-вторых, ввел в действие механизм контроля МВТП за расширением производственных мощностей (фирмы, желавшие увеличить мощности, должны были получить санкцию МВТП); в-третьих, наделил МВТП правом определять избыточные мощности и издавать инструкции в отношении механизма скра-

¹⁴ Uriu R. *Troubled Industries*. N.Y. 1996, c. 100.

¹⁵ *Ibidem*, p. 100-101.

пирования¹⁶. Закон предусматривал также предоставление финансовых субсидий отрасли со стороны правительства на цели рационализации.

В 60-е годы в связи с либерализацией внешней торговли желание МВТП вмешиваться в дела отрасли еще больше ослабло, в то время как лидеры отрасли виду углубляющегося кризиса, напротив, требовали ужесточения государственного регулирования. В результате упорной борьбы в 1964 г. появился Закон о текстильной промышленности, который по-существу пролонгировал прежний режим регулирования (включая предоставление государственных субсидий). Однако, поскольку кризис продолжал углубляться, в 1967 г. был принят Закон о структурной перестройке текстильной промышленности, который включал следующие новые моменты. Во-первых, для урегулирования проблем отрасли МВТП предполагало активно содействовать концентрации производства на основе слияния фирм; во-вторых, для регулирования и посредничества в вопросах скрапирования мощностей было создано специальное Агентство по рационализации текстильной промышленности.

Таким образом, как видно из приведенных выше примеров, далеко не всегда вмешательство МВТП в развитие той или иной отрасли осуществлялось по его собственной инициативе, и весьма часто оно вынуждено было это делать вопреки собственному желанию.

Хотя усилия по урегулированию положения в депрессивных отраслях поглощали немалую часть времени и энергии чиновников МВТП, в целом в 60-е годы это направление политики рационализации отраслевой структуры промышленности имело второстепенное значение. Основное же внимание уделялось поддержке и стимулированию развития базовых и перспективных отраслей и производств.

В апреле 1961 г. при МВТП был учрежден Комитет по изучению производственной структуры, задачей которого было определение основных направлений совершенствования структуры экономики. В апреле 1964 г. он был объединен с Советом по рационализации производства. Таким образом был создан Совет по производственной структуре, в многочисленных подкомитетах и секциях которого обсуждались и готовились все основные решения, связанные с проведением промышленной политики МВТП в последующие годы.

Как отмечает К. Судзумура, 60-е годы стали эпохой борьбы двух подходов к осуществлению промышленной политики: первый ратовал за расширение прямого регулирования, а второй – за перенесение центра тяжести на побудительно-рекомендательные инструменты¹⁷. В самом начале 60-х

¹⁶ Подробно см.: *Uriu R. Troubled Industries*, с.45-78.

¹⁷ *Trade Friction and Economic Policy*. Cambridge, 1987, с.59.

годов МВТП предприняло попытку значительно усилить свой контроль над развитием промышленности. Непосредственным поводом к этому послужила начавшаяся под нажимом западных стран либерализация внешней торговли Японии. Полагая, что в ответ на этот вызов необходимо обеспечить дополнительные меры по усилению международной конкурентоспособности тяжелой и химической промышленности, МВТП в марте 1962 г. направило в парламент проект Закона о временных мерах регулирования в выделенных отраслях. Проект, в частности, предусматривал проведение под контролем МВТП таких мер, как стандартизация продукции и специализация производства, организация промышленных комплексов, слияние фирм, рационализация инвестиций в машины и оборудование, создание совместных с западными компаниями предприятий и т.д.¹⁸.

Однако из-за крайне отрицательного отношения к этой идее деловых кругов проект не прошел, и в промышленной политике 60-х годов возобладал второй подход, а именно — опора на побудительно-рекомендательные инструменты. Этому способствовало также и то обстоятельство, что в результате либерализации внешней торговли (практически завершившейся к концу 1964 г.) и капитала (начавшейся в середине 1967 г.) МВТП постепенно утратило такие инструменты прямого регулирования, как распределение импортных квот, контроль за покупкой патентов и технологий, контроль за созданием совместных предприятий.

В то же время было бы ошибочным полагать, что переключение на побудительно-рекомендательные инструменты и утрата некоторых рычагов прямого контроля привели к ослаблению позиций МВТП и его возможностей воздействовать на развитие промышленности. Дело в том, что на всех этапах развития промышленной политики наряду с вмешательством в деятельность частного сектора, санкционированным специальными промышленными и отраслевыми законами и программами, МВТП широко использовало и так называемую практику административного руководства, в соответствии с которой ведомство или государственный чиновник, не имея формальных полномочий прямого вмешательства в действия частных лиц, могут побудить последних предпринять определенные шаги или удержаться от них¹⁹.

Как известно, подобная практика время от времени используется и в других странах, но Японию отличают масштабность и интенсивность ее применения. Многие западные и японские специалисты усматривают корни этого явления в особенностях историко-культурного развития страны, предопределивших особую роль бюрократии в жизни японского общества,

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Asia's New Giant. Wash., 1976, p. 790.

специфический характер взаимоотношений между бизнесом и правительством и т.д.²⁰.

В 60-е годы МВТП прибегало к практике административного руководства для сдерживания инвестиций в оборудование (в черной металлургии, производстве синтетических волокон, нефтепереработке, нефтехимии, целлюлозно-бумажной промышленности), для организации слияний (наиболее крупными стали объединения в 1966 г. «Принс Дзидося» и «Ниссан дзидося» и в 1970 г. — «Фудзи сэйтэцу» и «Явата сэйтэцу»), а также для урегулирования вопросов, связанных с «добровольными экспортными ограничениями», которые вследствие сильного давления со стороны зарубежных партнеров в 60-х годах вынуждены были принять на себя компании текстильной, сталелитейной, автомобильной и электронной промышленности²¹.

60-е годы стали периодом чрезвычайно высоких темпов роста промышленного производства, которые демонстрировали практически все отрасли — как регулируемые, так и нерегулируемые. В связи с этим некоторые специалисты, занимающиеся изучением японской промышленной политики, задаются вопросом: была ли японская бюрократия со своей промышленной политикой принципиальным ресурсом роста, или широкий размах роста представил ее более пригодной для дела, чем это было фактически²².

Мы присоединяемся к точке зрения тех ученых, которые считают, что проводимая МВТП в 60-е годы промышленная политика сыграла выдающуюся роль в быстром промышленном развитии страны и превращении ее в крупнейшую промышленную державу мира²³. При этом суть вопроса состоит не в том, привело бы другое, чем поддерживаемое МВТП распределение ресурсов к более быстрым темпам роста, а в том, что, во-первых, благодаря промышленной политике в целом в стране был создан климат, чрезвычайно благоприятный для инвестиций и обновления оборудования, и что, во-вторых, именно благодаря государственной поддержке и ощущению «защищенности» регулируемые отрасли смогли осуществить амбициозные программы развития, выведшие их на передовые рубежи в мире.

Итак, к концу 60-х годов Япония создала практически универсальный набор современных отраслей промышленности и вышла на второе место в

²⁰ Подробно см.: Японский феномен. М., 1996.

²¹ Следует подчеркнуть, что далеко не всегда частные фирмы поступали в соответствии с рекомендациями чиновников МВТП. Как замечает по этому поводу К. Судзумура, «даже МВТП не могло заставить не желающую пить лошадь напиться» (Trade Friction..., с. 60). Тем не менее в целом в 60-е годы административное руководство было весьма действенным средством регулирования промышленного развития.

²² См., например: Asia's New Giant, с. 788-789.

²³ См., например: Johnson C. MITI and the Japanese Miracle. Stanford, 1982.

капиталистическом мире по объему промышленного производства. Одновременно в ходе быстрого экономического роста она успешно решила такие стоявшие перед ней в первые послевоенные десятилетия задачи, как изменение структуры экономики и экспорта в пользу отраслей тяжелой промышленности, достижение равновесия платежного баланса, обеспечение занятости для избыточной рабочей силы, значительное повышение жизненного уровня населения.

Однако на рубеже 60–70-х годов стало очевидно, что прежний тип промышленного развития должен быть существенно изменен, так как к этому времени уже в полной мере проявились и его отрицательные последствия: огромные масштабы загрязнения окружающей среды промышленными отходами, крайне нерациональное размещение производства на территории страны и, как следствие, нехватка воды и земельных участков для нового промышленного строительства в районах Тихоокеанского промышленного пояса, недостаточное развитие инфраструктуры, дефицит рабочей силы и т.д.

МВТП довольно быстро откликнулось на этот новый вызов. В мае 1971 г. Совет по производственной структуре опубликовал доклад «Каковы должны быть главные направления промышленной и внешнеторговой политики в 70-х годах?»²⁴. Доклад состоял из двух частей. В первой части обосновывалась общая концепция экономического развития страны и выдвигались основные цели нации на 70-е годы (такие, как обеспечение высокого уровня благосостояния народа, поддержание и повышение творческого потенциала нации, активное содействие миру и развитию международного сотрудничества). Во второй части доклада конкретизировались собственно направления перестройки отраслевой структуры производства.

На этот раз выбор отраслей и производств, которые должны были составить основу роста в 70-х годах, производился в соответствии с четырьмя критериями: эластичность доходов, темпы роста производительности труда, влияние на окружающую среду, содержание и условия труда. Для выделения отраслей, наиболее предпочтительных с точки зрения названных критериев, на основе межотраслевого баланса был проведен анализ структуры конечных издержек производства по трем основным элементам: труд, капитал, сырьевые ресурсы (при этом труд подразделялся на квалифицированный и простой, а сырьевые ресурсы — на сырье и энергию).

В результате к новым приоритетным производствам были отнесены: 1) наукоемкие отрасли (производство ЭВМ, самолетов, электромобилей, промышленных роботов, интегральных схем, тонких химических соединений, освоение океана и т.д.); 2) отрасли сложной сборки (производство обору-

²⁴ Нанадзю нэндай-но цусё сангё сэйсаку-но кихон хоко ва ика-ни нарубэки ка? Токио. 1971.

дования связи, конторского оборудования, станков с ЧПУ, очистного оборудования, автоматических складов и т.д.); 3) отрасли модных товаров (производство высококачественной одежды, мебели, бытовой техники, электромузыкальных инструментов, акустической аппаратуры); 4) индустрия информации (услуги по управлению и предоставлению информации, аудиовизуальное обучение, консультирование).

Поскольку все эти отрасли требовали применения больших затрат квалифицированного труда и значительных расходов на научные исследования и опытно-конструкторские работы (НИОКР), они получили название «интеллектуалоемких», а сама программа перестройки стала называться программой «интеллектуализации» производственной структуры.

Сразу после опубликования доклад Совета по производственной структуре стал предметом широкого обсуждения в деловых и академических кругах. При этом если сами направления структурной перестройки не вызвали каких-либо серьезных возражений со стороны делового мира, то предлагавшийся МВТП механизм ее реализации был принят «в штыхы».

Дело в том, что в докладе ярко проявился тот самый расширительный подход МВТП к трактовке понятия «провалы рынка», о котором мы говорили в начале статьи. Так, отмечая, что должное распределение ресурсов в основном обеспечивается рыночным механизмом, авторы доклада в то же время подчеркивали, что рынок не способен обеспечить принятия предприятиями оптимальных решений по крайней мере в следующих случаях: 1) когда происходят изменения в предложении ограниченных ресурсов (энергии, земли, воды и т.д.) и становится необходимым быстро и гибко приспособиться к новым условиям; 2) когда свободная деятельность предприятий создает побочные негативные эффекты и препятствует формированию надлежащей структуры экономики; 3) когда возникает необходимость создания отраслей, обладающих сравнительными преимуществами с точки зрения долгосрочных динамических позиций; 4) когда требуется динамическая корректировка распределения ресурсов, восполняющая несовершенство рынка; 5) когда возникает необходимость урегулирования вопросов внешней торговли и движения капиталов.

Исходя из этого, МВТП предлагало совместить достоинства государственного регулирования и достоинства рынка и осуществлять структурную перестройку на принципах «плановой рыночной экономики»²⁵.

Понятно, что идея «плановой рыночной экономики» не на шутку встревожила деловой мир. Достаточно много противников этой идеи оказалось и среди представителей академических кругов. Дискуссия вокруг

²⁵ Проблемы перестройки отраслевой структуры экономики Японии (Научно-аналитический обзор). М., ИНИОН, 1978, с. 66-71.

путей и методов осуществления структурной перестройки была в самом разгаре, когда грянул энергетический кризис, коренным образом изменивший ситуацию в японской экономике.

Энергетический кризис 1973 г., положивший конец периоду беспрепятственного импорта Японией сырья и топлива по низким ценам, в значительной степени усилил необходимость структурной перестройки и в то же время внес важные коррективы в программы ее осуществления. Он показал, что наиболее уязвимым местом японской экономики, прежде всего промышленности, является высокая энерго- и материалоемкость, связанная с рядом особенностей отраслевой структуры производства.

Во-первых, отраслевая структура японской промышленности начала 70-х годов характеризовалась чрезвычайно высоким удельным весом самых энергоемких отраслей — черной, цветной металлургии и химии. Во-вторых, Япония в значительно большей степени, чем другие развитые страны, была ориентирована на импорт сырья в необработанном виде и осуществление полного цикла его переработки на своей территории, тогда как именно стадии первичной переработки отличаются наибольшей энергоемкостью. Энергетический кризис вверг японскую промышленность в глубокий и продолжительный кризис, не имевший прецедента за весь период послевоенного экономического развития.

С учетом новых экономических реалий и реакции деловых кругов на идею «плановой рыночной экономики» в сентябре 1974 г. Совет по производственной структуре опубликовал новый доклад «Долгосрочные перспективы производственной структуры» (основные положения которого были уточнены и развиты в аналогичных докладах в 1975 и 1976 гг.).

Что касается собственно направлений структурной перестройки, то курс на преимущественное развитие интеллектуалоемких производств был подтвержден, но при этом основной целью перестройки провозглашалось создание экономики с низкой энерго- и материалоемкостью. Что же касается методов реализации структурной перестройки, то идея «плановой рыночной экономики» была существенно смягчена. Теперь говорилось лишь о целесообразности «дополнения действия рыночного механизма введением легких плановых элементов» и подчеркивалась необходимость достижения консенсуса по этому вопросу между всеми заинтересованными сторонами²⁶.

Однако, если посмотреть на инструменты, с помощью которых МВТП собиралось осуществлять промышленную политику в 70–80-х годах, то станет очевидным, что смягчение идеи «плановой рыночной экономики» было в значительной степени формальным. Они были классифицированы следующим образом.

²⁶ Там же, с. 71.

1. Выдвижение правительством долгосрочной перспективы в качестве средства, побуждающего производство развиваться в правильном направлении.

2. Установление государством рамок, норм, стандартов деятельности предприятий с целью недопущения расточительности расходования ресурсов, разрушения окружающей среды, нанесения ущерба благосостоянию нации.

3. Оказание финансовой помощи предприятиям (предоставление субсидий, кредитов, налоговых льгот).

4. Непосредственное участие государства в развитии НИОКР и ряда новейших отраслей.

5. Осуществление административного регулирования, включая регулирование инвестиционного процесса (в том числе и японских инвестиций за границей), контроль за ценами (в экстренных случаях), регулирование экспорта и других форм внешнеэкономических связей, установление допустимых пределов выброса промышленных отходов, потребления воды и т.д.

6. Проведение переговоров со странами-партнерами Японии и другие меры в области внешней торговли.

7. Инициирование принятия специальных законов, необходимых для осуществления промышленной политики²⁷.

Между тем японская экономика и, прежде всего, промышленность продолжали пребывать в состоянии глубокого кризиса: почти три года потребовалось ей, чтобы «переварить» последствия «нефтяного шока». При этом в начавшуюся с 1976 г. стадию оживления она вошла с грузом «структурно-больных» отраслей, положение которых продолжало оставаться тяжелым. В основном в эту группу входили отрасли с высокой энерго- и материалоемкостью, в том числе черная и цветная металлургия, химия и нефтехимия, целлюлозно-бумажная промышленность и т.д.

Объем производства в этих отраслях, достигший пика в 1973 г., в последующие годы снижался и в 1978 г. находился на уровне 1970 г. (в остальных отраслях он превысил этот уровень примерно на 43%). Коэффициент загрузки оборудования с 1974 г. практически не увеличивался и составил в 1978 г. менее 70% (в остальных отраслях он достиг 94%). Наконец, численность занятых в этой группе отраслей сократилась на 15%, что в 2 раза превысило средний показатель для других отраслей промышленности²⁸.

К широкомасштабному урегулированию положения в «структурно-больных» отраслях МВТП приступило в 1978 г. и продолжало заниматься этим

²⁷ Сангё кодзо-но теки бизён. Сангё кодзо-но сингикай хококу. Токио, 1974, с. 4-7.

²⁸ Journal of Japanese Studies. 1979, № 2, с. 302.

на протяжении 80-х годов. С этой целью в 1978 и 1983 гг. были приняты специальные законы, определявшие круг «структурно-больных» отраслей и механизм урегулирования положения дел в них.

Следует отметить, что и до принятия этих законов МВТП вмешивалось в дела отдельных отраслей, но главным образом по просьбе соответствующих отраслевых ассоциаций предпринимателей и под давлением лоббирующих их интересы политиков.

Так, еще в период кризиса и депрессии во многих «структурно-больных» отраслях и производствах были созданы антидепресссионные картели, имевшие целью урегулирование вопросов сокращения производства. Однако большинство из них оказались малоэффективными, так как, во-первых, далеко не все фирмы отрасли соглашались на участие в картеле, а во-вторых, из-за опасения потерять долю рынка в пользу аутсайдеров сами участники картеля часто нарушали условия соглашений. В этих случаях обычно отраслевые ассоциации обращались к МВТП с просьбой принять «политические» меры и выступить в качестве посредника в урегулировании положения дел в отрасли. Под «политическими» мерами имелись в виду различные варианты административного руководства от «рекомендаций» по поддержанию определенного уровня спроса и предложения до «рекомендаций» по сокращению производства, которые по существу означали организацию полулегальных картелей при поддержке и контроле со стороны МВТП.

Надо сказать, что в эти годы МВТП уже не столь охотно прибегало к использованию административного руководства — главным образом из-за негативного отношения к полулегальным картелям со стороны Комиссии по справедливым и честным сделкам. Однако под сильным политическим нажимом оно вынуждено было использовать эту меру, и в середине 70-х годов различные варианты административного руководства были применены в текстильной промышленности, производстве синтетических волокон, целлюлозно-бумажной промышленности, производстве алюминия, производстве электростали и т.д.

Однако, поскольку в большинстве «структурно-больных» отраслей и производств положение продолжало оставаться тяжелым, с целью недопущения массовых банкротств предприятий и избежания социальных потрясений (а также под давлением деловых кругов) МВТП совместно с отраслевыми ассоциациями приступило к разработке широкомасштабной программы мер по урегулированию положения дел в этих отраслях, и в январе 1978 г. был принят первый Чрезвычайный закон по стабилизации отраслей структурного кризиса.

Основной целью этого закона было «изъять» депрессивные отрасли из сферы действия рыночных сил и помочь им справиться со своими пробле-

мами через координацию (с помощью МВТП) усилий фирм по сокращению производства и скрапированию мощностей. При этом МВТП получило полную автономию в своих отношениях с депрессивными отраслями, т.е. освободилось от необходимости консультаций с Комиссией по справедливым и честным сделкам по поводу использования тех или иных инструментов промышленной политики.

Закон был рассчитан на пять лет, определял масштабы скрапирования мощностей по отраслям и производствам и устанавливал механизм осуществления скрапирования.

Что касается масштабов скрапирования, то о них можно получить представление по данным, представленным в таблице. Что же касается механизма осуществления скрапирования, то этот крайне сложный и болезненный вопрос был урегулирован следующим образом. Во-первых, в ходе многочисленных консультаций между представителями фирм и чиновниками МВТП были определены конкретные объемы скрапирования по каждой фирме. Во-вторых, был введен в действие механизм частичной компенсации потерь фирмам, осуществляющим скрапирование. Для этого в каждой отрасли была создана Ассоциация по структурной перестройке, которая занималась скупкой скрапируемого оборудования и гарантированием банковских кредитов, предоставляемых фирмам, которые осуществляли скрапирование. Фонды этих ассоциаций состояли из правительственных средств, а также средств частных финансовых институтов и компаний — партнеров фирм депрессивных отраслей. В-третьих, фирмам, осуществляющим скрапирование, было гарантировано предоставление низкопроцентных государственных кредитов на цели рационализации и перестройки.

Хотя в большинстве отраслей к моменту окончания срока действия Чрезвычайного закона программы скрапирования были в основном выполнены, ни одна из них не смогла полностью разрешить своих проблем. Более того, в начале 80-х годов стало очевидно, что еще целый ряд производств, включая химические и нефтехимические, нуждаются в специальном режиме регулирования. В результате в мае 1983 г. появился Закон о чрезвычайных мерах по перестройке промышленной структуры, который по задачам и методам практически не отличался от предыдущего.

К моменту истечения срока действия этого закона (июнь 1986 г.) ситуация оказалась иной — во многих отраслях и производствах, обозначенных в законе, положение дел значительно улучшилось, и они перестали отвечать критериям, по которым были выделены в разряд депрессивных (наличие значительных избыточных мощностей, большой разрыв между спросом и предложением, низкая конкурентоспособность продукции, высокая доля убыточных компаний и т.д.).

Таблица 1

Скрапирование производственных мощностей в 70-х годах*

Производство	Период осуществления скрапирования, год	Доля мощностей, подлежащих скрапированию, в их общем объеме, %
мартеновское и электростали в слитках	1978	16
алюминия	1978-1982	24
бетона	1978	10
фанеры	1978	12
прессованного картона	1978	10
аммиака	1978-1982	20
мочевины	1978-1982	40
фосфорной кислоты	1978	20
полиэтиленовых волокон	1978-1981	20
других синтетических волокон	1978	20-30
хлопчатобумажных нитей	1977-1978	12
шерстяных нитей	—	16
шелковых тканей	1978	20
чулок и носков	1978	19
хлопчатобумажных и шелковых тканей	1978-1979	20

* Journal of Japanese Studies. Seattle, 1979, №2, с. 308-311.

Тем не менее проблемы, связанные с наличием избыточных мощностей, продолжали существовать в ряде отраслей и производств (в том числе таких крупных, как черная металлургия и судостроение). Поэтому в 1988 г. был принят еще один Закон о содействии перестройке, который отличался от предыдущих лишь тем, что в нем в качестве объектов регулирования были обозначены не отрасли, а определенные виды и даже стадии производства²⁹.

Таким образом, в 70-80-х годах основным направлением промышленной политики стало урегулирование положения в депрессивных или «структурно-больных» отраслях. Что же касается поддержки и стимулирования развития технически передовых, наукоемких производств, то на фоне программ скрапирования их масштабы выглядели весьма скромно. При этом фокус данного направления промышленной политики все больше смещался в сторону поощрения инвестиций в НИОКР. В частности, путем предоставления налоговых льгот и субсидий МВТП всячески содействовало организации частными фирмами совместных исследований в области пере-

²⁹ Uriu R. Troubled Industries, с.231.

довых технологий, хотя, как отмечает К.Судзумура, в общих расходах фирм на НИОКР доля государственных средств оставалась весьма незначительной³⁰.

Этот этап промышленной политики, который может быть в целом охарактеризован как этап поддержки усилий депрессивных отраслей по урегулированию структурных проблем, завершился со вступлением Японии в 90-е годы, а вместе с ним по существу прекратила свое существование и промышленная политика классического образца (как совокупность средств государственного регулирования, направленных на перераспределение ресурсов или изменение организационно-предпринимательской структуры с целью реализации определенных стратегических задач).

От прежней промышленной политики остались лишь периодически публикуемые прогнозы развития японской экономики и, в частности, промышленности, подготавливаемые Советом по производственной структуре³¹. Однако, если раньше, как было показано выше, для того чтобы направлять действия частных предприятий в русло развития, обозначенное в правительственных прогнозах, МВТП использовало широкий арсенал методов формального и неформального побуждения, то сейчас оно практически к ним не прибегает.

В связи с этим некоторые японские ученые (например, Х.Итами из университета Хитоцубаси) делают вывод, что промышленной политики как таковой в Японии больше не существует. Другие (например, К.Судзумура) полагают, что она продолжает существовать, но сфокусирована на других проблемах, прежде всего на урегулировании внешнеторговых противоречий Японии с ведущими западными странами. Поскольку традиционно под промышленной политикой в Японии понималось «то, что делает МВТП», то, по-видимому, более прав К.Судзумура, полагающий, что она продолжает существовать, но только в трансформированном виде.

Надо сказать, что промышленная политика прежнего типа не могла быть сохранена в 90-е годы по крайней мере по двум причинам. Во-первых, она пришла бы в явное противоречие с общим курсом на дерегулирование, взятым на вооружение японским правительством с начала 90-х годов. Во-вторых, она еще больше осложнила бы отношения Японии с ее западными партнерами, рассматривающими промышленную политику и особенно практику административного руководства как одну из форм протекционизма.

³⁰ Trade Frictions and Economic Policy, с. 63. Наиболее известным примером из этой области является объединение усилий пяти ведущих фирм («Фудзицу», «Хитати», «Мицубиси дэнки», «NEC» и «Тосиба») в создании сверхбольших интегральных схем.

³¹ См.: 2000 нэн-мо сангё кодзо (Промышленная структура в 2000 г.). Токио, 1990.

В этой связи заслуживает особого внимания следующий факт. В ноябре 1993 г. в Японии был принят Закон об административных процедурах. В одном из его разделов четко определены правила, которыми должны руководствоваться чиновники государственных ведомств при осуществлении административного руководства. Принятие этого закона, по существу формализовавшего неформальные методы государственного регулирования, можно рассматривать как подведение черты под промышленной политикой классического типа и как точку отсчета ее нового этапа.

Таким образом, промышленная политика в том виде, в каком она существовала в послевоенный период, ушла в прошлое. Однако роль ее в развитии японской промышленности трудно переоценить. В период высоких темпов роста она, как было показано выше, не только создала исключительно благоприятные условия для развития ряда отраслей, ставших затем основой промышленной мощи Японии, но и способствовала формированию общего благоприятного инвестиционного климата в стране. Что же касается 70-80-х годов, то благодаря промышленной политике издержки депрессивных отраслей, связанные с их структурной перестройкой, были в определенной степени «социализированы», и тем самым были существенно смягчены негативные социально-экономические последствия этого болезненного процесса. В целом же неустанные попытки МВТП предвидеть основные направления развития и «структурировать» экономический рост, несомненно, придавали развитию японской экономики более устойчивый и целенаправленный, чем в других развитых странах, характер.

Механизм финансирования программ регионального развития Японии

И.Л.Тимонина

Одним из основополагающих направлений экономической стратегии японского правительства последних десятилетий стала региональная политика, цели которой реализуются в широком спектре планов, программ и проектов. Среди них — общегосударственные планы сбалансированного развития всей территории страны, комплексные планы для отдельных экономических районов и префектур, программы создания новых территориально-производственных комплексов, планы возрождения депрессивных районов, проекты переустройства высокоурбанизированных территорий.

В Японии выработан гибкий и эффективный механизм финансового обеспечения подобных проектов, ставший необходимой и неотъемлемой составной частью стратегии регионального развития. Анализ структуры и особенностей функционирования этого механизма, его сильных и слабых сторон может оказаться полезным и поучительным для России, перед которой также стоят задачи разработки не только общего курса региональной экономической политики, но и адекватных систем ее реализации.

Принципиальная возможность использования японского опыта в данной сфере определяется тем, что, с одной стороны, методы обеспечения регионального развития финансовыми ресурсами, применяемые в Японии, во многом универсальны, а с другой — исходные условия реализации политики регионального развития в России и Японии имеют некоторое сходство, проявляющееся в высокой степени централизации финансово-бюджетной системы, наличии большого числа регионов, получающих трансферты, и потребности в специальной системе финансовой поддержки регионального

развития и перераспределения ресурсов в пользу тех или иных проектов в условиях ограниченности государственного бюджета.

Для финансирования региональных программ в Японии привлекаются как государственные, так и частные ресурсы. Государственное финансирование осуществляется из средств центрального бюджета (включая не только общий счет, но и другие его составные части — спецсчета, правительственную программу займов и инвестиций) и местных бюджетов, которые также частично формируются за счет трансфертов центрального правительства¹.

Методы мобилизации и распределения финансовых ресурсов разнообразны. Это — государственные капиталовложения в инфраструктуру, субсидии, кредиты, налоговые льготы с целью привлечения частных инвесторов и многое другое. Соотношение различных источников и форм финансового обеспечения составляет суть стратегии финансирования проектов в каждом конкретном случае. Вместе с тем на каждом этапе реализации региональной экономической политики обязательно разрабатывается общегосударственная долгосрочная стратегия финансирования, которая формируется на фоне сложившихся финансовых взаимоотношений между центром и местными властями и зависит от целей экономической и региональной политики, состояния государственных финансов в тот или иной период времени. Так, до середины 70-х годов для крупномасштабных региональных программ предусматривались значительные объемы государственного финансирования. Например, в «новых промышленных городах» и «специальных промышленных зонах»² почти вся инфраструктура создавалась за счет средств госбюджета. Суть концепции финансирования в тот период состояла в перераспределении государственных инвестиций на обустройство инфраструктуры в пользу районов, намеченных для ускоренного формирования там новых промышленных центров.

Кризисные явления, постигшие японскую экономику в 70-е годы, тяжело отразились и на состоянии государственных финансов. Одним из следствий такого положения стала необходимость пересмотра концепции финансирования регионального развития. Так, в проекте «Технополис» (1980 г.) наряду с общим сокращением затрат на создание новых территориально-производственных комплексов предусматривалось их финансирование преимущественно из местных бюджетов и за счет инвестиционных ресурсов частного сектора при минимальной, причем в основном косвенной, поддержке правительства. Стремление к поиску альтернативных ис-

¹ Подробнее см.: *Сенаторов А. И.* Японский вариант местного самоуправления. — Японский опыт для российских реформ. 1996, выпуск второй, с. 52-60.

² Программы стимулирования создания новых промышленных центров за пределами Тихоокеанского промышленного пояса, принимавшиеся правительством Японии в 60-70-е годы.

точников финансирования общественно значимых проектов, в том числе в сфере регионального развития, нашло свое отражение и в поощрении создания компаний «третьего» сектора с привлечением частного и общественного капиталов³.

Помимо общих концептуальных установок, стратегия финансирования регионального развития в качестве необходимого элемента содержит и перераспределительные механизмы. Они сложились в Японии в послевоенные годы и в отличие от самой концепции мало подвержены конъюнктурным колебаниям и изменениям. Рассмотрим главные составляющие этих механизмов.

БЮДЖЕТНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ

Центральное правительство финансирует региональное развитие по различным каналам. Во-первых, любые государственные расходы на цели социально-экономического развития, в том числе государственные капиталовложения, направляемые главным образом в сферу общественных работ, распределяются по территориям в определенных пропорциях.

В расходной части общего счета центрального бюджета Японии нет специальной строки «региональное развитие», и средства на эти цели фактически распределены по многим статьям: на социальное обеспечение, образование и науку, поддержку малого и среднего бизнеса, энергетику, контроль над продовольствием. Однако большая их часть проходит по статье «общественные работы». Ассигнования на общественные работы составляют 10-12% расходной части государственного бюджета, и эти весьма внушительные суммы распределяются не только по видам работ, но и по крупным территориям. Так, в 1990/91 фин.г. они были направлены на Хоккайдо (10,6%), Окинаву (2,9%), в остальную часть Японии (83,3%). Суммы, предназначенные для Хоккайдо и Окинавы, поступили в государственные управления по развитию этих регионов, остальные — в распоряжение нескольких министерств и ведомств: министерства строительства (59,7%), сельского, лесного и рыбного хозяйства (16,7 %), транспорта (4,4%), управления национальной территории (3,3%), социального обеспечения (2,5%) и министерства внешней торговли и промышленности (0,2%)⁴. Затем происходит дальнейшее, более детальное распределение средств по видам работ и территориям, а также финансирование конкретных региональных программ.

³ Подробнее об этом см.: Японский опыт для российских реформ. М., 1996, выпуск шестой, с. 28-37.

⁴ Дзайсэй то тики кайхацу (Финансы и региональное развитие). Токио, 1990, с. 37-38.

Общественные работы играют чрезвычайно важную роль в механизме реализации целей региональной политики. Во-первых, в некоторых регионах они становятся одним из ведущих видов хозяйствования, и, учитывая их значительные масштабы, само распределение работ по территориям является действенным инструментом стимулирования местных экономик.

Во-вторых, в рамках проведения общественных работ за счет средств государственного и местных бюджетов строятся различные объекты социальной, производственной, научно-информационной инфраструктуры, совершенствование которой является важнейшей предпосылкой социально-экономического развития регионов.

По характеру ассигнований из госбюджета общественные работы делятся на две категории: «субсидируемые», когда для реализации определенных проектов органам местного самоуправления и общественным корпорациям выделяются специальные дотации, и непосредственно финансируемые через бюджеты министерств и ведомств. Ведущую роль здесь играет министерство строительства. Размещение заказов на производство работ находится в компетенции директоров восьми региональных бюро министерства в Тохоку, Канто, Хокурику, Тюбу, Кинки, Тюгоку, на Сикоку и Кюсю. При этом используется система торгов со специально назначенными участниками, в соответствии с которой министерство разбивает строительные компании на пять категорий по размеру их предприятий и производственных мощностей и назначает для участия в торгах по наиболее масштабным и сложным проектам кандидатов из высших категорий. Таким образом, отбор подрядчиков и выявление победителя на торгах связаны с характером работ.

Следует отметить, что в последние годы эта система все чаще подвергается критике как своеобразный «парник», создающий идеальные условия для «предварительных договоренностей». Это, в частности, отмечает Д.Касуми, который также указывает на чрезмерную регламентацию сферы общественных работ со стороны министерства строительства, которое не только занимается политическим планированием, т.е. разработкой планов освоения национальной территории и крупномасштабных проектов, но и составляет конкретные программы осуществления соответствующих видов работ⁵. К тому же торги ведутся на основе так называемых «ожидаемых цен», которые примерно на 10% превышают обычные, определяемые соотношением спроса и предложения. Под влиянием общественного мнения в 1993 г. министерство строительства с частичными оговорками приняло решение о распространении системы торгов на основе открытой конкуренции

⁵ Бунгэй сундзю. 1993, № 11 (Цит. по: Знакомьтесь — Япония. 1995, № 7, с. 10-25).

на непосредственно финансируемые крупномасштабные проекты (не менее 1 млрд. иен).

Финансовые ресурсы, которые министерства и ведомства могут направлять на реализацию проектов регионального развития, выделяются не только с общего счета центрального бюджета, но и через систему целевых спецсчетов — развития городов, промышленных инвестиций, дорожного строительства и др. Для крупных программ предусматриваются специальные лимиты финансирования, поступающие в распоряжение тех министерств, которые курируют программу. Например, МВТП имеет фонд для строительства инфраструктуры в «новых промышленных городах».

Помимо бюджетных ассигнований, применяется и субсидирование некоторых мероприятий, связанных с развитием и оживлением регионов. Государственные субсидии как средство стимулирования регионального развития весьма ограничены по объему и имеют строго целевую направленность. В настоящее время они применяются в двух случаях. Во-первых, это — субсидии для содействия передислокации производственных мощностей, которые предоставляются компаниям, переводящим свои предприятия из районов высокой концентрации промышленности на периферию. Субсидии могут быть использованы получателями для строительства природоохранных объектов и социальной инфраструктуры.

Во-вторых, в утвержденных районах, где возможности занятости ограничены, в течение одного года предоставляются субсидии предпринимателям, создающим новые рабочие места благодаря промышленному строительству и расширению производственных мощностей. Размер субсидий — от 19,3 тыс. до 30,6 тыс. иен в месяц в расчете на одного занятого⁶.

Как указывалось, в финансировании проектов, связанных с региональным развитием, участвуют и органы местного самоуправления (ОМС). Во-первых, они по поручению государства являются «распорядителями» средств, выделяемых центральным правительством на определенные цели в виде дотаций казначейства. Эти дотации могут быть направлены на общественные работы, обустройство городов, стимулирование использования местных энергоресурсов, т.е. на то, что прямо или косвенно содействует экономическому развитию региона.

Во-вторых, ОМС распределяют займы, полученные из фондов правительственной программы займов и инвестиций. При этом значительная их часть также идет на реализацию программ развития — комплексное благоустройство и реконструкцию городов, участие в общегосударственных программах, таких, как поддержка районов депопуляции, отдаленных деревень, «новых промышленных городов» и т.п.

⁶ Japan Regional Development. Ed by Japan Center for Area Development Research. 1990.

В-третьих, местные власти выпускают под контролем министерства по делам местного самоуправления свои займы и полученные средства могут использовать на финансирование собственных проектов развития, в том числе участвуя своим капиталом в компаниях «третьего» сектора.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕДИТЫ

Финансирование региональной политики включает и систему кредитования по правительственной программе займов и инвестиций⁷, которая наряду с бюджетом является источником прямых государственных капиталовложений. Многие целевые статьи программы прямо или косвенно связаны с региональным развитием. Это — жилищное строительство, улучшение жизненной среды, сохранение земель, дорожное строительство, транспорт и коммуникации. Имеется и специальная графа — «региональное развитие». Средства программы получают Корпорация финансирования развития Окинавы, Финансовая корпорация развития Хоккайдо и Тохоку, Корпорация содействия региональному развитию (КСРР) и др., чья деятельность в той или иной степени связана с различными аспектами регионального развития. Пути дальнейшего использования финансовых ресурсов программы займов и инвестиций можно проследить на примере деятельности КСРР.

Корпорация инвестирует средства в строительство различных объектов, необходимых для перепланировки и благоустройства провинциальных городов, передислокации промышленности (обустройство производственных территорий, строительство лабораторий, конференц-залов и т.п.), поддержки угледобывающих регионов (обновление производственной инфраструктуры) посредством льготного кредитования общественных предприятий и частных компаний, осуществляющих данные проекты.

Все большее распространение получает такая форма финансирования регионального развития через КСРР, как ее участие в капитале компаний «третьего» сектора (совместно с префектуральными и муниципальными властями и частными компаниями), строящих территориально-производственные объекты в разных частях страны. В 1994 г. таких объектов насчитывалось 19, и доля финансового участия в них КСРР составляла от 22,3 до 60%⁸. Среди них — префектуральные информационные и научно-технологические центры, «мозговые» центры промышленности (лаборатории, центры обучения и информационного обмена) и т.п. Корпорация также

⁷ Программа представляет собой смету субсидий и кредитов государства общественным предприятиям, местным органам власти, а также государственным кредитно-финансовым учреждениям, осуществляющим финансирование частных компаний, действующих в русле основных направлений государственной экономической политики.

⁸ Тиики токэй ёран (Справочник региональной статистики). 1995, с. 616-622.

предоставляет льготные кредиты компаниям, которые перемещают свои производственные функции — научные исследования и опытно-конструкторские работы (НИОКР), проектирование, управление — в провинцию в соответствии с программой МВТП.

Кредитованием проектов регионального развития занимается также Японский банк развития (ЯБР), являющийся ведущим государственным институтом, финансирующим данное направление политики. Программа кредитования, на которую приходится около 10% всех кредитов банка, предусматривает предоставление льготных займов (5,8-6% годовых на срок до 20 лет) на реализацию различных региональных проектов за пределами урбанизированных территорий (Токио, Осака, Нагоя), в том числе в зонах технополисов, специально определенных районах стимулирования промышленного развития и слабозаселенных регионах. Кроме того, кредиты на цели регионального развития предоставляются ЯБР в рамках других программ: регулирования промышленной структуры (для оживления региональной экономики), создания новых субцентров в больших городах, строительства информационно-коммуникационной инфраструктуры и др.

Среди методов финансового стимулирования компаний, участвующих в различных проектах регионального развития и строящих свои производственные планы с учетом общегосударственных программ, — беспроцентное кредитование из средств, которые получены от продажи государственного пакета акций Японской телефоно-телеграфной корпорации (НТТ). Беспроцентные кредиты могут предоставляться частным и смешанным компаниям, участвующим в создании общественного капитала, т.е. объектов инфраструктуры, предусмотренных в Законе об использовании средств, полученных от продажи акций НТТ (1987 г.), а также в законах о реализации конкретных проектов регионального развития. Среди таких объектов — дороги, парки, информационно-коммуникационные комплексы, «инкубаторы» для венчурного бизнеса, производственные территории для размещения новых предприятий на периферии.

НАЛОГОВЫЕ ЛЬГОТЫ

Важную роль в финансовом стимулировании регионального развития играет и традиционная для экономической политики в целом система налоговых льгот, предусмотренных законами о региональном развитии. Она включает временное освобождение компаний от тех или иных видов налогов, временное снижение ставки налогообложения, сокращение базы налогообложения за счет специальных схем ускоренной и льготной амортизации и разрешения списывать часть прибыли, направляемую на специально оговоренные цели, в графу убытков. При этом значительная часть льгот

относится к сфере местного налогообложения. Так, предусматриваются скидки и временное освобождение от префектуральных (с предприятий и на приобретение собственности) и муниципальных налогов (поимущественный с владельцев земли, строений и основного капитала, специальный на владение землей). Государство компенсирует местным бюджетам недоимки, образующиеся в результате предоставления налоговых льгот: 80% префектурам и 75% муниципалитетам.

Налоговые льготы применяются очень избирательно и целенаправленно — в строго очерченных временных и географических рамках, что обеспечивает их эффективность и не создает непомерных трудностей для бюджета. Как правило, налоговые скидки предоставляются министерством финансов и местными властями частным и смешанным компаниям, которые создают новые или расширяют уже существующие производственные мощности в так называемых утвержденных территориях (зонах стимулирования развития, депрессивных районах, где реализуются те или иные проекты) на срок не более трех лет. Если территория утверждена как подлежащая развитию, она автоматически получает все финансовые льготы, предусмотренные законодательством. Территории, на которых действуют налоговые льготы, определяются министерствами, в чьей компетенции находится то или иное направление региональной политики, на основе критериев, предусмотренных законами.

Следует отметить, что размеры налоговых льгот, которыми могут пользоваться компании в соответствии с программами поощрения предпринимательской деятельности в утвержденных регионах, таковы, что вполне могут оказывать стимулирующее воздействие на предпринимателей: они составляют по некоторым видам налогов от 25 до 100%.

Специальная система амортизации применяется для компаний, устанавливающих новое или дополнительное производственное оборудование, общая стоимость которого превышает 17 млн. иен в угледобывающих районах и районах депопуляции и 19 млн. иен в зонах индустриализации в слаборазвитых районах. Максимальная сумма амортизации рассчитывается путем сложения минимального размера обычной и специальной амортизации: 16% для производственного оборудования и 8% для зданий и сооружений. Использование схемы специальной амортизации допускается только в том финансовом году, когда оборудование вводится в действие.

Объектами льготной амортизации в зонах технополисов являются машины и оборудование, здания и сооружения предприятий и исследовательских центров, связанных с высокотехнологическими отраслями, а также здания и сооружения, используемые для исследовательских целей в любых отраслях. Система ускоренной амортизации разрешает дополнительное

списание в первый год 30% стоимости оборудования и 15% — зданий и сооружений.

* * *

Анализ практики финансирования проектов регионального развития, принятой и многократно апробированной в Японии, позволяет выявить некоторые ее существенные элементы и принципиальные подходы, которые при соответствующей адаптации могут быть учтены и использованы в нашей стране.

При выработке стратегии финансирования регионального развития в целом и отдельных программ в частности правительство Японии исходит из реального финансового положения регионов. В то же время учитывается состояние и возможности центрального бюджета и внебюджетных фондов, что позволяет определить реальные масштабы и источники финансирования.

Другая принципиальная позиция состоит в том, что устанавливаются четкие взаимосвязи между источниками средств и путями их возможного использования. Например, средства, полученные правительством от продажи государственного пакета акций НТТ, используются для беспроцентного кредитования объектов инфраструктуры, перечень которых оговорен в специальном законе. Кстати, эти средства проходят и в центральном бюджете специальной строкой. Такой подход препятствует распылению средств.

Финансирование проектов регионального развития имеет строгую направленность, причем ресурсы распределяются не только по программам, но и по целям и видам работ в рамках этих программ.

Система финансового обеспечения региональной политики индикативна, многоканальна и многозвенна. Эти особенности позволяют гибко маневрировать ограниченными ресурсами и в конечном счете использовать их максимально эффективно. Так, например, применяется одновременно и «фронтальное» финансирование (т.е. выделение всем регионам государственных капиталовложений), и «точечное» (целевое финансирование отдельных проектов). Прямое финансирование сочетается с косвенным (предоставление кредитов и льгот частному сектору) в тех случаях, когда правительство полагает, что проект в перспективе может оказаться прибыльным и достаточно привлекательным для бизнеса. Безвозвратное финансирование ограничивается очень узким кругом задач и дополняется возвратным — льготным кредитованием не только частного сектора, но и ОМС, и местных общественных предприятий, и компаний «третьего» сектора.

Естественно, система государственного финансирования программ регионального развития не лишена определенных недостатков. Так, например,

многозвенность системы финансирования, при которой бюджетные средства проходят через спецсчета, министерства, ведомства, государственные корпорации, местные бюджеты, позволяя обеспечить целевое распределение ресурсов, в ряде случаев мешает ее мобильности, особенно необходимой в быстро меняющейся экономической ситуации.

В целом же наличие отработанной системы финансирования регионального развития и региональных проектов оказывается весьма существенным подспорьем для поддержания местных экономик, решения проблем смягчения территориальных диспропорций в масштабах всей страны.

Стратегия японского бизнеса в области биотехнологии

Э.В. Кикабидзе

ФОРМИРОВАНИЕ БАЗЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ОПЫТНО-КОНСТРУКТОРСКИХ РАБОТ (НИОКР)

Основы современной стратегии японских частных фирм в области НИОКР по биотехнологии закладывались в 80-е годы. С начала десятилетия компании, специализирующиеся в биотехнологии развернули массированное продвижение на внутренний и внешний рынки. Этому способствовали наличие финансов и необходимого оснащения для проведения НИОКР, а также внушительная поддержка со стороны государственных органов, в частности министерства внешней торговли и промышленности (МВТП).

Как свидетельствует статистика МВТП, с начала 80-х годов исследования в биотехнологии проводились в широком масштабе крупными частными фирмами, которые в этот период активно реорганизовывали свою систему НИОКР, создавали научно-исследовательские институты и набирали новые кадры научных сотрудников¹. В 80-е годы более 10 компаний ежегодно приступало к проведению НИОКР в биотехнологии. При этом расходы частных фирм активно возрастали.

Как и в микроэлектронике, японская стратегия в биотехнологии отличается от американской. В США новые виды продукции биотехнологии

¹ Fortune. 29.10.1984, p.24.

разрабатываются и практически реализуются мелкими внедренческими фирмами типа «Ситус», «Биоген», «Дженекс», «Джинентек корпорэйшн»². В Японии же основной импульс к проведению НИОКР исходит от крупных пищевых, фармацевтических, винодельческих и химических компаний типа «Адзиномото» и «Мицубиси касэй когё»³. Развитие «наук о жизни» на 80% финансируется частными химическими фирмами.

Среди крупных химических компаний, проводящих исследования в области биотехнологии, можно назвать «Мицубиси кагаку». При фирме создан институт для проведения фундаментальных исследований. Фирма подразделила свои исследования на три крупных сферы: охрана здоровья, 2/3 работ которой связаны с проблемами генетики; химическая биоконверсия; сельскохозяйственные продукты. Фармацевтические препараты, исследуемые фирмой в последнее десятилетие, включают активатор тканевого плазминогена, разработанный совместно с американской фирмой «Джинентек» (Сан-Франциско), диагностические моноклональные антитела и антихолестериновые агенты.

Практически каждая крупная химическая компания в Японии следует по стопам «Мицубиси кагаку». Фирма «Сёва дэнко», входящая в группу «Фуё», производит аминокислоты, создает новые типы гибридных клеток-продуцентов методом генной инженерии, а также разрабатывает способы получения новых препаратов гормонов и витаминов. Компания «Асахи касэй когё» проводит исследования в области противораковых лекарственных препаратов в контакте с Токийским университетом и фирмами «Дайниппон сэйяку» и «Сумитомо кагаку когё».

Исследователи фирмы «Хигэта сёю» во главе с профессором университета Нагоя Дзюдзо Удака выделили новую анаэробную бактерию для получения полезных белков⁴. Представители фирмы считали, что с помощью этой бактерии можно получить амилазу в 100 раз быстрее, чем методом генной инженерии с использованием обычной бактерии. Ученые отмечали, что структура белков, полученных с помощью новой бактерии, подобна структуре, встречающейся в природе, и не является опасной для человека.

Другая японская фирма разработала систему, позволяющую определять 120 видов анаэробных бактерий⁵. Ранее эта работа, проводимая вручную, занимала две недели. Компьютерная система, имеющая базы данных о различных бактериях, позволяет идентифицировать 120 видов бактерий в день, анализируя информацию, извлекаемую при проведении 53 видов тестов. Стоимость системы составила 7,5 млн. иен (порядка 68 тыс.долл.).

² Мировая экономика и международные отношения. 1982, № 1, с.38.

³ Chemical Week. 16.12.1981, p.38.

⁴ The Japan Economic Journal. 10.05.1987, p.14.

⁵ The Japan Economic Journal. 12.10.1987, p.17.

Компания «Хигэта» развернула исследования для массового производства интерферона и интерлейкина-2. Фирма «Сумитомо сэйяку» выпустила на рынок препарат «сумиферон», типа альфа-интерферона, который рекламировался в качестве первого в мире лекарства для лечения рака почки. Компания также предлагала применять это средство и для лечения гепатита-В⁶.

Одним из наиболее значительных достижений НИОКР, проводимых фирмой «Сэкисуй кагаку когё», является разработка способа диагностики различных видов рака с помощью моноклональных антител⁷.

Профессор Токийского института технологии Исао Карубэ и фирма «Као» разработали метод более быстрого измерения количества ДНК (всего два-три часа) с использованием флуоресцентных красителей по сравнению с методом электрофореза, требующим подсчета в течение двух-трех дней.

Ученый из Токийского медицинского колледжа Дзюнко Ренард разработал метод диагностики СПИДа⁸. Для постановки диагноза требуется всего пять минут. Ранее тратилось более 30 минут, а иногда и целый день на диагностирование вируса с помощью обычных методов. Метод Дзюнко Ренарда позволяет проводить быстрый контроль донорской крови, применяемой в экстренных случаях хирургического вмешательства. Использование этой технологии позволило повысить эффективность испытаний на СПИД в центрах здравоохранения.

С начала 80-х годов фармацевтические, химические, пищевые компании, такие, как «Мицубиси касэй когё», «Асахи касэй когё», «Кёва хакко когё», «Адзиномото», «Сумитомо сэйяку», «Санкё», «Оно якухин когё», «Сантори» и другие стали направлять значительные ресурсы на фундаментальные исследования.

К концу 80-х годов многие частные фирмы (например, «Адзиномото», «Кириин биру»), работающие в области биотехнологии, открыли новые центры фундаментальных исследований. Некоторые фирмы находились в процессе создания собственной научно-исследовательской базы (например, «Такэда якухин когё», «Яmanoути сэйяку», «Сантори», «Моринага нюгё», «Тайсэй»).

В конце 80-х годов ассигнования большинства крупных фирм на научно-исследовательские программы превышали 10 млрд. иен. При этом доля расходов на НИОКР в общих доходах от продаж продукции у некоторых фирм превышала 10%.

В процесс проведения научных исследований и разработок в области биотехнологии активно вовлекаются средние и мелкие фирмы. Следует от-

⁶ The Japan Economic Journal. 02.05.1987, p. 25.

⁷ The Japan Times. 04.05.1987, p. 25.

⁸ The Japan Economic Journal. 04.04.1987, p. 20.

метить, что такие фирмы не стремятся к слиянию, а предпочитают при-
способливаться к суровым условиям конкуренции на рынке, наращивая
усилия по проведению НИОКР. Так, в конце 80-х годов средние фарма-
цевтические фирмы расходовали на НИОКР 9% объема продаж своей про-
дукции, а в середине 90-х годов — уже 11–11,5%. В связи с этим в по-
следние годы значительно возросло число новых, отвечающих мировым
стандартам лекарственных препаратов, произведенных в лабораториях
японских частных фирм. Так, фирма «Санкё», которая наряду с фирмой
«Такэда» является в настоящее время лидером в производстве препаратов
по снижению холестерина, изобрела препарат «правастатин», объем про-
даж которого в Японии составляет 100 млрд. иен (более 900 млн.долл.).

Интересное явление отмечается в зарубежных периодических изданиях.
Ранее японские фирмы проводили значительное число испытаний различ-
ных лекарственных препаратов на животных, и это приводило к созданию
многих эффективных видов антибиотиков. В настоящее время открытие
лекарственных препаратов основывается в большей степени на проведении
тщательных теоретических исследований по проблемам функционирования
этих препаратов именно в организме человека.

На современном этапе специфика взаимоотношений между наукой и
техникой в биотехнологии приводит к тому, что конкурентоспособность
биотехнологических компаний в значительной мере определяется возмож-
ностями, которыми они располагают для проведения фундаментальных ис-
следований. Наука стала в значительной степени конкурентной сферой де-
ятельности не только в смысле научной репутации, но и в коммерческом
плане. Поэтому частные компании, в том числе японские, заинтересованы
в привлечении и сохранении первоклассных научных кадров. Испытывая
нехватку в специалистах в области биотехнологии, японские частные фир-
мы организуют внутрифирменные курсы по их подготовке, нанимают ис-
следователей, получивших образование за границей, а также направляют
своих научных работников на стажировку за рубеж.

Следует отметить, что подготовку таких кадров в Японии в основном
осуществляют факультеты микробиологии и сельского хозяйства в универ-
ситетах, в то время как в США ученые, работающие в области биотехно-
логии, обучаются в основном на химических факультетах.

Сформированная в основном в 80-е годы под эгидой государственных
органов и усилиями частных фирм научно-исследовательская база в био-
технологии успешно функционирует и в настоящее время. При этом уг-
лубляется и расширяется тематика научных исследований и разработок.
Японские частные компании проводят не только прикладные исследования
и разработки, но и усиленно форсируют проведение теоретических фунда-
ментальных исследований по широкому спектру насущных проблем.

Частные фирмы активно вовлекаются в изучение процессов функционирования мозга человека. Так, фирма «Хитати» возглавляет крупный пятилетний полугосударственный проект по разработке прибора, с помощью которого медики смогут более быстро и точно диагностировать состояние функций мозга человека. Сумма финансовых затрат на реализацию этого проекта составит 500 млн. иен⁹.

В настоящее время со стороны частных фирм проявляется большой интерес к теоретическим исследованиям по проблемам иммунитета. Так, фирма «Якуруто хонся», производитель молочных напитков, исследуя влияние бактерий молочной кислоты на иммунитет желудочно-кишечного тракта, проводит совместные исследования с Сусуму Тонэгава (лауреат Нобелевской премии 1987 г.) из Массачусетского института технологии, в частности по гамма-дельта-Т клеткам¹⁰. Действие этих клеток, которые в желудочно-кишечном тракте человека имеются в значительном количестве, еще мало изучено. Однако есть предположения ученых, что именно гамма-дельта-Т клетки оказывают сильное воздействие на иммунитет желудочно-кишечного тракта.

Возможность снижения затрат на производство продукции с помощью новых методов биотехнологии побуждает фирмы к их разработке и внедрению¹¹. Так, специалисты фирмы «Мицубиси кагаку» разработали более простой по сравнению с нынешним способ производства необходимой аминокислоты. Процесс идет в биореакторе с помощью определенной бактерии. Используя оптимальные параметры (температура и концентрация ионов водорода) внутри ферментера, можно сократить процесс получения L-аспартановой кислоты до одной стадии вместо прежних двух.

В последние годы в Японии начинают проводиться исследования по биообновлению почвы. Известен эксперимент компании «Дова» по биообновлению грунта, загрязненного нефтепродуктами. Процесс включает использование бактерий, разрушающих вещества, которые загрязняют атмосферу. Этот способ является альтернативой традиционному способу обработки, который заключается в выкапывании грунта, его вывозе и сжигании.

По методу биообновления загрязненная почва выкапывается, складывается. Затем груды грунта продуваются воздухом, содержащим азот, фосфор и другие элементы, активизирующие действие бактерий. По мнению исследователей фирмы «Дова», этот метод может стать довольно перспективным в связи с растущей потребностью в очистке почвы от различного рода загрязнений.

⁹ The Nikkei Weekly. 08.12.1996, p.10.

¹⁰ The Nikkei Weekly. 16.12.1996, p.10.

¹¹ The Nikkei Weekly. 20.05.1996, p.11.

В 90-е годы японские частные фирмы активизировали многоаспектные исследования в области генной инженерии. Многие фирмы, получив разрешение от министерства здравоохранения и социального обеспечения, часто невзирая на протесты потребителей, усиливают попытки выращивания животных и растений с заданными свойствами, а также разработки пищевых продуктов методами генной инженерии. Так, научно-исследовательский институт «Плантех» проводит исследования по выращиванию сортов риса, устойчивых к различным вирусам¹². Фирма «Мицуи тоацу» разрабатывает такой сорт риса, который смогут употреблять в пищу даже люди, страдающие аллергией к нему.

В 1995 г. исследователи компании «Джапан тобакко» с помощью генной инженерии создали листовой табак, устойчивый к вирусу мозаики огурца¹³.

На Национальной сельскохозяйственной опытной станции в Тохоку был выведен путем скрещивания новый сорт сои, зарегистрированный под названием «Соибин норин 101». Этот сорт сои пригоден для уборки комбайном. В 1995 г. новый сорт сои был рекомендован для возделывания в префектуре Ивата¹⁴.

С 1995 г. компания «Кириин биру» начала использовать технологию генной рекомбинации при создании сорта томата для длительного хранения. После проверки нового сорта под названием «Флавор савор томэто» на безопасность продукт предполагалось скрещивать с некоторыми сортами помидоров семеноводческой фирмы «Токита сибую» с целью получения новых сортов томатов, приспособленных к определенному климату и удовлетворяющих потребительский спрос на внутреннем рынке.

Фирмы «Кагомэ» и «Кириин биру», например, разрабатывают новые стежущиеся сорта помидоров. В США уже имеется подобный сорт, полученный с помощью методов генной инженерии. США являются мировым лидером в новой биотехнологии и выпустили на рынок уже около 15 различных сортов растений, выведенных с помощью методов генной инженерии.

Некоторые американские фирмы, такие, как «Монсанто», получившие разрешение на выращивание различных сельскохозяйственных культур, в частности соевых бобов, рапса и картофеля, методами генной инженерии, ведут активные переговоры по поводу сотрудничества с японскими фирмами. Интерес японских фирм к генной инженерии обусловлен значительной потенциальной выгодой, которую сулит использование ее методов при вы-

¹² The Nikkei Weekly. 02.09.1996, p.10.

¹³ Techno Japan. 1995. № 2, p.110.

¹⁴ Nature. 1995. № 6521, p.13-23.

рашивании различных пород животных и растений с заданными свойствами. Для японских фермеров упрощается необходимость проведения дорогостоящих мероприятий по борьбе с инсектицидами.

По прогнозу специалистов фирмы «Монсанто», объем рынка растений, полученных с помощью методов генной инженерии, к 2005 г. составит 600–700 млрд.иен (примерно 6–7 млрд.долл), а к 2010 г. — уже 2 трлн.иен.

Фирма «Такара сюдзо» в 1996 г. запатентовала в США открытие гена белка, который контролирует рост растений. Этот ген японские ученые обнаружили в таких растениях, как рис, пшеница и томаты. Ген оказывает влияние на рост стеблей риса и на размер томатов. Подобный ген белка можно обнаружить почти в каждом растении. Компания планирует разработать сорт риса с короткими стеблями, который мог бы противостоять сильным порывам ветра. Японские ученые сделали также патентные заявки в Европе и в своей стране¹⁵.

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ЧАСТНЫХ ФИРМ В ОБЛАСТЬ БИОТЕХНОЛОГИИ

Биотехнология на современном этапе является одной из наиболее привлекательных сфер высокосложной наукоемкой технологии с точки зрения приложения частного капитала. Поскольку новые индустриальные страны наступают на конкурентные позиции японских фирм в области традиционных базовых отраслей промышленности, японский частный капитал ищет новые сферы деятельности. Так, в последние 10–15 лет все чаще наблюдается стремление частных фирм, функционирующих в таких традиционных отраслях японской промышленности, как металлургическая, пищевая, текстильная, активно включаться в сферу биотехнологии. Так, например, токийская фирма «Кирин биру», являющаяся уже более ста лет ведущей пищевой и пивоваренной фирмой, занимающей четвертое место в мире по производству пива, с начала 80-х годов диверсифицировалась в область биотехнологии¹⁶. В настоящее время более ста исследователей компании работают в ее лаборатории прикладной биологии в Маэбаси над разработкой фармацевтических препаратов, ферментов, а также над культурой клеток. Компания создала Центр исследований растений в Тотига, насчитывающий 30 научных работников и имеющий генетический банк, содержащий более 8 тыс. сортов ячменя. В принадлежащем компании Техническом центре в Иокогама проводятся исследования по созданию оборудования и технологии производства, включая новые экспериментальные биосенсоры.

¹⁵ The Nikkel Weekly. 05.08.1996, p.10.

¹⁶ The High Technology. Vol. 6, 1986, № 8, p.46.

Фирма «Кёва хакко когё», крупный производитель алкогольных напитков, аминокислот, приправ, продуктов нефтехимии, также активизирует биотехнологические исследования на нескольких фронтах, включая терапию рака, с использованием иммунологических методов. До недавнего времени компания проводила исследования двух типов интерферона, которые в настоящее время проходят клинические испытания. Другие исследовательские программы этой фирмы включают разработку активатора тканевого плазминогена, методы диагностики рака, создание гормонов роста лососевых рыб с помощью генной инженерии.

Крупнейшая в Японии текстильная компания «Торэ» превратилась в ведущего изготовителя альфа-интерферона, применяемого в противораковой терапии.

Крупная компания «Ниппон сутэнрэсу» форсирует биотехнологические исследования. Совместно с американской фирмой «Калгэне» она проводит разработки высокосортных растительных масел. Соглашение между фирмами предусматривает использование технологии генной инженерии, принадлежащей американскому партнеру. Целью соглашения является совместная коммерциализация технологии. Фирма «Калгэне» получит право на продажу продукции в Северной Америке, в то время как «Ниппон сутэнрэсу» будет производить и продавать продукцию в Азии, включая Китай и Индию. Кроме того, в дальнейшем предполагается совместная коммерческая деятельность компаний в Европе, Австрии и Южной Америке¹⁷.

Фирма «Ниппон кокан», второй в Японии крупный производитель стали, начала осуществлять научно-исследовательскую программу в области биотехнологии с акцентом на производство аминокислот. Кроме того, эта фирма разворачивает массовое производство других продуктов биотехнологии¹⁸.

Крупная электронная фирма «Ниппон дэнки» форсирует фундаментальные исследования с целью создания новых видов продукции практического использования, включая продукцию биоэлектроники. Фирма осуществляет широкие связи с университетами всего мира. Сотрудничая со специалистами-медиками, фирма «Ниппон дэнки» изучает функции мозга человека, а также процессы обработки информации, происходящие в живой клетке. Данная фирма находится в числе наиболее активных участников дюжины малых проектов по проведению фундаментальных исследований по программе «Границы возможностей человека». Эти проекты осуществляются под эгидой Японского центра ключевой технологии при поддержке МВТП, министерства связи и Банка развития Японии.

¹⁷ The Japan Economic Journal. 25.04.1987, p.17.

¹⁸ The European Chemical News. 06.07.1987, p.19.

В настоящее время нередко встречается явление, когда крупные и процветающие компании типа «Тойота» создают новые отделения, не связанные с основным направлением деятельности фирмы. Это делается для оживления на фирме духа нововведений и конкуренции. Так, например, в 1996 г. на фирме «Тойота» было создано новое отделение, занимающееся проблемами биотехнологии¹⁹.

СОВМЕСТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ЛИЦЕНЗИОННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ И РЫНОК БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ

В последнее десятилетие возросло число совместных исследований японских частных фирм с различными НИИ, университетами, как с зарубежными, так и национальными.

Исследователи нескольких японских фирм разработали прибор для быстрого обнаружения вируса СПИДа посредством тестирования генов человека. Обычный метод определения вируса СПИДа (проверка крови пациента на содержание антител, являющихся причиной болезни) требовал в среднем затрат времени от шести до восьми недель. Новый прибор способен не только определить вирус СПИДа даже по минимальному количеству инфицированных генов, но и протестировать до 100 образцов крови за полдня. Этот метод позволит распознавать и более точно диагностировать СПИД на ранней стадии.

Министерство здравоохранения и социального обеспечения ассигновало на этот проект 800 млн. иен (7,4 млн.долл.). Оценка эффективности прибора проводится в госпиталях и центрах донорской крови под эгидой Общества Красного креста Японии.

Исследователи из университета Тоттори и фирмы «Токё гэс» открыли новый вид бактерии, обитающей в почве, которая способна эффективно разлагать токсические цианистые соединения²⁰.

Кроме того, эта же группа исследователей открыла тип плесени, способной разлагать цианиды металлов, высвобождая циан, на который успешно воздействует вновь открытая учеными бактерия. До настоящего времени существовал единственный путь, а именно — вывоз загрязненного массива почвы и его сжигание. Открытая учеными бактерия, обитающая в почве, загрязненной цианистыми соединениями, может выживать при очень высокой концентрации последних. Новые открытия японских исследователей могут быть использованы для решения проблемы ликвидации загрязнения вблизи химических заводов, а также заводов по сжиганию угля. Следующей задачей ученых является подтверждение в процессе

¹⁹ The Nikkei Weekly. 02.08.1996, p.6.

²⁰ The Nikkei Weekly. 18.11.1996, p.5.

дальнейших исследований, что открытая бактерия в действительности эффективна в ликвидации загрязнения почвы цианистыми соединениями.

Группа специалистов из Национального технологического института бионаук и человека в совместных исследованиях с учеными из университета Цукуба и «Ракуто касэй» открыла две бактерии, которые способны разлагать некоторые используемые в промышленности пластические массы²¹.

По прогнозу ученых, к следующему столетию пластмассы, способные разлагаться под воздействием бактерий на менее химически вредные составляющие, полностью вытеснят пластмассы, используемые сейчас в промышленном производстве. Новые пластические материалы, спрос на которые стремительно растет, уже появляются на японском рынке. Так, например, фирма «Сёва хайполимер» в 1994 г. закончила строительство завода, который в год способен выпускать 3 тыс. т биораспадающегося полиэфира под маркой «Бионол».

Широко известна значительная роль иностранной техники и технологии в послевоенном развитии НИОКР в Японии. И на современном этапе японские фирмы, активно форсируя собственные фундаментальные исследования, в частности в области биотехнологии, отнюдь не отказываются от прежней практики импорта передовых зарубежных достижений.

Японские биотехнологические компании заключают лицензионные соглашения и активизируют прямое инвестирование в частные фирмы США и стран Западной Европы. Около 28 японских частных компаний, среди которых «Мицубиси касэй когё», «Мидори дзюдзи» и «Сантори», являются акционерными собственниками небольших американских компаний, либо заключают лицензионные соглашения или проводят совместные исследования. Подобные соглашения обычно являются существенным подспорьем мелким западным фирмам и в то же время гарантируют японским компаниям право на производство и продажу продукции на международных рынках.

Так, фирма «Сумитомо кагаку когё» производит интерферон по лицензии английской фирмы «Велкам фаундэйшн» и клиническое испытание гормонов роста, полученных по лицензии американской фирмы «Джинентек». Фирма «Мицуи тоацу кагаку» производит интерферон с использованием технологии «Джинентек», а также разрабатывает метод получения урокиназы с помощью технологии рекомбинантных ДНК фирмы «Дженекс» (США).

Фирма «Тэйдзин» в кооперации с американской фирмой «Зимогенетикс» осуществляет массовое производство протина «С» с помощью техно-

²¹ The Nikkel Weekly. 26.01.1996, p.11.

логии генетической инженерии. Протин «С» контролирует процессы свертывания крови. Предполагается, что он будет эффективным средством против некоторых видов рака и цирроза печени.

Японские фирмы предпочитают заключать лицензионные соглашения, как правило, на предоставление права на производство и сбыт продуктов, разработанных мелкими американскими фирмами. Японские компании наряду с западно-европейскими обеспечили возможность сбыта своей продукции в международном масштабе, в частности в США, которые являются для них крупнейшим рынком сбыта. В последнее десятилетие, кроме заключения лицензионных соглашений, наблюдается стремление японских и американских фирм к совместным исследованиям в области биотехнологии.

Стимулом для японских компаний служит превосходство американских партнеров в создании новых видов продукции и процессов с помощью биоинженерии. Американские фирмы используют значительный опыт японских компаний в ферментационных процессах, обеспечивающий последним преимущество в крупномасштабном производстве. Стремясь к совместным исследованиям, американские фирмы преследуют также цель проникновения на японский рынок фармацевтической продукции, которая по своим масштабам занимает второе место в мире. Первые филиалы американских биотехнологических компаний в Японии и филиалы японских фармацевтических компаний стали появляться с начала 80-х годов²².

В 90-е годы малые и средние японские фирмы активизировали проведение клинических исследований по контракту не только с отечественными, но и с зарубежными исследовательскими организациями. Это позволяет им снизить издержки при производстве лекарственных препаратов.

Как известно, процесс разработки лекарственных препаратов не становится более дешевым или менее рискованным. Стремление японского правительства к тому же сократить затраты на медицинские цели не стимулирует рост национального рынка лекарственных препаратов. Для разработки каждого нового лекарственного препарата требуется 10–15 лет, причем финансовые затраты на его разработку составляют около 10–15 млрд. иен (примерно 80–120 млн. долл.).

Контрактные научно-исследовательские организации в США и странах Западной Европы предоставляют иностранным, в частности японским, фирмам возможность относительно безболезненного доступа к системе передовых клинических испытаний, проводимых в этих странах. Это позволяет японским фирмам резко сократить их временные затраты по сравнению с проведением подобных испытаний в Японии. Кроме того, наличие санкций на выпуск того или иного лекарственного препарата, например,

²² Business Week. 16.11.1981, p.37-38; Nature. 10.03.1983, p.100.

от американского министерства пищевых и лекарственных препаратов, позволяет значительно ускорить получение подобной санкции от японского министерства здравоохранения и социального обеспечения.

В настоящее время японские фирмы, работая с американскими и западно-европейскими фирмами, стремятся скоординировать требования в области разработки лекарственных препаратов в процессе подготовки к проведению Международной конференции по проблемам унификации технических требований при регистрации фармацевтических средств для лечения людей. При успешном ходе конференции результаты клинических испытаний, проведенных в США, будут считаться действительными в других странах, в частности в Японии.

Так, фирма «Тайхо» подыскала некую контрактную исследовательскую организацию в США для проведения клинических испытаний антираковых препаратов типа «ТАС-103». При этом срок клинических испытаний при проведении их в США значительно сокращается.

Компания «Тойяма», например, проводит в Великобритании клинические испытания своего лекарственного препарата для лечения болезни Альцгеймера, так как представители фирмы считают это более выгодным.

Фирма «Яmanoути» проводит в США клинические испытания препарата под названием «тамуслозин», применяемого для лечения предстательной железы²³.

Фирма «Такэда» форсирует исследовательский проект по изучению генома человека. Для этих целей фирмой подписан контракт на проведение совместных исследований с американской компанией «Смит клайн бичем». Подписание подобного контракта позволяет «Такэда» использовать информацию по геной инженерии, которую американская фирма получила в свою очередь по лицензионному соглашению от компании «Хьюман геном сайенсис» (штат Мериленд).

Некоторые японские фирмы, например, «Такара сюдзё» — известный производитель спиртных напитков, связывают свои планы с биотехнологическими исследованиями²⁴. Для этой цели предпринимаются усилия для производства продукции за рубежом, идет поиск партнеров по проведению совместных исследований и выпуску новых лекарственных препаратов на рынок. НИИ биотехнологических исследований фирмы «Такара сюдзё» был создан в 1970 г. в Оцу (преф. Сига). Фирма совместно с одним из американских университетов работает в настоящее время над новой технологией рекомбинантных ДНК. Она имеет филиал в Китае. В штате фирмы «Такара сюдзё» 96 китайских исследователей, прошедших стажировку в

²³ The Economist. 22.04.19956 p.75-76.

²⁴ The Nikkei Weekly. 18.09.1995, p.10.

США для повышения квалификации в проведении биотехнологических исследований. Фирма увеличивает доход за счет продажи своих технологических разработок посредством лицензионных соглашений. В будущем она планирует сосредоточить усилия именно на коммерциализации своих готовых разработок, а не на расширении спектра фундаментальных исследований.

С середины 80-х годов зарубежные фирмы активизировали строительство своих лабораторных комплексов в Японии, для работы в которых привлекались и японские специалисты. Так, американская фирма «Апджон» начала в октябре 1986 г. строительство своей лаборатории в Цукуба (преф. Ибараки). «Апджон» предлагала к тому же создать около 20 относительно небольшого масштаба исследовательских баз для совместных исследований с местными университетами, а также с привлечением специалистов из других стран, в частности из ФРГ, Англии и Франции. Английская фирма «Глахо холдингс» планировала построить в Японии Центр фундаментальных исследований.

С целью выяснения возможности международного научно-технического сотрудничества в области биотехнологии организуется посещение японскими делегациями ведущих биотехнологических фирм в Англии, ФРГ, Швейцарии, Франции и США, а также проведение переговоров с министерствами, курирующими соответствующие работы в этих странах.

В последние годы японские фармацевтические компании расширяют свою торговлю в США и странах Западной Европы. Так, например, фирма «Эйсай» планировала с начала 1997 г. развернуть продажу в США лекарственного препарата «Арисэпт», применяемого для лечения болезни Альцгеймера²⁵. По оценке экспертов «Эйсай», ежегодные продажи этого препарата достигнут 50–100 млрд. иен (440–880 млн.долл.).

Фирма «Такэда» намерена начать продажу в США и странах Западной Европы лекарственного препарата для лечения рака предстательной железы и лекарственного препарата против язвы желудка. Компания «Яманотти» с конца 1997 г. развертывает продажу в США препарата «Харнал» для лечения гипертрофии предстательной железы, а с 1998 г. — производство этого препарата на своих заводах в штате Оклахома.

Фирма «Санкё» займется распространением препарата «Носкал» для лечения диабета, разработанного при сотрудничестве с американской фирмой «Ворнер — Лэмберт».

В настоящее время японские фирмы — производители фармацевтической продукции стремительно осваивают азиатский рынок²⁶. Так, фирма

²⁵ The Nikkei Weekly. 23.12.1996, p.8.

²⁶ The Nikkei Weekly. 17.02.1997, p.18.

«Тайсё» планирует выход своей продукции на этот рынок. Фирма стремится увеличить объем продаж своих лекарственных препаратов и напитков и добиться широкого признания в азиатских странах. По мнению президента «Тайсё» Акира Уэхара, вещь о хорошем товаре, продаваемом в одной из азиатских стран, быстро переносится в соседние государства.

В апреле 1997 г. предполагалось открыть отделения «Тайсё» в Куала-Лумпуре (Малайзия). Новое отделение будет контролировать рынок исследований и строительство заводов. Фирма собирается создать крупнейшее предприятие в Банги (малазийский штат Сабах), которое будет базой ее региональных операций. В 1995 г. «Тайсё» производила 200 млн. бутылок тоника (перспективный продукт биотехнологии) в азиатских странах. К 2001 г. администрация фирмы намерена увеличить объем производства до 500 млн. бутылок.

В настоящее время рынок тоника фирмы «Тайсё» в Таиланде оценивается в 1 млрд. бутылок в год, хотя в 1965 г. (год создания фирмы «Тайсё») рынка тоника еще не существовало. Совместные предприятия фирмы в Таиланде владеют 50% рынка производителей тоника. Тоник «Тайсё» под названием «Липовитан-Д» продается в восьми азиатских странах.

Фирма «Тайсё» стремится догнать компанию «Такэда», которая еще до второй мировой войны создала сеть продаж фармацевтических препаратов в Азии. Эксперты считают, что ключ к успеху «Тайсё» на рынке азиатских стран заложен в проведении эффективной стратегии, которая позволит снизить производственные затраты и приведет к широкому признанию продукции фирмы в Азиатском регионе.

ОТРАСЛЕВЫЕ АССОЦИАЦИИ

Характерным для японской экономики за последние 20 лет является широкое распространение отраслевых ассоциаций. Под эгидой ведущих государственных органов создаются новые полуправительственные организации для активизации проведения НИОКР в области биотехнологии.

Значительный вклад в развитие индустрии ферментации внесла Японская ассоциация по промышленной ферментации, созданная еще в 1943 г. В настоящее время эта организация насчитывает более 300 компаний-членов и свыше 10 тыс. индивидуальных членов. Под ее эгидой осуществляются многочисленные проекты, нацеленные на совершенствование технологии ферментации и ее внедрение в промышленность.

В 1980 г. для проведения общими усилиями НИОКР в области биотехнологии была создана ассоциация из пяти частных компаний: «Асахи касэй когё», «Кёва хакко когё», «Сумитомо кагаку когё», «Мицубиси касэй когё» и «Мицуи тоацу кагаку».

В связи с принятием в 1981 г. программы по развитию базовой промышленной технологии для проведения НИОКР по биотехнологии в августе 1981 г. под эгидой МВТП была создана Научно-исследовательская ассоциация по биотехнологии. В эту ассоциацию вошли 14 крупных фармацевтических, химических и пищевых фирм, которые намерены были ассигновать 26 млрд. иен на проведение биотехнологических исследований в течение десяти лет. Целью были НИОКР в области процессов ферментации, выращивания культур клеток в промышленных масштабах и разработки технологии рекомбинантных ДНК. При этом НИОКР проводились при кооперации правительственных НИИ, частных фирм и академических учреждений.

Наибольшее внимание в настоящее время привлекает созданный в 1985 г. научно-исследовательский институт в Осака. Институт занимается белковой инженерией, используя компьютерную технику и традиционные методы биохимии. Институт белка является детищем пяти крупных японских химических компаний («Мицубиси касэй когё», «Торэ», «Кёва хакко когё», «Такэда якухин когё» и «Тоа нэнрё когё») и Японского центра ключевой технологии при МВТП. В последующие годы в группу вливались новые компании, как отечественные, так и зарубежные.

В 1986 г. была создана Ассоциация химического развития с целью содействия НИОКР в химии, электронике, биотехнологии и в сфере создания новых материалов с заданными свойствами. В ассоциацию входили 76 частных японских фирм, и она предполагала привлекать иностранный капитал, планировала проведение семинаров для молодых исследователей, регулярных форумов для высших эшелонов менеджеров и международных симпозиумов.

Три японские компании «Торэ», «Сумитомо бэкурайто» и «Сумитомо дэнки» пришли к соглашению образовать новую компанию, которая должна была располагаться на территории фирмы «Сумитомо дэнки» в Иокогама и заниматься разработкой новой технологии для производства искусственных органов, биочипсов. Последняя прежде разрабатывалась и изучалась лишь в университетах и научно-исследовательских институтах. Созданные учеными биоактивные материалы применяются в медицинской практике, в частности для лечения рака, в биотехнологии и электронике.

В августе 1986 г. научно-исследовательский институт «Плантех» и три японские фирмы («Кириин биру», «Такара сюдзо» и «Мицуи сэкию кагаку») создали консорциум для проведения исследований в области генной инженерии. Пятилетний план-проект должен был осуществляться с 1987 г. при финансовой поддержке министерства сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства.

В октябре 1986 г. под эгидой министерства финансов и министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства была создана новая полуправитель-

ственная организация в целях содействия НИОКР по биотехнологии в частном секторе. Институт передовых научно-технических достижений в области биотехнологии планировал выделить 1,8 млрд. иен на финансирование 41 проекта, связанного с биотехнологией.

В 1995 г. семь ведущих японских фармацевтических фирм под эгидой министерства здравоохранения и социального обеспечения создали новую компанию для разработки новых векторов для генной терапии. Начальный капитал компании составлял 482 млн. иен, однако в течение ближайших семи лет прогнозируется увеличение ее капитала до 4 млрд. иен.

Под эгидой МВТП планировалось создание нескольких научно-исследовательских ассоциаций по морской биологии.

Биотехнологические компании надеются, что положительный опыт союза научно-исследовательских ассоциаций частных фирм с правительственными учреждениями, имевший место при разработке компьютеров и сверхбольших интегральных схем, будет перенесен и в биотехнологию.

Таблица

Крупные полуправительственные научно-исследовательские ассоциации в области биотехнологии

Ассоциация	Члены	Цели исследований
МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО, ЛЕСНОГО И РЫБНОГО ХОЗЯЙСТВА		
Научно-исследовательская ассоциация по использованию биотехнологии в агрохимии	16 членов (включая «Мэйдзи сэйка», «Кёва хакко когё», «Нихон нохяку»)	Производство препаратов для сельского хозяйства посредством культуры клеток
Японская ассоциация исследований и разработок в области ферментации	54 фирмы (включая «Адзиномото», «Тоё дзодзо», «Якуруто хонся»)	Производство углеводов и белков с помощью иммобилизованных ферментов
МИНИСТЕРСТВО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ		
Научно-исследовательская ассоциация по разработке альтернативных источников нефти	21 фирма (включая «Мицубиси ойл», «Адзиномото»)	Производство жидкого топлива из угля и природного газа
Научно-исследовательская ассоциация по использованию спирта в качестве топлива	7 фирм (включая «Кири биду», «Сантори», «Хитати дзосэн»)	Использование бактерий для получения топливного этанола
Научно-исследовательская ассоциация по очистке воды	22 фирмы (включая «Эбара», «Кубота», «Джапан органо»)	Разработка систем очистки воды с использованием технологии ферментации

* В таблице приведены некоторые не отмеченные в тексте статьи ассоциации частных фирм, функционирующие под эгидой государственных учреждений.

Большой скачок в развитии биотехнологии произошел в 80-е годы, когда впервые удалось выделить отдельные гены и внедрить их в другие организмы. С тех пор молекулярная биология и генная инженерия переживают бурный рост.

Если в 80-е годы японские биотехнологические фирмы стремились разработать те или иные продукты, наладить производство и самостоятельно реализовать их на рынке, то теперь многие из них сосредоточили внимание на разработке и реализации технологий, применяемых во многих отраслях.

На современном этапе результаты различных исследований в области генной инженерии стали широко использоваться, в частности, в медицинской диагностике и лечении различных тяжелых недугов (рак, СПИД, нарушение функций мозга человека), в решении проблем защиты окружающей среды, в химической, фармацевтической, пищевой индустрии, при создании новых пород животных и сортов растений с заданными свойствами. Расширение тематики и сфер практического использования результатов биотехнологических исследований происходит на фоне совершенствования технологической инфраструктуры за счет создания новых учреждений, координирующих и активизирующих НИОКР.

В Японии в отличие от США застрельщиками НИОКР в биотехнологии являются крупные промышленные фирмы. Сосредоточение финансовых, трудовых и материальных ресурсов для проведения НИОКР в крупных компаниях позволяет последним приобретать значительный практический опыт в совершенствовании традиционных и форсировании новейших направлений в биотехнологии. В настоящее время биотехнологией в Японии активно занимаются мелкие и средние фирмы. Наряду с проведением прикладных исследований в биотехнологии частных фирм форсируют фундаментальные исследования и подготовку высококвалифицированных специалистов.

Характерным явлением на протяжении последних 20 лет является активное распространение научно-исследовательских ассоциаций в области биотехнологии, формирующихся из частных промышленных фирм (ведущих производителей), часто по инициативе и под эгидой государственных органов.

Активизируются контрактные исследования с зарубежными партнерами, в частности, по проведению наиболее длительных, а порою и рискованных клинических испытаний различных лекарственных препаратов. Эту форму сотрудничества предпочитают осуществлять малые и средние фирмы.

Несмотря на то что многие новые виды биотехнологической продукции достигнут рынка не ранее XXI в., частный капитал считает биоиндустрию сферой прибыльного приложения капитала. Многие частные фирмы традиционных отраслей промышленности (металлургическая, текстильная, пищевая), а в последние годы даже процветающие электронные и автомобильные фирмы стали диверсифицироваться в биотехнологию. Правящие круги Японии отводят этому направлению важную роль в техническом перевооружении производства, оказывают активное содействие частным промышленным фирмам с целью гарантировать последним извлечение максимальной прибыли и устойчивое преимущество в конкурентной борьбе на мировом рынке биотехнологической продукции.

В процессе формирования в Японии новой промышленной структуры с опорой на менее энерго- и материалоемкие процессы биотехнология, подобно микроэлектронике, является ключевой макротехнологией, связанной с широким спектром отраслей промышленности. Сельское хозяйство, фармацевтическая и химическая промышленность, энергетика, производство пищевых продуктов, металлургия и другие отрасли широко используют достижения биотехнологии. Медицинские потребности стареющего японского населения могут быть удовлетворены за счет применения новых лекарственных препаратов. Использование результатов исследований в области клеточной и молекулярной биологии содействует повышению эффективности контроля за загрязнением окружающей среды и улучшению ее экологического состояния.

Имеющийся у Японии опыт позволяет ей не только рассчитывать на достижение передовых рубежей в области биологических наук, но и посредством внедрения результатов научных исследований в различные отрасли промышленности активизировать дальнейший рост экономического потенциала страны.

Проводимая Японией научно-техническая политика основывается на том, что успех в области развития биотехнологии будет зависеть именно от проведения национальных фундаментальных исследований.

В связи с этим японские частные фирмы проявляют повышенный интерес к фундаментальным исследованиям крупных научно-технических держав, в том числе России. Взаимовыгодность российско-японского сотрудничества очевидна. Известный опыт японских частных фирм в освоении заимствованных научно-технических достижений может сыграть положительную роль в реализации многих неосуществленных идей нашей фундаментальной науки. Укрепление научно-технических связей между двумя странами в области биотехнологии способствовало бы решению ряда неотложных проблем глобального характера.

Роль железнодорожных компаний в социально-экономической жизни Японии

И.Ю.Авдаков

Железнодорожные транспортные компании Японии — явление незаурядное. Они не только обеспечивают исключительно важные для экономической жизни страны перевозки пассажиров и грузов, создавая условия для расширенного воспроизводства. Железнодорожные компании являются, как бы ни парадоксально на первый взгляд, активным фактором социально-экономического развития страны.

Значение японского железнодорожного транспорта, с одной стороны, и эвероамериканского или западно-европейского — с другой, для экономической и социальной жизни этих стран существенно отличаются друг от друга. Своеобразие японских железных дорог заключается не только в том, что они играют более весомую роль в перевозках пассажиров, чем грузов. На них приходится значительно большая, чем в любой другой развитой стране мира, доля перевозок пассажиров — 21% (по сравнению с 0% — во Франции, 6% — в Германии и Великобритании, 1% — в США)¹. Но главной, на наш взгляд, характерной чертой железнодорожных компаний Японии является то исключительное влияние, которое они оказывают на всю социально-экономическую жизнь страны, включая быт японцев. В этом они существенно отличаются от предприятий железнодорожного транспорта других развитых стран.

¹ Future of the Railways in the Light of the Government's White Paper Proposals. Vol.3. House of Commons. Transport Committee Second Report. L. 1993, p.637.

Железнодорожный транспорт Японии представлен 158 частными и общественными компаниями. Крупнейшими из них по объему перевозок, длине путей, числу служащих и некоторым другим показателям являются семь приватизированных в 1987 г. компаний, входивших ранее в государственную корпорацию «Японские национальные железные дороги» — «Кокутэцу». По данным на 1990 г., им принадлежало 20 175 км путей (около 88% всей железнодорожной сети страны). В собственности частных компаний находится 2863 км железнодорожных линий, или около 12% всех путей. Чисто общественными являются линии метро «Тоэй», находящиеся в собственности муниципальных властей, и «Тэйто», которой принадлежит 162 км подземных путей в Токио².

Первые железные дороги были построены по инициативе японского правительства в 1872 г. Основные железнодорожные линии, построенные к концу XIX в., возводились как государством, так и частными компаниями. К 1905 г. общая протяженность частных железных дорог более чем в 2 раза превышала протяженность государственных железных дорог (соответственно 5321 и 2562 км). Милитаризация экономики Японии привела к тому, что в 1906—1907 гг. собственность большинства железнодорожных компаний была национализирована. Железнодорожные линии 17 частных компаний (4524 км) были огосударствлены и подсоединены к сети дорог общенационального значения. Сфера деятельности оставшихся частных железнодорожных компаний в Токио, Осака и некоторых других городах, а также вновь возникающих компаний была ограничена городами и пригородами.

С начала XX в. частные железнодорожные компании, чтобы выжить, пошли по необычному, рискованному пути, который в итоге принес им большой финансовый успех, а стране — быстрое экономическое освоение отдаленных территорий. Они приступили к созданию условий для постоянной и временной миграции жителей в районы расположения их железнодорожных линий и, особенно, конечных станций. Таким образом увеличилось число потенциальных пассажиров. Появились крупные по тем временам культурные и развлекательные центры, торговые улицы и кварталы, рестораны, гостиницы, а главное, строились крупные жилые комплексы. Быт японцев в этих районах постепенно налаживался. Хорошие условия имелись и для приезжающих отдохнуть и культурно развлечься.

Первой диверсифицировала свою деятельность компания «Хансин», соединившая в 1905 г. Осака и Кобэ протяженной трамвайной линией. Чтобы привлечь пассажиров и увеличить пассажирооборот, компания приступила к социально-культурному и экономическому освоению близлежащих

² Transportation Outlook in Japan. 1993. Japan Transport Economics Research Center. Tokyo, 1993, p. 21.

площадей. Вдоль линии были построены аттракционы, игровые площадки, спортивные сооружения. Компания стала сдавать в наем построенные на ее землях жилые дома и строить универсальные магазины на конечных станциях. Уже к 20-м годам «Хансин» настолько диверсифицировала свою деятельность, что превратилась в многоотраслевую крупную компанию, сыгравшую большую роль в экономическом и культурном развитии пригородов Осака³.

Вслед за «Хансин» другая железнодорожная компания «Ханкю» расширила свою деятельность за пределы транспортных перевозок. Проведя электрифицированную железную дорогу между Осака и Такарасука, она начала развивать прилегающие к железнодорожной линии территории, создавать хорошие условия для проживания людей, широко рекламировать населению выгоды проживания в этом районе. В результате компания не только не потерпела финансовый крах, на грани которого она прежде находилась, но, несмотря на временные трудности, добилась невиданных результатов. По мере развития близлежащих территорий возник целый город, названный «Ханкю Плейн». Именно «Хансин» создала в Такарасука первый японский женский театр, который необычайно популярен в Японии и в наши дни⁴.

Итак, тяжелое экономическое положение, в которое попали частные железнодорожные компании после 1905 г., привело их к необходимости диверсифицировать свою деятельность. В целях увеличения пассажирооборота руководство частных компаний предприняло строительство объектов культурного и бытового назначения. Эта деятельность привела, с одной стороны, к росту их доходов и расширению сети железных дорог, а с другой — к социально-экономическому и культурному развитию населения, освоению новых территорий, способствовала удовлетворению культурных и бытовых потребностей людей и, более того, приводила к формированию культурных интересов японцев.

Государственные железные дороги, поддерживаемые правительством, развивались, практически не диверсифицируя свою деятельность. В 10—20-х годах была проведена электрификация железных дорог в Осака и Токио. В 30—40-х годах сеть частных и государственных железных дорог продолжала расширяться, рос грузо- и пассажирооборот.

После второй мировой войны организационная форма государственных железных дорог претерпела существенные изменения. В 1949 г. по указанию оккупационных властей государственные казенные предприятия были преобразованы в государственные корпорации. Сохранение единой общегос-

³ Japan Railway and Transport Review. 1997, January, № 10. East Japan Railways Culture Foundation, p. 4.

⁴ Ibidem, p. 5.

сударственной сети железных дорог мотивировалось тем, что этот вид транспорта является «естественной монополией» и, следовательно, издержки производства должны быть ниже при крупномасштабном производстве. Кроме того, железным дорогам вменялось в обязанность «скрытое субсидирование» других отраслей экономики и населения за счет предоставления услуг по низким ценам. Оптимальной при таких требованиях могла стать только такая форма организации железнодорожного транспорта, как государственная корпорация.

«Непрофильная» деятельность «Кокутэцу» нашла свое отражение в появлении так называемых народных станций (всего их было построено 66). Корпорация строила эти станции совместно с местными властями и получила право использовать часть зданий в коммерческих целях. Однако эта деятельность сводилась преимущественно к сдаче помещений в аренду и не могла приносить большой прибыли.

Корпоративная форма организации железнодорожного транспорта в целом отвечала потребностям экономического развития страны в тот период. Резко возрос пассажиро- и грузооборот. Было построено много новых линий. Железные дороги не только самоокупались, но и приносили прибыль. Научно-технический прогресс выразился в строительстве скоростных линий — синкансэн, не имевших аналогов в мире.

Но 1964 год — год завершения строительства первой линии синкансэн (Токио — Осака) — явился переломным в развитии железнодорожного транспорта в Японии. С этого момента начинается неуклонное ухудшение финансовых показателей работы японских национальных железных дорог, снижение темпов развития их сети. Особенно сильно повлиял на развитие государственного железнодорожного транспорта спад экономики в 1974—1975 гг., явившийся следствием «нефтяного шока». Чтобы покрыть финансовые расходы, правительство увеличило выпуск займов. В результате долг «Кокутэцу» государству возрос с 2,3 трлн.иен в 1975 г. (около 8 млрд.долл.) до 7,3 трлн.иен в 1980 г., а к концу 1985/86 фин.г. он достиг уже 23,6 трлн.иен (около 150 млрд.долл.)⁵.

Основной причиной резкого ухудшения финансового положения «Кокутэцу» явилась объективная невозможность государственной корпорации среагировать на быстро изменившуюся ситуацию на рынке. С развитием рынка, появлением значительных конъюнктурных колебаний, усилением конкуренции со стороны других видов транспорта данная форма организации предприятия перестала отвечать потребностям экономики.

Руководство корпорации пыталось сделать все от него зависящее, чтобы уменьшить долгосрочные долги, улучшить финансовые показатели ра-

⁵ Japan Railway and Transport Review. 1994, June, № 2. p.3.

иты за счет увеличения эффективности труда. Прежде всего предполагалось значительно сократить число служащих на железных дорогах. Но в конце 60-х — начале 70-х годов мощные выступления трудящихся, организованные профсоюзами, не только парализовали усилия руководства корпорации, но и подорвали доверие к нему.

Руководство «Кокутэцу» сделало попытку прекратить строительство новых дорогостоящих линий. Однако зависимое в инвестиционных планах, значении президента корпорации, бюджете и т.д. от правительства и парламента оно не смогло приостановить новое строительство. Железные дороги превратились в объект лоббирования со стороны многих групп политических деятелей, стремившихся обеспечить новое строительство в своих олигических целях.

Более удачной оказалась попытка руководства корпорации закрыть наиболее убыточные линии: за 1981—1987 гг. была остановлена эксплуатация около 2 тыс. км убыточных путей. Но сокращение нерентабельных линий само по себе не могло решить проблему, поэтому долги «Кокутэцу» продолжали увеличиваться.

В японской экономической литературе и, особенно, в средствах массовой информации действия руководства государственной железнодорожной корпорации подвергались суровой критике. Однако представляется, что реже всего изжившая себя форма организации железнодорожного транспорта, а не руководство корпорации, препятствовала его развитию, решению многих накопившихся проблем и в первую очередь — обеспечению эффективной работы железнодорожного транспорта в новых условиях резкого обострившейся конкуренции и быстро меняющейся ситуации на рынке, как как в рамках корпоративной формы железные дороги не могли преодолеть политическое вмешательство и достичь полной независимости и эффективности управления.

Преобразование государственного железнодорожного транспорта стало возможным только в условиях общеэкономического курса правительства на либерализацию экономики и ориентацию на рыночный механизм, в том числе в области естественных монополий. Находившаяся у власти Либерально-демократическая партия решительно повела курс на приватизацию государственных предприятий. Несмотря на оппозицию со стороны других партий и профсоюзов, лидер правящей партии премьер-министр Я. Накасо-э смог убедить общественное мнение в необходимости разгосударствления предприятий инфраструктуры.

На решение реформировать государственный железнодорожный транспорт имел влияние и «демонстрационный эффект» местных частных железнодорожных компаний. Они гибко приспосабливались к новым условиям рынка. Основываясь на собственном опыте быстрого реагирования на

изменения потребностей пассажиров, частные компании смогли добиться хороших финансовых результатов.

Японские реформаторы не пошли по схеме приватизации железных дорог Великобритании, в основу которой легло отделение непосредственно «естественной монополии», т.е. инфраструктуры транспорта (пути, станции, системы сигнализации и т.п.), от сферы конкуренции (непосредственно перевозки). Во главу угла был поставлен вопрос об оптимальном числе железнодорожных компаний. Некоторые сторонники приватизации предлагали оставить одну пассажирскую и одну грузовую компанию. Другие настаивали на создании нескольких пассажирских компаний. Правительство поддержало точку зрения, согласно которой государственная корпорация должна быть не только приватизирована, но и разделена на шесть пассажирских и одну грузовую железнодорожную компанию. Критерием деления стал не только территориальный признак, но и оптимальное сочетание рентабельных и убыточных линий.

С апреля 1987 г. стали функционировать три крупные пассажирские железнодорожные компании на о-ве Хонсю — Восточная, Западная и Центральная, а также по одной — на островах Хоккайдо, Сикоку и Кюсю. Была образована также грузовая железнодорожная компания. Большая часть основных фондов была закреплена за Восточной, Западной и Центральной железными дорогами. Но на них легла и основная часть долгов, оставшихся от «Кокутэцу», — 4,6 трлн. иен. На грузовую железнодорожную компанию пришлось 1,3 трлн. иен долговых обязательств перед государством. Три другие пассажирские компании (Хоккайдо, Кюсю и Сикоку) были освобождены от уплаты долгов, так как из-за относительно малой населенности этих островов и незначительного пассажирооборота они изначально предполагались как убыточные. Более того, этим компаниям выделялись средства для компенсации убытков⁶.

Основная же часть долга — 70%, или 25,6 трлн. иен — переводилась на созданную одновременно с железнодорожными компаниями специальную Регулирующую корпорацию. Погашать долги эта корпорация должна было за счет продажи недвижимости (7,7 трлн. иен), акций железных дорог и пр. По состоянию на 1994 г., долги корпорации составляли 26,9 трлн. иен. По ним она выплачивает государству ежегодно только проценты на 1 трлн. иен⁷.

Кроме того, Регулирующей корпорации было вменено в обязанность трудоустройство избыточной рабочей силы и она преуспела в этом. В 1987 г. 23 660 служащих железных дорог были переведены в корпорацию, а затем

⁶ Tanahashi Yasushi. Reform of Railways in Japan. Japan Transport Economics Center. Tokyo, 1991, p. 8-9.

⁷ Ibidem.

трудоустроены либо в правительственные учреждения, либо на «непрофилирующие» предприятия железнодорожных компаний и другие предприятия, не связанные с транспортом. Были уволены только 1047 служащих. Следует отметить, что правительство сыграло большую роль в судьбе служащих. Оно не только издало закон о первоочередном трудоустройстве бывших служащих «Кокутэцу», но и контролировало исполнение закона.

Часть долгов «Кокутэцу» перешло еще одной вновь созданной корпорации, в ведение которой передавались скоростные линии синкансэн. На ее долю пришлось 14% всех долговых обязательств, или 5,7 трлн.иен. Но основной целью создания этой корпорации было перераспределение поступлений от сдачи линий синкансэн в аренду Восточной, Центральной и Западной железнодорожным компаниям. Это перераспределение осуществлялось для выравнивания разницы в доходах, получаемых от эксплуатации линий синкансэн указанными компаниями.

В 1991 г. корпорация-держатель линий синкансэн была преобразована в Фонд развития железных дорог, а принадлежащие ей линии синкансэн были проданы трем основным железнодорожным компаниям по восстановительной цене — 9,2 трлн.иен. Фонд стал правопреемником компании и соответственно на него перешли ее долги.

При приватизации железных дорог был также создан Фонд стабилизации управления. Его заемный капитал составлял 1,3 трлн.иен. Целью создания фонда явилась компенсация убытков трех «плановоубыточных» компаний (Хоккайдо, Кюсю и Сикоку). Фонд получил средства от Регулирующей корпорации в форме долговых обязательств со срочным погашением через 10 лет, т.е. в 1997 г. При этом предполагалось, что три нерентабельные компании будут получать от него 7% от всего заемного капитала ежегодно.

Приватизация государственного железнодорожного транспорта в Японии оказалась весьма удачной и, что было неожиданно, уже с первого года ее осуществления дала положительные финансовые результаты.

В результате приватизации резко увеличилась производительность труда на железнодорожном транспорте. Прирост производительности труда на бывших государственных железных дорогах ежегодно в несколько раз стал превышать аналогичный показатель на частных железных дорогах. Однако и в 1995 г. производительность труда на приватизированных железных дорогах была на 20% ниже, чем на частных. Причина заключается в структурных различиях этих предприятий: приватизированные компании имеют значительно большую протяженность путей, сеть синкансэн и пр.

Итогом приватизации явилось и прекращение субсидирования железных дорог со стороны государства. Если с 1976 по 1982 г. государственные субсидии возросли с 360 млрд. до 700 млрд. иен, то уже с 1987 г. семь

железнодорожных компаний стали полностью самокупаемыми. Они не только перестали брать субсидии у государства, но и сами стали исправно платить налоги. При этом железные дороги в течение нескольких лет не повышали тарифы. К 1993 г. государственные инвестиции в железнодорожный транспорт составили 3,8% всех капиталовложений в него⁸.

Но главное, что принесла приватизация государственной корпорации железных дорог, это усиление конкуренции как между приватизированными и частными компаниями, так и между бывшими государственными железными дорогами. В этом сказались опыт и дар предвидения творцов японской приватизации. Желание быть зарегистрированными на бирже с целью продажи своих акций неумолимо вело к необходимости улучшения финансовых показателей. В условиях острой конкуренции добиться хороших показателей можно было только увеличив пассажирооборот, а, значит, улучшив качество обслуживания пассажиров, частоту и скорость движения поездов, их комфортабельность. И в этом приватизированные компании преуспели.

Однако приватизация не решила всех проблем, доставшихся от «Кокутэцу». Появились и новые трудности. Первая проблема — это расчеты по долгам. Железнодорожные компании, Фонд развития железных дорог и Регулирующая корпорация не только не смогли уменьшить бремя долгов, но и были вынуждены несколько увеличить общую сумму задолженности.

По прогнозам экспертов, в 1987 г. Регулирующая корпорация должна была получить около 300 млн. иен за счет продажи земли. В то время благоприятная для продавца конъюнктура на рынке земли могла способствовать значительному увеличению доходов корпорации. Однако правительство предложило ей воздержаться от продажи земель по рыночным ценам. В конечном итоге часть земель была продана местным властям на нужды муниципалитетов по заниженным ценам, а выручка корпорации составила лишь 133 млн. иен. В том же году выплата процента по долговым обязательствам превысила эту сумму, и корпорация была вынуждена взять один долгосрочный кредит.

Несколько последующих лет правительство также оказывало давление на корпорацию, пытаясь ограничить рост цен на землю. Однако продажа земли по искусственно заниженным ценам привела скорее не к снижению цен на другие земли, а к потере доходов корпорацией. С изменением же конъюнктуры рынка и резким снижением цен на землю с начала 90-х годов продавать ее стало не выгодно.

Далее ухудшение конъюнктуры на рынке ценных бумаг в начале 90-х годов привело к тому, что и продажа акций железных дорог не дала ожи-

⁸ National Transport Statistics Handbook. 1995, p.118.

земых результатов. Хотя все три основные компании по финансовым результатам своей деятельности смогли еще в апреле 1992 г. зарегистрироваться на Токийской бирже, была продана все же меньшая часть акций.

Несмотря на хорошие финансовые показатели деятельности железных дорог, долговые обязательства железнодорожных компаний возросли, так как они были вынуждены взять в долг около 9,2 трлн. иен для закупки новых синкансэн. Неблагоприятная конъюнктура на рынке ценных бумаг тридцательно сказалась на выплате долгов Фондом развития железных дорог.

Второй проблемой является финансово-экономическое положение железнодорожных компаний Хоккайдо, Сикоку и Кюсю. Убытки этих пассажирских компаний должен был компенсировать Фонд стабилизации управления. Однако, поскольку с 1992 г. процентные ставки на рынке капиталов резко снизились, Фонд смог лишь частично компенсировать убытки. В этой связи остро возник вопрос о необходимости диверсификации деятельности этих компаний, в том числе за счет расширения социально-экономической деятельности.

Еще в более сложном положении оказалась грузовая железнодорожная компания. Не выдерживая конкуренции со стороны частных грузовых железнодорожных компаний, а главное, автотранспортных компаний, она терпит убытки уже несколько лет подряд.

Наконец, третьей проблемой является строительство новых линий синкансэн. Приватизированные компании не желают их строить, так как большие первоначальные затраты при медленной окупаемости капиталовложений вовлекают их во все большее бремя долгов, а доходы от уже существующих нескоростных железных дорог стремительно падают с введением в действие новых линий синкансэн. Хотя местные и центральные власти, учитывая пожелания населения особенно отдаленных районов, не имеющих линий синкансэн, пытаются оказывать давление на руководство компаний, с каждым последующим годом эти компании реально становятся все более независимыми в принятии решений. В итоге строительство новых линий синкансэн по сравнению с доприватизированным периодом резко сократилось.

Итак, несмотря на определенные трудности, возникшие после приватизации железных дорог, в целом реформы осуществляются удачно. Япония по праву явилась мировым лидером в деле реформирования их организационной формы. Опыт приватизации Японии стал применяться позднее в целом ряде развитых европейских стран.

Успешное начало реформы в этой области было в немалой степени обусловлено разумной политикой правительства, сумевшего, несмотря на

значительную оппозицию, последовательно провести ее. И в дальнейшем активная государственная поддержка помогла снизить социальные издержки приватизации.

В то время как жизнь государственных железных дорог претерпела существенные изменения, частные компании продолжили свой курс на диверсификацию деятельности, одновременно обеспечивая развитие железнодорожной сети.

Как уже отмечалось, частные компании приступили к диверсификации своей деятельности еще в начале XX столетия. Борьба за выживание в условиях значительных ограничений расширения сети частных железных дорог привела их к необходимости дополнительного привлечения пассажиров к уже имеющимся дорогам. Оно осуществлялось посредством строительства магазинов, отелей, ресторанов, жилых домов, а затем и целых кварталов и даже небольших городов. Создавалось много учреждений культурного назначения: театров, картинных галерей, музеев, спортивных сооружений (спортплощадок, тренировочных залов, стадионов), предприятий бытового обслуживания.

В последние годы частные железнодорожные компании все шире развивают туризм. Некоторые из них вторгаются в информационный бизнес, включая кабельное телевидение и компьютерные сети. Наблюдается выход крупных компаний на международные рынки. Так, крупнейшая частная железнодорожная компания «Токио» осуществляет международные авиаперевозки, строит и эксплуатирует отели в Европе, Северной Америке, Юго-Восточной Азии и Океании. Компании «Кинтэтсу» и «Ханкю» имеют заводы по производству подвижного состава в Азии.

В результате к концу XX столетия деятельность некоторых частных компаний настолько диверсифицировалась, что их уже трудно назвать железнодорожными. Функции этих компаний, связанные с перевозками пассажиров и грузов, являются лишь видимой частью самой разнообразной деятельности, которую зачастую ведут уже не материнские железнодорожные компании, а их филиалы и дочерние компании.

Образуются группы железнодорожных компаний. Так, «Токио», имеет в Токио и пригородах 400 филиалов, общий доход которых составил в 1994 г. около 5 трлн. иен, в то время как ее доходы — лишь 5,5% доходов всей группы предприятий, а доходы от железнодорожных перевозок — 2,2%.

Аналогичная ситуация складывается у крупнейшей частной железнодорожной компании Осака и ее пригородов «Кинтэтсу». Компания имеет дочерние фирмы и филиалы (152), доход которых превышал 3 трлн. иен. Доходы материнской компании также равнялись лишь 7,8%, а ее доходы от «профилирующей» деятельности — 5,8% всех доходов.

Крупной группой железнодорожных компаний можно считать «Мэйтэтсу» (294 филиала и дочерних компаний, доходы — 1,6 трлн.иен), имеющую разветвленную сеть железных дорог в Нагое и ее пригородах.

Анализ деятельности железнодорожных групп выходит за рамки нашей статьи. Здесь мы остановимся подробнее на социально-экономической и культурной деятельности материнских компаний.

Сравнительный анализ структуры доходов материнских частных железнодорожных компаний, с одной стороны, и трех основных приватизированных компаний — с другой, показывает, что источники их основных доходов разные. Если частные компании получают доходы преимущественно не от перевозок пассажиров и грузов по железным дорогам, а от других видов хозяйственной деятельности, включая операции с недвижимостью, автобусные перевозки, эксплуатацию объектов культурно-бытового назначения и пр., то основная часть доходов приватизированных железных дорог приходится именно на «профилирующий» вид деятельности.

«Непрофилирующие» виды экономической деятельности частных железнодорожных компаний позволяют им в условиях неблагоприятной конъюнктуры на рынке транспортных услуг нейтрализовать убытки от пассажирских перевозок.

Что касается государственной железнодорожной корпорации, то первые серьезные попытки расширить свою деятельность за рамки транспортировки и перевозок пассажиров по железным дорогам относятся к концу 60-х — началу 70-х годов.

В 1971 г. законодательство в отношении государственной железнодорожной корпорации было пересмотрено в сторону снятия ряда ограничений. Было разрешено осуществлять капиталовложения в строительство магазинов, ресторанов, площадок для парковки автомашин, автобусных терминалов и пр. в непосредственной близости от станций. Железнодорожные станции постепенно становились не только пунктами прибытия и отбытия поездов, но и заведениями культурно-бытового обслуживания населения.

Но только со времени приватизации железных дорог началось комплексное строительство по проектам развития близлежащих территорий. И хотя доля других видов деятельности в структуре всей хозяйственной деятельности приватизированных железнодорожных компаний все еще не значительна (Западная железная дорога — 8%, Восточная — 4%, Центральная — 2%), абсолютная роль каждой из них в социально-экономическом развитии прилегающих территорий уступает лишь немногим частным железнодорожным компаниям (без учета филиалов и дочерних компаний).

Так, в 1994 г. только у компаний «Токио» и «Сэйбю» доходы от «непрофилирующих» видов деятельности были выше (соответственно 159,4 млрд. и 183,3 млрд. иен), чем у Центральной железной дороги⁹.

Публикуемая статистика приватизированных железных дорог (как впрочем и большей части частных компаний) не позволяет выделить долю чисто культурных мероприятий в «непрофилирующей» деятельности компаний. Более того, если бы она и была выделена в структуре доходов, то не отражала бы реального объема указанного вида деятельности, так как многие культурные мероприятия бесплатны, а предприятия убыточны. Тем не менее, культурная деятельность приобретает особый размах. Она является для железнодорожных компаний важным фактором привлечения пассажиров и увеличения прибыльности, а для страны — фактором культурного развития как всего японского общества, так и отдельной личности.

Среди культурных мероприятий проводимых приватизированными железными дорогами, можно отметить следующие.

В 1992 г. Восточная железная дорога создала Фонд культуры, который организует бесплатные экспозиции картин в галереях при железнодорожной станции Токио, устраивает концерты с участием популярных артистов, оказывает финансовую поддержку народным ремеслам и традиционному искусству. Фонд выпускает ежеквартальный научно-популярный журнал «Japan Railway and Transport Review», который знакомит читателей более чем 140 стран мира не только с научно-техническими и другими достижениями в области транспорта, но и культурой, бытом и традициями японцев. Это — лишь незначительная часть проводимых Восточной железной дорогой культурных мероприятий.

Особое значение расширение «непрофилирующей» деятельности имеет для убыточных компаний Хоккайдо, Кюсю и Сикоку. Именно на застройку территорий жилыми комплексами, строительство отелей и магазинов, культурных центров и театров возлагает большие надежды руководство этих компаний. Прогнозируя значительное старение населения (предполагается, что к 2020 г. 25% японцев будет в возрасте свыше 65 лет), эксперты железнодорожной компании Хоккайдо уже сейчас осуществляют необходимые мероприятия для обеспечения в будущем перевозок, отдыха, культурных развлечений именно этой части населения.

Красота и живописность о-ва Хоккайдо привлекает любителей природы, что позволяет компании развивать туризм, в том числе и международный. В Саппоро создана соответствующая инфраструктура отдыха и спорта.

⁹ Japan Railway and Transport Review. 1997, January, № 10. East Japan Railway Culture Foundation, p.5.

Железнодорожная компания Хоккайдо, диверсифицируя свою деятельность, создала несколько филиалов. Образование филиалов — объективный процесс, так как для расширения побочных видов деятельности необходима их организационная самостоятельность.

По пути диверсификации идут и убыточные железнодорожные компании Кюсю и Сикоку. Диверсификация деятельности железнодорожных компаний на относительно малозаселенных островах позволит, по мнению японских экспертов, в перспективе поднять и стабилизировать их доходы.

Подводя итоги социально-экономической деятельности японских приватизированных и частных железнодорожных компаний, следует отметить следующее.

Железнодорожные компании обеспечивают динамичное развитие железнодорожного транспорта соответственно потребностям и возможностям страны, внедрение самых последних научно-технических достижений для повышения комфортабельности и скорости перевозок. И хотя приватизированные компании далеко не всегда могут обеспечить сверхсовременными линиями синкансэн межгородские железнодорожные связи, они в ряде случаев адаптируют уже имеющиеся линии к прохождению по ним поездов, идущих со скоростью 100—150 км/час (хотя она в 1,5—2 раза ниже скорости синкансэн).

После приватизации японской государственной железнодорожной корпорации железнодорожный транспорт перестал быть бременем государственного бюджета. Более того, регулярно выплачивая налоги и проценты по займам, он в определенном смысле поддерживает бюджет.

В условиях острой конкуренции и быстро меняющейся конъюнктуры на рынке транспортных услуг железнодорожные компании осуществляют комплексные застройки прилегающих к терминалам и линиям территории. В бизнесе освоение новых земель всегда считается делом повышенного риска, и в истории экономической жизни многих стран являлось, в основном, делом государства. Железнодорожные компании, застраивая территории, частично снимают этот груз с плеч государства. Освоение территорий ведется по хорошо разработанным комплексным проектам.

Развитие культуры тоже становится в определенных пределах не только проблемой бюджета, но и задачей железнодорожных компаний. Частные, а с конца 70-х годов и приватизированные компании частично заменяют государство в развитии культуры и поддержании традиционных ценностей японского общества. Культурная деятельность только на первый взгляд кажется убыточной для компании. Более тщательный анализ показывает, что от этого железнодорожные компании значительно выигрывают, привлекая тем самым пассажиров и создавая транспорту рекламу. Обнаруживается взаимная выгода железнодорожных компаний и государства.

Высокий уровень обслуживания не только пассажиров, но и посетителей культурно-зрелищных и спортивных мероприятий, покупателей в магазинах, жильцов кварталов, застроенных железнодорожными компаниями, позволяет развивать культуру в быту.

Широкий размах социально-экономической деятельности помогает обеспечить дополнительную занятость японцев. Реорганизовавшись, приватизированные компании перевели значительную часть бывших государственных служащих в предприятия и филиалы, занимающиеся «непрофилирующими» видами деятельности. Этим они обеспечили не только занятость, но и переквалификацию и даже формирование нового сознания работающего человека, ориентирующегося на потребности быстроменяющейся конъюнктуры рынка и ценности самостоятельности и творчества.

На пороге XXI века: японские и российские подходы к форсированию научно-технической деятельности

Ю.Д.Денисов

нешний этап развития российской науки связан с серьезными преобразованиями ее организационных основ, направленными на сохранение и совершенствование научного потенциала страны. Ряд конкретных мер, принятых для обеспечения решения этой задачи, содержится в «Доктрине развития российской науки», документе, в котором подробно изложены система мер и принципы, определяющие механизм государственного регулирования научной деятельности.

В соответствии с Указом Президента РФ № 884 от 13 июня 1996 г. «Доктрина развития российской науки» является основой для проведения государственной научной политики в России¹.

В последнее время проблеме совершенствования научного процесса уделяется большое внимание во всех странах. Чрезвычайно актуальной она является для Японии, поскольку на многих направлениях НТП, где ожидается появление ключевых для экономики и общества инноваций, весьма активно действуют США. В этих условиях Япония ищет пути

¹ Доктрина развития российской науки. М., 1996, с.4.

и способы радикально повысить результативность научной и инженерной деятельности. Об этом свидетельствуют подготовка и принятие таких важных документов, как «Основные направления научно-технической политики» (1992 г.), Основной закон о науке, технике и технологиях (1995 г.), «Базовый план научно-технического развития» (1996 г.).

Таким образом, задача совершенствования научно-технического потенциала является общей как для России, так и для Японии. В этой связи было бы интересно рассмотреть подходы к ее решению в обеих странах, чтобы уяснить, в чем здесь преуспели японцы и чего, возможно, недостает в отечественном управлении наукой. Обратимся к содержанию названных выше документов, уделив особое внимание «Доктрине развития российской науки» и японскому Основному закону о науке, технике и технологиях, являющемуся в сущности японской научной доктриной. В заключение покажем на ряде примеров, как для реализации тех или иных положений отечественной доктрины научного развития можно было бы использовать конкретный японский опыт.

Сравнивая оба документа, легко заметить их сходство по целому ряду концептуальных позиций. Так, в соответствии с российской доктриной наука и научный потенциал являются национальным достоянием, определяющим будущее России, более того, ее важнейшим ресурсом. Японская позиция по существу аналогична и заключается в том, что наука и техника обеспечивают базу для будущего развития Японии, а также всего человечества. Немало общего можно усмотреть в российском и японском подходах к организации научной деятельности и принципам государственной научно-технической политики, например, предоставление исследователям и разработчикам большей самостоятельности при планировании и выполнении работ, совершенствование их квалификации и условий труда, широкая информационная поддержка, активизация науки в высших учебных заведениях, содействие в распространении результатов исследований и разработок, помощь в организации международного научно-технического сотрудничества и т.д.

Не удивительно, что организационные принципы управления научной деятельности в России и Японии довольно близки, поскольку они в значительной части являются универсальными, общемировыми. Другое дело, как они реализуются на практике. Это, естественно, зависит от многих конкретных факторов, связанных с состоянием экономики и общества. В то же время следует указать и на следующее крайне важное обстоятельство — успех научно-технической деятельности самым непосредственным образом зависит от того, насколько ясно и четко определен ключевой ориентир, задающий ход в нужном направлении всей системе принципов и практических мер, составляющих содержание научной политики.

На пороге XXI века: японские и российские подходы к форсированию научно-технической деятельности

Ю.Д.Денисов

Нынешний этап развития российской науки связан с серьезными преобразованиями ее организационных основ, направленными на сохранение и совершенствование научного потенциала страны. Ряд конкретных мер, призванных обеспечить решение этой задачи, содержится в «Доктрине развития российской науки», документе, в котором подробно изложены система взглядов на роль и значение науки для современной России, а также принципы, определяющие механизм государственного регулирования научной деятельности.

В соответствии с Указом Президента РФ № 884 от 13 июня 1996 г. «Доктрина развития российской науки» является основой для проведения государственной научной политики в России¹.

В последнее время проблеме совершенствования научного процесса уделяется большое внимание во всех странах. Чрезвычайно актуальной она стала для Японии, поскольку на многих направлениях НТП, где ожидается появление ключевых для экономики и общества инноваций, весьма энергично и активно действуют США. В этих условиях Япония ищет пути

¹ Доктрина развития российской науки. М., 1996, с.4.

и способы радикально повысить результативность научной и инженерной деятельности. Об этом свидетельствуют подготовка и принятие таких важных документов, как «Основные направления научно-технической политики» (1992 г.), Основной закон о науке, технике и технологиях (1995 г.), «Базовый план научно-технического развития» (1996 г.).

Таким образом, задача совершенствования научно-технического потенциала является общей как для России, так и для Японии. В этой связи было бы интересно рассмотреть подходы к ее решению в обеих странах, чтобы уяснить, в чем здесь преуспели японцы и чего, возможно, недостает в отечественном управлении наукой. Обратимся к содержанию названных выше документов, уделив особое внимание «Доктрине развития российской науки» и японскому Основному закону о науке, технике и технологиях, являющемуся в сущности японской научной доктриной. В заключение покажем на ряде примеров, как для реализации тех или иных положений отечественной доктрины научного развития можно было бы использовать конкретный японский опыт.

Сравнивая оба документа, легко заметить их сходство по целому ряду концептуальных позиций. Так, в соответствии с российской доктриной наука и научный потенциал являются национальным достоянием, определяющим будущее России, более того, ее важнейшим ресурсом. Японская позиция по существу аналогична и заключается в том, что наука и техника обеспечивают базу для будущего развития Японии, а также всего человечества. Немало общего можно усмотреть в российском и японском подходах к организации научной деятельности и принципам государственной научно-технической политики, например, предоставление исследователям и разработчикам большей самостоятельности при планировании и выполнении работ, совершенствование их квалификации и условий труда, широкая информационная поддержка, активизация науки в высших учебных заведениях, содействие в распространении результатов исследований и разработок, помощь в организации международного научно-технического сотрудничества и т.д.

Не удивительно, что организационные принципы управления научной деятельности в России и Японии довольно близки, поскольку они в значительной части являются универсальными, общемировыми. Другое дело, как они реализуются на практике. Это, естественно, зависит от многих конкретных факторов, связанных с состоянием экономики и общества. В то же время следует указать и на следующее крайне важное обстоятельство — успех научно-технической деятельности самым непосредственным образом зависит от того, насколько ясно и четко определен ключевой ориентир, задающий ход в нужном направлении всей системе принципов и практических мер, составляющих содержание научной политики.

Каков этот ориентир для отечественной науки наших дней? Заметим, что в «Доктрине развития российской науки» он не сформулирован, но прийти к нему позволяют следующие рассуждения. Как известно, в России в последние годы произошло значительное снижение целого ряда количественных параметров, характеризующих научный потенциал, в первую очередь численности научных кадров, финансовых и материальных ресурсов, потребляемых в сфере науки. Основным способом компенсировать этот недостаток является качественное совершенствование научной деятельности, в результате чего наука как генератор фундаментальных знаний и передовых технологий должна значительно повысить свою эффективность, другими словами, обеспечить более высокую отдачу на единицу потребляемых ресурсов, чем это было в прошлом. Отсюда ясен и ключевой ориентир научной политики России: качественное совершенствование научного процесса, направленное на значительное повышение его эффективности.

Изложенные в отечественной доктрине, в разделе «Развитие научного потенциала России» принципы организации и поддержки науки в большинстве своем как раз и сориентированы на решение этой задачи, так и не получившей отражения в тексте документа.

Между тем, даже упомянутый выше раздел было бы правильнее озаглавить: «Развитие и повышение эффективности научного потенциала России». Хотя, строго говоря, концепцию перехода к более эффективному развитию науки следовало бы изложить в документе с достаточной полнотой и выделить ее в качестве ключевого тезиса.

Представленные в «Доктрине развития российской науки» конкретные меры, способствующие повышению эффективности научной и инженерной деятельности очень близки к мерам, апробированным в последние годы в Японии и в соответствии с «Базовым планом научно-технического развития» внедряемым там уже в широких масштабах. Это — открытость и гласность при формировании и реализации научной политики, интеграция науки и образования, развитие конкурсных начал в распределении средств на научные программы и проекты, введение контрактной системы в сфере научных исследований и опытно-конструкторских работ (НИОКР), использование налоговых льгот для стимулирования и поддержки научной деятельности, создание благоприятных условий инвестирования в науку средств предпринимательского сектора и др.².

Теперь перейдем к более конкретной характеристике японского Основного закона о науке, технике и технологиях, который, как было отмечено выше, можно считать доктриной развития японской науки. Для подобного

² Там же, с. 12-15.

суждения существуют достаточные основания: в документе четко выражена точка зрения государства на значение науки для развития Японии, изложены общие принципы ее организации как единой общенациональной системы, даны основные направления государственного содействия научно-техническому развитию.

Уже в самом начале документа выделен основной тезис, с которым связываются перспективы дальнейшего развития японской науки, а именно, всестороннее и полное развитие творческих возможностей научных инженерных кадров. Его можно уверенно назвать ключевым фактором японской научной политики. Задача поднятия деятельности ученых и инженеров на уровень творческого процесса приобрела для Японии особую актуальность, поскольку с ее решением здесь связывают «перенастройку» научно-технического потенциала с режима имитаторства и доработок на режим инновационных прорывов. Главным критерием оценки научной организации, группы, отдельно взятого специалиста становятся их творческие возможности. Соответственно меры по организации научно-технической деятельности во все большей степени переориентируются на выявление и усиление этих возможностей³.

В рассматриваемом документе эти меры представлены в нескольких статьях, излагающих основные направления государственного содействия научно-техническому развитию. Обобщая их содержание, можно выделить два приоритетных направления совершенствования научно-технической сферы.

1. Повышение качества научного и инженерного труда (глубокая профессиональная подготовка специалистов и содействие дальнейшему повышению их квалификации, предоставление им самого современного оборудования и информационных ресурсов, обеспечение их вспомогательным персоналом и т.п.).

2. Органичная кооперация между различными научно-исследовательскими учреждениями, в частности НИИ, вузами и лабораториями компаний (значительное расширение масштабов совместных исследований, активный обмен специалистами, предоставление лабораторных стендов и оборудования внешним организациям и др.)⁴.

Последнее из названных направлений рассматривается в Японии как крупнейший резерв, который позволяет достигнуть значительных результатов, особенно в творческом плане, за счет лучшего маневрирования имеющимися ресурсами научно-технической деятельности. Ожидается, что создание мобильных групп, организуемых «под проблему», а затем заново

³ Кагаку гидзюцу ёран. 1996, с. 110.

⁴ Там же, с. 110-113.

переформируемых, позволит реализовать синтез различных специалистов в таких комбинациях, которые обеспечат самые серьезные «прорывы» в науке и технике. Основания для подобных оценок дают многие инновации, имеющие междисциплинарный характер, а также крупные открытия, которые делаются «на стыке наук». Большой эффективности целевых групп, а также специалистов, откомандированных во внешние организации, способствует также контрактный метод их работы. Контракт заключается на непродолжительный период, во многих случаях на один год, а его возобновление зависит от конкретных результатов деятельности специалиста.

По-видимому, курс Японии на форсирование творческого начала в научно-технической деятельности должен быть по достоинству оценен российскими специалистами по организации отечественной науки. В частности, следовало бы провести специальные исследования, посвященные закономерностям творчества, оптимизации условий его проявления на индивидуальном и коллективном уровнях.

Чрезвычайно важное замечание, касающееся содержания российской доктрины, возникает при ознакомлении со статьей японского документа, в которой подчеркивается важная роль научно-технической деятельности частного сектора и указывается на необходимость ее поддержки со стороны государства⁵. Действительно, частный сектор в Японии финансирует почти 80% общего объема научных исследований и опытно-конструкторских работ. Достаточно велика эта цифра и в других зарубежных странах. Хотя в России предпринимательский сектор финансирует пока менее 20% объема НИОКР, ход экономических реформ и разгосударствление крупных секторов экономики задают четкую тенденцию на значительное разгосударствление и научной сферы. Следовательно, в таком важном документе, каким является «Доктрина развития российской науки», эта тенденция должна быть обязательно учтена. Иначе говоря, должно быть четко указано, что в перспективе государство рассматривает предпринимательский сектор в качестве важнейшего субъекта научно-технической деятельности.

Вероятно, уже в настоящее время следует разработать программу реформирования сферы науки в плане координации ее разгосударствления при сохранении управления российским научным потенциалом как единым целым.

В «Доктрине развития российской науки» в числе основных мер, направленных на стимулирование научной деятельности, называются налоговые льготы. В Японии система налоговых льгот является высокоразвитым инструментом государственного поощрения инновационной активности фирм, и в определенной степени ее принципы могут быть применены в

⁵ Там же, с. 112.

российских условиях. Так, в Японии общегосударственный налог на корпорации уменьшается на величину, зависящую от прироста затрат на НИОКР. Она составляет 20% величины, на которую эти затраты в данном финансовом году превышают максимальный уровень в 1967/68 — 1993/94 фин. гт., или 10%, если фирма предпочитает выбрать период после 1993/94 фин.г. Предельная скидка составляет 10% величины налога.

Чтобы стимулировать исследования по передовым технологиям, установлена налоговая скидка на проведение НИОКР в области биотехнологий, технологий материалов с особыми свойствами, техники для космических исследований, мехатроники и новейшей электроники. Ее величина — 7% первоначальной стоимости фондов, используемых для НИОКР в области названных технологий, но не более 15% величины корпоративного налога⁶.

Существуют и другие налоговые льготы, например для стимулирования НИОКР в области энергосберегающей техники, а также для фирм, которые проводят НИОКР совместно с государственными НИИ и вузами.

В российской доктрине указывается на необходимость создания благоприятных условий для инвестирования в науку средств промышленных предприятий, банков и др. Как конкретный пример японского опыта в этой области можно назвать реализацию программы «Технополис». В соответствии с этой концепцией, выдвинутой в 1980 г., целый ряд периферийных городов преобразуется в опорные пункты развития высокотехнологичных производств — технополисы. Направления научно-производственной деятельности в технополисах выбираются с учетом сложившейся в данном районе отраслевой специализации, однако благодаря применению новейших наукоемких технологий она выполняется на качественно новом уровне.

Реализация этой программы активно поддерживается правительством, которое предоставляет компаниям, вкладывающим средства в технополисы, значительные налоговые и финансовые льготы. Так, полностью или частично освобождаются от налога основной капитал и оборудование, предназначенные для проведения исследований и разработок. В течение первых пяти лет после начала строительства технополисов действует система ускоренной амортизации, в соответствии с которой уже в первый год разрешается списание до 30% стоимости оборудования и 15% стоимости зданий и сооружений. Предоставляются льготы по кредитам, особенно существенные — мелким и средним фирмам. Кроме того, правительство частично субсидирует научно-исследовательскую деятельность в технополисах. Все это сделало программу «Технополис» достаточно привлекательной для частного сектора⁷.

⁶ Кагаку гидзюцу хакусё. 1995, с.362-363.

⁷ Тимонина И.Л. Япония: опыт регионального развития. М., 1992, с.22.

Одним из важнейших элементов реформирования системы управления наукой, согласно отечественной доктрине, является обеспечение *множественности источников финансирования* исследований и разработок за счет поддержки целевых государственных фондов. Это направление активно развивается и в Японии. Так, в ведении Управления по науке и технике (УНТ) находятся специальные координационные фонды поддержки науки и техники. Они используются для финансирования фундаментальных исследований, а также работ комплексного характера, проводимых как несколькими госНИИ, так и в рамках сотрудничества государственных научно-исследовательских учреждений с частным сектором.

На фундаментальную науку расходуется также около половины средств для НИОКР, выделяемых министерству просвещения. Эти средства в основном предназначаются для проведения исследований в государственных вузах. Кроме того, из них формируются гранты для исследователей, работающих по наиболее актуальной тематике.

Широкую поддержку научно-исследовательским работам в частных фирмах оказывает министерство внешней торговли и промышленности (МВТП). В частности, Центр ключевых технологий, финансируемый также министерством связи, предоставляет компаниям беспроцентные ссуды для проведения исследований и разработок в областях, связанных с большим финансовым риском, обеспечивает информационную поддержку исследованиям по новейшим технологиям, приглашает иностранных специалистов для работы в японских лабораториях. Помимо этого, в рамках отведенного финансирования центр поддерживает исследования, проводимые совместно частными фирмами и госНИИ.

Важным направлением финансирования по линии МВТП являлись «Большие проекты», в значительной степени обеспечившие Японии прочные позиции на главных направлениях НТП благодаря концентрации объединенных усилий ведущих фирм. В ходе работ над «Большими проектами» интенсифицировался обмен знаниями между специалистами разных компаний, между частными и государственными лабораториями. Широко использовался программно-целевой метод управления разработками, известный своей мобильностью и эффективностью. При этом МВТП стремилось ограничить долю своего финансового участия 50%, а по возможности понизить ее еще. Прямое финансирование заменялось косвенными мерами, такими, как ускоренная амортизация, налоговые льготы на проведение НИОКР, а также доступ к оборудованию и патентам, находящимся в государственной собственности⁸.

⁸ Тацуно Ш. Стратегия — технополисы. М., 1989, с. 84.

К перспективным мерам повышения эффективности научно-исследовательской деятельности российская доктрина относит *развитие конкурсной и контрактной систем*. В Японии есть определенные достижения на этом направлении, в частности, связанные с деятельностью Японской корпорации по исследованиям и разработкам (ЯКИР).

Так, с 1981 г. ЯКИР обеспечивает организацию и финансирование поисковых исследований для разработки на их основе новых передовых технологий (программа ERATO: «Exploratory Research for Advanced Technology»). Эти исследования организуются, как конкретные проекты, рассчитанные на выполнение небольшими (до 20 человек) творческими группами, которыми руководят видные японские специалисты. Корпорация ежегодно производит конкурсный отбор четырех кандидатов на руководство проектами по предлагаемой ими тематике. Этим занимается специальный совет, состоящий из представителей промышленных компаний, профессоров университетов, руководителей НИИ. Его решение утверждается президентом ЯКИР, после чего участники исследовательских групп, сформированных под ответственность руководителей проектов, заключают с корпорацией ежегодно возобновляемые контракты. Группы формируются из уже известных своими успехами исследователей, работающих в университетах, НИИ, компаниях, в том числе за рубежом. Необходимое научное оборудование арендуется в государственных и частных лабораториях, где затем и проводятся сами исследования.

С 1991 г. корпорация предоставляет возможность проведения поисковых исследований индивидуальным ученым, заключая с победителем контракт на трехлетний срок и предоставляя этим ученым необходимое лабораторное оборудование и другие средства. Особенность работ — «прощупывание» абсолютно новых научных областей в расчете на возможное открытие необычных, по существу неожиданных, эффектов (программа PRESTO: «Precursory Research for Embryonic Science and Technology»)⁹.

Согласно отечественной доктрине одной из мер, способствующих развитию российской науки, является создание условий и предоставление необходимых ресурсов для участия российских ученых в международных проектах.

В Японии также считают, что участие в международных проектах и программах является весьма продуктивным направлением форсирования научных исследований. Еще в первой половине 70-х годов на этом направлении были осуществлены серьезные сдвиги — заключены межправительственные соглашения о научно-техническом сотрудничестве с Францией, ФРГ, СССР, США. В дальнейшем были подписаны соглашения еще с це-

⁹ JRDC. 1992-1993. 1993, p. 3,7-8.

лым рядом стран. Серия договоров была заключена с Международным энергетическим агентством. Широкую практику приобрело заключение прямых договоров между государственными НИИ Японии и зарубежных стран.

В итоге в сферу научно-технической кооперации была включена обширная тематика, связанная с экологией, энергоснабжением, переработкой сырья, освоением Мирового океана, развитием производственных технологий, получением новых материалов, обработкой информации и др.

Наконец, учитывая, что Япония существенно уступает США и странам Западной Европы в области наук о живой материи (наук о жизни) и что именно в этой области ожидаются серьезные «прорывы», японское правительство само организовало крупную научно-исследовательскую программу по этой проблематике с привлечением к ней возможно большего числа зарубежных ученых. Программа известна под названием «Human Frontier Science Program» («Передний край наук о человеке»). Полномасштабные работы по ней начались в 1992 г.

Участниками работ, помимо самой Японии, стали США, Франция, ФРГ, Великобритания, Швеция, Канада, Италия. Более 80% расходов по программе оплачивает Япония. Ее финансовый вклад в 1997/98 фин. г. составил более 37 млн. долл. Японскими ведомствами, по линии которых осуществляется финансирование работ, являются Управление по науке и технике (60%) и министерство внешней торговли и промышленности (40%). По данным Международной комиссии по руководству программой, в 1995 г. для участия в последней было утверждено 367 исследователей. По оценкам специалистов, наметилось три главных направления «прорыва»: в области изучения ряда заболеваний мозга, выяснения механизма его действия и подходов к борьбе со структурными повреждениями ДНК. Опыт организации и реализации этой научной программы, несомненно, может быть очень полезен для России¹⁰.

* * *

Изложенное выше показывает, что японский опыт формирования основ научной политики, а также принятия конкретных практических мер по ее реализации может быть полезен при решении такой важной задачи, как перевод российской науки на качественно новую ступень с более эффективным использованием научного потенциала. При этом, как следует из японских реалий, необходимо четко определить меры стимулирования и поддержки предпринимательского сектора, имея в виду, что объективно он будет становиться все более важным и независимым субъектом деятельно-

¹⁰ Кагаку гидзюцу хакусё. 1996, с. 359; STA Today. 1996, № 7, p. 7.

сти в сфере исследований и разработок. Государство всеми имеющимися у него рычагами должно содействовать тому, чтобы эта деятельность обеспечивала развитие высоких технологий и ключевых инноваций. Самого серьезного внимания заслуживает курс японской научно-технической политики на усиление творческого начала в научном процессе, повышение научного и инженерного труда, установление органичной научной кооперации в общенациональных масштабах.

Однако в российских условиях все это может быть реализовано на практике лишь при наличии надлежащего государственного финансирования и весомых инвестиций в исследования и разработки в предпринимательском секторе экономики. К сожалению, само по себе существование «Доктрины развития российской науки» не очень заметно продвигает решение этой проблемы. Но без ее решения обеспечить полноценное развитие научного потенциала России и использовать науку в качестве ее важнейшего ресурса вряд ли возможно.

Административная реформа: от разработки планов к их реализации

А.И.Сенаторов

Япония приступает к проведению довольно масштабных реформ, которые должны в преддверии XXI в. адаптировать общество к новым условиям, сложившимся в стране в ходе ее послевоенного развития, и крупным переменам на международной арене. Реформы затрагивают разные сферы жизни японского общества, предполагают внесение крупных изменений в политическую и социально-экономическую систему, основы которой были заложены 50 лет тому назад глубокими послевоенными демократическими преобразованиями. Основные направления предстоящих перемен сформулированы в провозглашенном в январе 1997 г. премьер-министром Р.Хасимото курсе «шести реформ». Речь идет об административной реформе, а также реформах финансовой структуры, системы денежного обращения, экономической структуры, социального обеспечения, образования¹. Этот курс еще раз подтвержден Р.Хасимото при реорганизации кабинета министров в сентябре 1997 г.

Автор настоящей статьи поставил перед собой задачу кратко ознакомить читателей ежегодника с замыслом и ходом одной из намеченных реформ — административной, осуществлению которой правительство Японии отдает приоритет.

¹ Подробнее см.: Япония 1996–1997. Ежегодник. М., 1997, с. 17–21.

Проведение основательной административной реформы — весьма сложная задача, поскольку она затрагивает интересы самых различных слоев общества, а к тому же означает ломку ставших привычными порядков, при которых страна достигла больших успехов. «Сегодня, — говорил японский премьер-министр на совместном заседании обеих палат парламента, — со всей очевидностью выявились пределы возможностей системы управления в нашей стране. Она хорошо работала в процессе подъема Японии. Но по этой причине нынешняя административная система пустила глубокие корни в обществе. Соглашаясь с ее реформой в общих чертах, многие при обсуждении конкретных ее мероприятий высказываются против них. Однако я полагаю, что без административной реформы народного доверия нельзя получить»².

О трудностях, с которыми сталкивается административная реформа, говорит уже тот факт, что замысел внесения крупных изменений в существующую систему государственного управления родился в Японии отнюдь не «вчера». К началу 80-х годов в Японии назрела идея серьезного пересмотра роли государства в экономической жизни страны, повышения действенности его руководства путем концентрации усилий на стратегически важных направлениях при отказе от некоторых социально-экономических функций. Такого рода перемены аргументировались тогда необходимостью преодолеть сбой в функционировании экономики, выразившиеся в углублении кризиса государственных финансов, в частности, из-за неэффективной работы государственных предприятий, росте расходов на содержание правительственных учреждений. Критике подверглось активное вмешательство государства в дела частных предприятий, ослабляющее их самостоятельность и сковывающее инициативу. Предпринимательские организации не скрывали своей заинтересованности в существенном расширении сферы действия частного капитала, выступали с требованиями освободить его от излишней правительственной опеки, создать более благоприятные условия для проявления предприимчивости. Эти требования приобретали большую убедительность на фоне поднимавшейся в то время в других развитых капиталистических странах волны неоконсервативных настроений в пользу радикального сокращения государственного вмешательства в жизнь гражданского общества.

Проведенная в середине 80-х годов правительством либерал-демократов во главе с Я.Накасонэ административно-финансовая реформа привела главным образом к реорганизации и приватизации ряда крупных государ-

² Асахи симбун. 29.09.1997 (веч. выпуск).

ственных предприятий. Были отменены или ослаблены положения некоторых законов, устанавливающие лицензирование и другие виды административного регулирования хозяйственной деятельности. Однако в целом эта реформа, вызвавшая бурные споры в политических и общественных кругах Японии и встретившая резкое сопротивление со стороны таких оппозиционных партий, как социалистическая и коммунистическая, и части профсоюзов, не устранила главную причину критики системы государственного управления — всеобъемлющего вмешательства правительства в жизнь общества, прежде всего в сфере экономики.

Критика по поводу «бюрократического руководства» страной продолжалась и усиливалась, раздаваясь и справа и слева, а также от тех, кто стремился стоять выше идеологических споров.

Недовольство выказывалось в деловых кругах, особенно представляющих крупный капитал. Свои претензии предъявляли чиновники местного самоуправления, которые тяготились ежедневным согласованием с центром множества проблем сугубо местного значения. Как отмечал обозреватель журнала «Форчун», «даже помешанные на контроле фанатики из правительственной бюрократии начинают говорить о необходимости ускорить сильно запоздавшую отмену регулирования экономики, чтобы помочь снижению производственных издержек и преград, отбивающих охоту заниматься бизнесом в Японии, а также для того, чтобы привлечь в страну побольше иностранных прямых капиталовложений»³.

Вплоть до настоящего времени на страницах различных изданий японские критики бюрократического стиля государственного руководства неустанно напоминают, что почти половина (42%) производства товаров и услуг в Японии в той или иной степени подлежит регламентации, тогда как этот показатель в США снизился до 7%.

К.Омаэ, возглавивший группу политиков и исследователей, сторонников крупных политических и экономических реформ, писал: «Начиная с послевоенного времени и до сих пор бюрократический механизм Японии успешно работает, поощряя развитие экономики. Но то, что в нем десять лет назад еще считалось плюсом, в последнее время оказывается минусом»⁴.

Показательно принятие в июне 1993 г. обеими палатами парламента «резолюции о расширении полномочий местной власти», в которой было выдвинуто требование «исправления методов администрирования из центра»⁵. Это свидетельствовало о резком сближении взглядов на эту проблему

³ ИТАР-ТАСС. 05.12.1994. с.37.

⁴ Омаэ Кэнъити. Хэйсэй канрёрон (Бюрократия периода Хэйсэй). Токио, 1994, с. 16.

⁵ Подробнее см.: Сенаторов А.И. Японская модель самоуправления. Статья третья. — Знакомьтесь — Япония. 1996, № 13, с. 37-42.

правлящих тогда либерал-демократов с мнением оппозиции, настойчиво добивавшейся повышения роли местного самоуправления.

Помимо всего прочего, в Японии не могли игнорировать и того, что ее партнеры по внешнеэкономическим связям, в особенности США, упорно требуя на всех переговорах большей открытости японских внутренних рынков, сначала косвенно, а затем и напрямую указывали на необходимость «структурных перемен», которые соответствовали бы процессу интернационализации мировой экономики.

Неизбежность новой административной реформы, более глубокой, чем осуществленная при кабинете Я.Накасонэ, стала совершенно очевидной. Ее первоочередными задачами стали дерегуляция и децентрализация.

В начале 1993 г., при правительстве либерал-демократов во главе с К.Миядзава было признано желательным отменить около 10 тыс. из имевшихся на то время 11,4 тыс. различных актов регулирования экономики. Осенью того же года правительство многопартийной коалиции, отстранившее либерал-демократов от власти и поставившее главной целью проведение политической реформы, не могло не обратиться и к давно назревшим проблемам экономической и административных реформ. Сформированный по поручению премьер-министра М.Хосокава Комитет исследования экономических реформ под руководством председателя Федерации экономических организаций (Кэйданрэн) Г.Хираива в своих рекомендациях правительству сделал акцент на широкомасштабный отказ от административного регулирования, снятие разных ограничений, притом не только в экономике, но и в других сферах. Регулирование, указывалось в «промежуточном докладе» комитета, ведет к окостенению экономики, мешает изменению ее структуры. Дерегуляция (дословный перевод с японского — «смягчение регулирования»), напротив, откроет перед бизнесом новые возможности, расширит занятость, даст больший выбор потребителям, послужит сокращению разрыва цен на внутреннем и внешних рынках, будет способствовать усилению конкуренции и т.д. Следует изучить возможность отказа от регулирования, в том числе в сфере благосостояния, образования, трудовых отношений, финансов. Никаких «священных зон» не должно быть. Нужно руководствоваться принципом свободы, а регулирование сделать исключением. В том же докладе предлагалось учредить специальный надведомственный орган, который будет следить за ходом работы по дерегуляции⁶. В окончательном докладе комитета Г. Хираива (декабрь 1993 г.) сделано заключение: экономическое регулирование должно быть, как правило, отменено, а социальное — сведено к минимуму.

⁶ Майнити симбун. 29.10.1993.

С рекомендацией правительству разработать конкретный план дерегуляции тогда же выступил и созданный ранее Третий консультативный совет по административной реформе.

С учетом этих рекомендаций кабинет М.Хосокава учредил Штаб проведения административной реформы (январь 1994 г.) и утвердил программу, предусматривающую ослабление регулирования по 682 позициям (февраль 1994 г.). Помимо того, был разработан законопроект об учреждении Комитета административной реформы как «третьей» органа, призванного наблюдать за ходом реформы и обладающего правом соответствующих обследований и внесения рекомендаций, к которым премьер-министр обязан относиться «с уважением». Такой закон был принят несколько позднее, при трехпартийном кабинете с участием либерал-демократов, который возглавил социалист Т.Мурояма. Комитет административной реформы был учрежден в декабре 1994 г., а в марте 1995 г. правительство приняло более расширенный план дерегуляции, рассчитанный на пять лет.

Одновременно с разработкой планов дерегуляции в годы коалиционного правления правительством и парламентом приняты важные решения, касающиеся децентрализации. Они основывались на рекомендациях, подготовленных в консультативном органе — Комитете по изучению системы местного самоуправления и в Штабе проведения административной реформы (в мае 1994 г. внутри последнего образована Комиссия по децентрализации). В декабре 1994 г. кабинет Т.Мурояма утвердил основные направления реформы местного самоуправления, а в мае 1995 г. парламент принял подготовленный тем же правительством рамочный Закон о децентрализации. Этим законом в самой общей форме определено, что в компетенцию центра входят «дела, относящиеся к существованию государства» и «дела, подлежащие решению в национальном масштабе», а органам местного самоуправления отводится «значительная роль в самостоятельном и комплексном осуществлении политики на местах». С «позиции упрочнения местного самоуправления» закон требует провести упорядочение и рационализацию «государственного вмешательства», передать на места исполнение ряда функций правительства, пересмотреть порядок финансирования деятельности органов местного самоуправления. Закон предписывает осуществить конкретную работу по децентрализации в течение пяти лет⁷. В июле 1995 г. в соответствии с данным законом учрежден Комитет продвижения децентрализации, наделенный правом давать рекомендации правительству и инспектировать его работу по конкретизации и осуществлению плана децентрализации.

⁷ Асахи симбун. 15.05.1995.

Таким образом, в годы коалиционного правления, сначала без либерал-демократов, а затем с их участием, были определены основные направления административной реформы, которыми признаны дерегуляция и децентрализация, и создан механизм разработки планов конкретных мер по реформированию и контролю за их осуществлением. Вместе с тем задачи административной реформы уже на это этапе постепенно становились более объемными.

В ноябре 1996 г., после образования однопартийного кабинета министров, который возглавил либерал-демократ Р.Хасимото, учреждается Совет административной реформы под руководством самого премьер-министра. Вновь созданный орган приступил к изучению нового «видения государственных функций, адекватных XXI в.», и разработке на этой основе плана реорганизации центральных министерств и управлений.

Разъясняя в парламенте свое понимание «курса шести реформ», Р.Хасимото неотъемлемым его элементом назвал «реформирование самого правительства». Цель административной реформы, по его словам, состоит в создании такой администрации, которая «с позиции народа, пользующегося ее услугами, охватывает все необходимые для него функции, выполняет их с минимальными затратами, способно гибко отвечать на перемены в экономическом обществе, содействуя развитию жизнедеятельности страны». Премьер-министр заявил, что для этого правительство комплексно, не обходя запретные темы, изучает возможности, во-первых, отмены вмешательства государства и органов местного самоуправления нынешними методами административного регулирования: во-вторых, передачи в частные руки тех сфер обслуживания, которые входят в общественный сектор (государственные предприятия, особые юридические лица и т.п.); в-третьих, передачи от государства на места тех дел, где требуется административное вмешательство⁸.

Важным шагом кабинета Р.Хасимото явилось принятие обширной Программы административной реформы, рассчитанной на осуществление до конца нынешнего столетия и определившей конкретные задачи и сроки исполнения по всем ее составным частям⁹.

Девиз реформы, провозглашенный в этом документе, — «осуществление управления в интересах народа через стройную, работающую по правилам, открытую администрацию». В программе подчеркивается, что реформа должна сделать администрацию 1) простой и эффективной, отвечающей новой эпохе; 2) с уважением относящейся к суверенитету народа;

⁸ Асахи симбун. 20.01.1997 (веч. выпуск).

⁹ Полный текст программы и комментарий к ней см.: Токи-но угоки. 1997, № 3, с.60-71.

3) открытой для народа и заслуживающей его доверие; 4) представляющей народу высококачественные услуги¹⁰.

Структура программы построена так, чтобы подтвердить именно эту целевую направленность реформы. Видимо, разработчики программы стремились тем самым продемонстрировать и соответствие реформы интересам всего народа, и новизну — отличие от прежнего, приземленного акцента на дерегуляцию и децентрализацию, продолжение политики приватизации предприятий и учреждений общественного сектора. Те же самые изначальные цели реформы подаются как полностью отвечающие принципу уважения народного суверенитета.

Рассмотрим конкретное содержание Программы административной реформы, не следуя буквально ее структуре, стремясь уяснить, что в рамках реформы уже сделано к концу 1997 г., какие проблемы возникают в процессе реформирования. Разумеется, в кратком обзоре невозможно рассказать о всех аспектах широкомасштабной реформы, поэтому мы намерены остановиться на том, что, на наш взгляд, представляется наиболее интересным с точки зрения россиянина, озабоченного реалиями жизни собственной страны.

ДЕРЕГУЛЯЦИЯ

Смягчение государственного регулирования приобретает все больший размах. Принятые осенью 1993 г. по решению кабинета М.Хосокава экстренные меры по дерегуляции, направленные на расширение внутреннего спроса и осуществленные под нажимом США, включали всего 94 позиции. В дальнейшем списки разных видов регулирования (прямых запретов или ограничений, лицензирования и т.п.), подлежащих пересмотру, непрерывно расширялись. План дерегуляции, принятый в марте 1995 г., охватывал уже более тысячи позиций. При пересмотре в 1996 г. он разбух до 1797 позиций, по которым дерегуляция должна быть осуществлена до конца 1997 г.

Согласно плану 1996 г. дерегуляция, исходящая из общего замысла глубокой структурной реформы японского общества, будет способствовать «построению открытого и свободного общества на принципах ответственности и рыночных отношений». В процессе дерегуляции, указывалось в этом документе, следует иметь в виду, что принимаемые меры должны способствовать:

¹⁰ Токи-но угоки. 1997, № 3, с. 67.

1) повышению жизненного уровня народа благодаря расширению выбора потребителей, отвечающего многообразию их запросов, и сокращению разницы между внешними (мировыми) и внутренними ценами;

2) расширению внутреннего потребления, а также импорта, увеличению возможностей предпринимательской деятельности, достижению международного согласия;

3) облегчению народного бремени, упрощению административных процедур.

Наибольшую заинтересованность в практическом продвижении дерегуляции проявляют бизнесмены, прежде всего из крупных предприятий, завоевавших прочные позиции на внутреннем и зарубежных рынках. Очень активна и требовательна Федерация экономических организаций, разрабатывающая собственные перечни объектов дерегуляции и добивающаяся их полного учета в правительственных планах. От делового мира руководство Кэйданрэн требует решительной поддержки «трех больших реформ» (административной, финансовой и налоговой), причем считает, что первоочередной задачей административной реформы является именно «отмена и смягчение регулирования». Признавая «болезненность» реформ для многих предприятий, председатель Кэйданрэн С. Тоёда убеждает бизнесменов: «Нет ничего важнее, чем самим энергично продвигать реформы. Нельзя допустить, чтобы экономические круги, призывающие к отмене и смягчению регулирования, соглашались с этим в общей форме, а в частностях выступали против»¹¹.

Серьезный аргумент сторонников осторожного подхода к дерегуляции — «провалы рыночного механизма». Его убедительность усилилась на фоне недавних катастрофических для многих японцев последствий «экономики мыльного пузыря», крупных банкротств, происшедших в результате финансовых спекуляций. Деловой мир не может не считаться с тем, что при дерегуляции сбои рыночного механизма станут для населения более ощутимыми.

«Необходимо, — подчеркивает С.Тоёда, — чтобы предприятие как субъект экономики стремилось к достижению прибыли в процессе справедливой конкуренции, одновременно способствовало достижению богатой жизни людей, было полезным для всех слоев общества. Не останавливаясь на простом уважении и соблюдении законов, предприятие должно работать, следуя здравому смыслу как член этого общества»¹². Руководитель Кэйданрэн призывает последовательно соблюдать разработанный, несом-

¹¹ Гэккан Кэйданрэн. 1997, январь, с. 4.

¹² Там же, с.5.

ненно, с целью нейтрализации указанных выше опасений общественности и принятый в декабре 1996 г. новый Устав поведения корпораций¹³.

В предпринимательских кругах высказывается недовольство «медлительностью» в осуществлении дерегуляции. Ее причиной чаще всего называют нежелание правительственных ведомств «отдавать свои полномочия» и их фактическую поддержку со стороны различных организаций с позиций собственных корпоративных интересов, в том числе тех, на которые опираются при выборах правящие партии. Из-за этого, по мнению участника Комиссии по дерегуляции, либерал-демократа Ё.Мияути, работа комиссии долгое время будет «похожа на ловлю мелкой рыбешки»¹⁴.

В действительности же медленное определение объектов дерегуляции объясняется не только тем, что существуют общественные и политические силы, по тем или иным, в том числе сугубо эгоистическим мотивам, заинтересованные в сохранении прежних порядков. Решения, касающиеся дерегуляции слишком сложны, их последствия для общества трудно предсказуемы, чтобы принимать их без серьезного обсуждения и достижения общественного согласия.

Большие трудности, в частности, возникли при обсуждении возможности пересмотра антимонопольного законодательства, включая отмену запрета на образование холдинговых компаний. Сторонники такого пересмотра считали, что закон мешает слиянию компаний и открытию новых производств. В рамках правящей коалиции столкнулись разные мнения. Либерал-демократы настаивали на отмене запрета, социал-демократы соглашались лишь на его частичную отмену, например, при банкротстве финансовых учреждений, разделе компаний и т.п. Длительный и напряженный спор завершился в парламенте принятием летом 1997 г. компромиссных поправок к антимонопольному закону, главная из которых разрешает учреждение холдинговых компаний, за исключением случаев, когда их господство над другими предприятиями становится «чрезмерным».

Заметной, вызывающей озабоченность профсоюзов становится тенденция к распространению дерегуляции на трудовые отношения, социальную сферу. В частности, речь идет об исходящих от предпринимателей требований пересмотра ряда положений трудового законодательства, защищающего права рабочих. Некоторые из этих положений зафиксированы в недавно принятых законах о равенстве женщин и мужчин при их трудоустройстве, об обеспечении нормальных условий командированных работников. Пересмотр трудового законодательства аргументируется прежде всего необходимостью в условиях обостряющейся международной конкуренции изы-

¹³ Содержание устава см.: Япония сегодня. 1997, июль, с. 20.

¹⁴ Тоё кэйдзай. 02.11.1996, с.26-27.

скивать способы использования рабочей силы. Его противники справедливо отмечают, что тенденция к дерегуляции в сфере трудовых отношений не отвечает нынешней обстановке в Японии, характерной сохраняющимся отставанием от США и стран Европы по уровню трудового законодательства и низкой долей ратификации соглашений Международной организации труда¹⁵.

По правительственному плану до конца 1997 г. дерегуляция пока должна идти в первую очередь в таких сферах экономики, как строительство и землепользование, информация и связь, товарное обращение, различные нормы, лицензии, импорт, денежное обращение, ценные бумаги, страхование, энергетика, экология, противопожарные правила и обеспечение безопасности. Она затронет также занятость и трудовые отношения. Установлен порядок ежегодной ревизии и дополнения плана дерегуляции.

Уже в настоящее время можно заметить, что отказ Японии от жесткого регулирования рынка финансовых услуг, включая смягчение контроля валютного обмена, разрешение компаниям и частным лицам работать непосредственно с зарубежными банками и брокерами, открытие внутреннего рынка иностранным страховым фирмам, укрепляет ее позиции во Всемирной торговой организации, позволяя требовать на переговорах с ее членами ответных уступок.

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ

Если дерегуляция имеет целью передать решение разнообразных дел «от чиновников к гражданам», то децентрализация — «от центра на места». На переход от управления по типу «унификации и концентрации полномочий в центре» с его акцентом на национальных единообразии и справедливости к системе управления по типу «многообразия и разделения прав», отражающему мнение жителей регионов, возлагаются большие надежды. В правительственных кругах считают, что осуществление намеченных мер по децентрализации приведет к следующим результатам.

Во-первых, граждане сами смогут заботиться о собственных районах проживания, управлять ими самостоятельно.

Во-вторых, местные дела будут решаться в соответствии с реальной обстановкой на местах, при самостоятельности местного самоуправления, по их собственному суждению и под свою ответственность.

В-третьих, вмешательство государства в процедуру отношений с органами местного самоуправления будет сведено к необходимому минимуму.

¹⁵ Интересный анализ планов пересмотра трудового законодательства см.: Гэкан сякай минсю. 1997, № 503, с. 20-24.

Одновременно с сокращением трудозатрат и финансовых расходов для жителей будут упрощены различные процедуры в решении их дел¹⁶.

Практические шаги в децентрализации пока незначительны. Лишь в октябре 1997 г. завершена конкретизация общей ее концепции, на что Комитету продвижения децентрализации потребовалось более двух лет. На основе четырех докладов — рекомендаций, представленных комитетом премьер-министру, правительство обязано подготовить необходимые законопроекты, а примерно к середине 1998 г. ему предстоит составить детальный план осуществления децентрализации.

Нынешние рекомендации разработаны с учетом мнения всех заинтересованных сторон, в том числе ассоциаций губернаторов префектур, мэров городов и старост поселков, депутатов местных собраний разного уровня. В ходе сопоставления различных взглядов отклонены радикальные предложения, подобные проекту создания более обширных, чем префектуры, семи-девятой «провинций», наделяемых правами политико-административного субъекта. Подтверждено сохранение двухзвенного построения местной власти: города, поселки и деревни как первичные, базовые единицы самоуправления и префектуры, обладающие полномочиями решать вопросы, которые выходят за рамки первичных единиц или непосильны для них в одиночку.

Относительно перераспределения ролей государства и органов местного самоуправления главным является предложение передать последним нынешние государственные функции, которые они и ранее исполняли по поручению правительственных учреждений и под их постоянным контролем (в префектурах исполнение поручений из центра составляет около 80% всего объема их работы). По большинству такого рода дел органы местного самоуправления должны получить полномочия. Меньшая их часть, например, ведение посемейной записи, регистрация иностранцев и т.п., будет осуществляться в строго определенном законах порядке.

На местах положительно восприняли рекомендации о передаче органам самоуправления права самостоятельно принимать решения по городскому (поселковому, деревенскому) строительству, поскольку в этой сфере они крепко связаны по рукам необходимостью многочисленных согласований с центром. Без разрешения из Токио, по известному выражению бывшего премьер-министра М.Хосокава, нельзя даже «перенести автобусную остановку». Следует, однако, отметить, что определенные возможности государства воздействовать на процесс городского строительства и на использование земель по сельскохозяйственному назначению будут сохранены

¹⁶ Токи-но угоки. 1997, № 5, с. 67.

путем установления практики консультаций и согласования наиболее важных местных решений с правительственными учреждениями.

Таким образом, ожидается удовлетворение самых насущных требований расширить полномочия органов местного самоуправления. Прежде всего они получают полную самостоятельность в тех делах, которыми на практике занимались и раньше. Объясняя причину ограниченности планов передачи функций и прав от государства на места, профессор М.Нисио, активно работавший в Комитете продвижения децентрализации, указывает, что рекомендации комитета в основном соответствуют пожеланиям деятелей местного самоуправления¹⁷. Иначе говоря, на местах, исходя из собственных возможностей, на большем пока не слишком настаивают.

Значительную часть рекомендаций составляют предложения, касающиеся укрепления финансовой базы местного самоуправления, без чего трудно говорить о подлинной самостоятельности его органов. Имеются в виду пересмотр соотношения государственных и местных налогов в сторону увеличения доли последних, совершенствование системы отчислений из государственного бюджета на нужды органов местного самоуправления при постепенном сокращении практики предоставления дотаций, расширение выбора в определении объектов местного налогообложения, отказ от обязательного получения разрешения центра на местные займы и т.д. Однако здесь рекомендации во многом абстрактны, требуют дальнейшей конкретизации, в частности, при согласовании с другими органами, ведущими разработку планов налоговой реформы и пересмотра общей финансовой структуры государства.

Прямую связь с проблемой создания прочной самостоятельной финансовой базы органов местного самоуправления имеют предложения о содействии самостоятельному укрупнению, слиянию нынешних городов, поселков, деревень. Эту часть рекомендаций Комитета продвижения децентрализации особенно активно поддерживает министерство по делам самоуправления. «Весьма эффективным для осуществления высококачественного, многообразного административного обслуживания представляется слияние городов, поселков и деревень, при котором укрепляется их финансовая база»¹⁸. Исходя из этой посылки, министерство развернуло работу по поощрению местных инициатив, направленных на слияние муниципий.

Пропагандируются два главных фактора, диктующих укрупнение первичных субъектов самоуправления. Во-первых, расширение зоны повседневной жизнедеятельности, выходящей за пределы проживания людей в нынешних административных районах, влечет за собой и более объемное

¹⁷ Асахи симбун. 10.10.1997.

¹⁸ Токи-но угоки. 1997, № 5, с. 69.

административное обслуживание, территориально более широкой местной инфраструктуры. Во-вторых, плюрализация ценностей жизни и научно-техническая революция требуют более многообразного и высокого содержания административных услуг. Очень важной проблемой, в частности, становится активизация работы в сфере благосостояния в связи с процессом старения населения¹⁹.

С целью содействия слиянию муниципий правительство еще в 1995 г. добилося пересмотра прежнего закона об особых случаях слияний городов, поселков, деревень. Кроме того, рядом правительственных актов облегчена процедура постановки этой проблемы на обсуждение и ее решения заинтересованными сторонами, установлены специальные меры финансовой поддержки градостроительства после слияния, другие гарантии преодоления возможных первоначальных финансовых трудностей. На определенный период сохраняются должности прежних членов местных собраний, учреждаются особые квоты штатных работников. Практические результаты таких мер вылились пока в некоторых местностях в начало процедур, необходимых для достижения согласия населения и его представительных органов на слияние.

Завершающими рекомендациями Комитета продвижения децентрализации стали его предложения о механизме и порядке разрешения конфликтов между правительством и органами местного самоуправления. Признано необходимым создать для этой цели специальный комитет, члены которого будут назначаться премьер-министром с согласия обеих палат парламента. На этот орган возлагается обязанность рассматривать заявления о претензиях обеих сторон, предоставляется право делать свои заключения и предписания по существу конфликтов. В случае несогласия той или иной стороны с заключением комитета за ней сохраняется возможность обратиться к судебному разбирательству.

Программа административной реформы требует, чтобы работа по децентрализации велась не только в центре, но и на местах, сопровождалась пересмотром объема функций местной администрации, упрощением и рационализацией ее аппарата, усилением контроля за деятельностью местных чиновников. Предполагается передача значительной части полномочий префектур первичным субъектам местного самоуправления. О неестественности нынешнего сосредоточения прав на решение дел местного значения в высшем звене самоуправления свидетельствует тот факт, что в префектурах занято более половины (52,5%) служащих местного самоуправления²⁰.

¹⁹ Там же.

²⁰ Токи-но угоки. 1997, № 5, с. 74.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ

Осенью 1997 г. истек намеченный Программой административной реформы годичный срок принципиального определения «методов реорганизации центральных министерств и управлений и практических мер по усилению функций резиденции премьер-министра»²¹. Эта работа в основном завершена. На основе предложений Совета административной реформы правительство планирует внести в 1998 г. в парламент ряд необходимых законопроектов, а затем после тщательной подготовки приступить к реорганизации, чтобы вступить в XXI век с новой структурой кабинета министров.

На сентябрь 1997 г. наметились следующие общие контуры предстоящей перестройки²².

На первое место поставлена задача пересмотра Закона о кабинете министров с целью четко признать личное право премьер-министра на инициативу в определении принципиального политического курса и внедрить принцип принятия решений кабинета министров большинством голосов его членов, а не консенсусом. Центральный объект пересмотра — шестая статья закона, определяющая, что премьер-министр руководит правительственными органами и контролирует их «на основе курса, принятого заседанием кабинета министров»²³. Одновременно предлагается расширить и укрепить аппарат помощников премьер-министра, чтобы фактически образовать его собственный «мозговой центр».

Сторонники усиления руководящей роли премьер-министра апеллируют к необходимости придать политике Японии большую динамичность, в том числе обеспечить оперативность принятия ответственных решений в «чрезвычайных обстоятельствах».

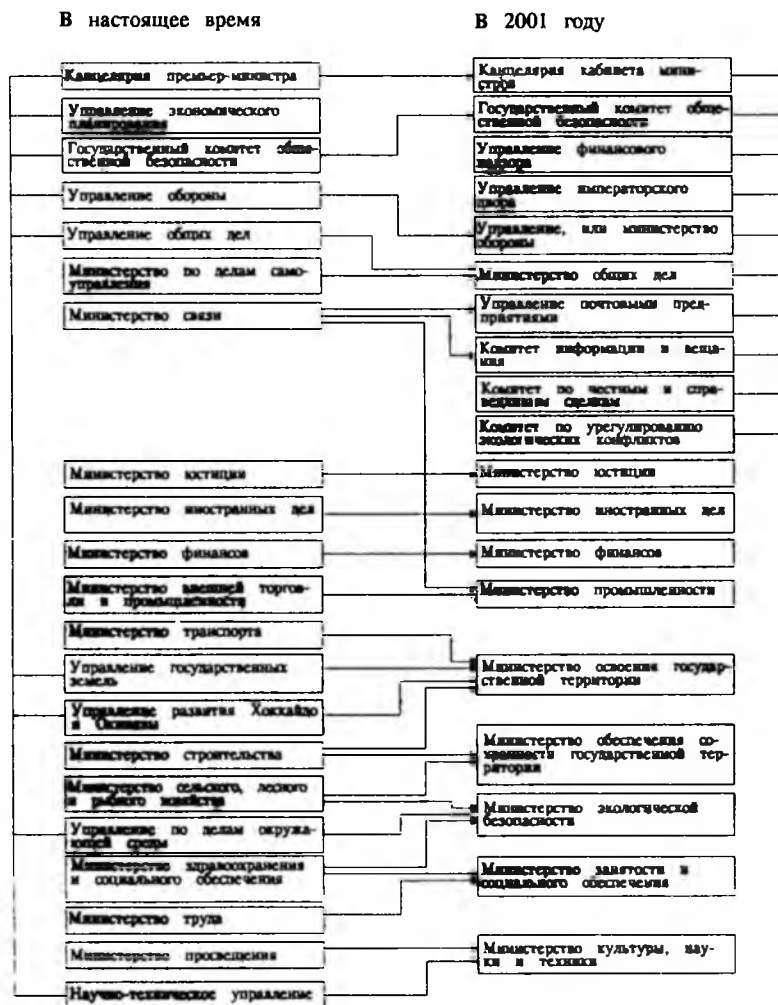
Число нынешних министерств и управлений признано целесообразным уменьшить путем слияний и перераспределения их функций почти вдвое, до 12. Правительство должно состоять из канцелярии кабинета министров (найкауфу), создаваемой на месте нынешней канцелярии премьер-министра (сорифу), но по-прежнему подотчетной непосредственно главе правительства, и 12 министерств и управлений, возглавляемых государственными министрами (см. схему).

²¹ Токи-но угоки. 1997, № 3, с. 62.

²² Асахи симбун. 22.08.1997; 04.09.1997.

²³ Мохан роппо (Стандартный сборник законов). Токио, 1990, с. 161.

СХЕМА РЕОРГАНИЗАЦИИ СТРУКТУРЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА, предложенная Советом административной реформы

В канцелярию кабинета министров включаются государственный комитет общественной безопасности (общее руководство полицией, морской охраной, наркологическим надзором), управление финансового надзора, управление императорского двора, а также управление обороны (может быть, министерство, поскольку единство мнения о статусе этого органа пока не достигнуто). Сохранятся в составе канцелярии кабинета министров, вероятно, секретариат и некоторые другие органы, необходимые для успешной работы кабинета в целом.

По новой структуре будут функционировать следующие министерства: общих дел, юстиции, иностранных дел, финансов, промышленности, освоения государственной территории, обеспечения сохранности государственной территории, экологической безопасности, занятости и благосостояния, культуры, науки и техники. Вследствие такой реорганизации исчезнут отраслевые министерства (сельского, лесного и рыбного хозяйства, транспорта, связи, строительства), а органы, призванные контролировать использование имеющихся у страны ресурсов, будут отделены от тех, которые руководят их освоением. Новая структура приспособляется к задаче комплексного и безопасного освоения государственной территории.

Резко возрастет роль министерства общих дел (в настоящее время управление). В его состав планируется включить относящиеся сейчас к канцелярии премьер-министра комитеты по честным и справедливым сделкам и по урегулированию экологических конфликтов, а также вновь создаваемые комитет информации и вещания и управление почтовых дел.

Нынешние 20 должностей государственных министров скорее всего будут сохранены. Высказывается мнение о том, что премьер-министру следует иметь в непосредственном подчинении группу министров без портфелей, чтобы с их помощью оперативно решать актуальные проблемы и определять перспективы развития страны.

Мерам по реализации общих планов реорганизации правительственной структуры предшествуют некоторые экстренные шаги, которые касаются перестройки системы руководства в сфере финансов и медицинского обслуживания, где в последнее время выявились особенно заметные недостатки. Министерство финансов должно передать функции финансовой проверки и надзора управлению финансового надзора при канцелярии премьер-министра, учрежденному по принятому в 1997 г. специальному закону. Одновременно существенно пересмотрен Закон о Банке Японии, его независимость укреплена, обеспечивается открытость принятия решений в политическом комитете банка, признанном высшим органом национальной денежной политики. В министерстве здравоохранения и социального обеспечения идет перестройка органов, отвечающих за медицинское обслужива-

ние, с целью повысить эффективность их работы, особенно с точки зрения обеспечения безопасности медикаментов.

Планы организационной перестройки правительственных учреждений общественным мнением Японии встречаются неоднозначно. В принципе неизбежность серьезных перемен не отрицается. Господствует мнение, что предстоящая реорганизация должна быть не самоцелью, а естественным следствием дерегуляции и децентрализации государственного управления. С большой настороженностью воспринимается намерение расширить полномочия премьер-министра, в чем усматривается стремление наделить главу правительства, по конституции ответственного перед парламентом, правами и аппаратом по «президентскому типу» правления.

ПРОЧИЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ

Важная задача реформы — упрощение и повышение эффективности работы администрации. Ее решение мыслится через рационализацию управленческих структур, включая определенное сокращение штатов государственного аппарата и органов местного самоуправления, укрепление административного надзора и кадрового контроля, установление более строгого порядка в расходовании денежных средств (сокращение и упорядочение дотаций и т.д.).

Японские сторонники «малого правительства» отнюдь не считают первоочередной целью добиваться сокращения численности государственных чиновников. Правительство Японии, говорят они, «не большое, а тяжелое», причем не в смысле его тяжести для налогоплательщиков, а вследствие назойливого вмешательства в деятельность предприятий, повседневную жизнь народа²⁴. Поэтому и в планах административной реформы фигурируют относительно скромные цифры: за пятилетие, начиная с 1997 г., уменьшить штаты государственных служащих на 35,2 тыс. человек (на 4,11%)²⁵.

Значительные резервы в деле сокращения административного аппарата отыскиваются на другом направлении — в проведении тщательной ревизии обстановки на тех предприятиях и в учреждениях государственного и общественного секторов, которые ныне работают неэффективно, но потенциально их функции могли бы осуществляться и на частной основе, не отягощая государственный карман, вне постоянной правительственной опеки. Таковы особые юридические лица, т.е. организации с правительственными капиталовложениями, учрежденные специальными законами, в которых им

²⁴ Так считает видный обозреватель А.Кодзима. — Гайко форуму. 1997, январь, № 101, с. 22.

²⁵ Токи-но угоки. 1997. № 3, с. 62.

предписано достижение той или иной цели общественного значения. Имеются разные формы особых юридических лиц: банки, финансовые корпорации (коко), два вида общественных корпораций (кодан и дзигёдан), особые компании (токусю кайся). Различаются они главным образом по степени участия государственного капитала и по специфике общественного предназначения. Вместе с тем первоначально определенные для особых юридических лиц цели во многих случаях уже в основном достигнуты или, напротив, их работа неэффективна. Нередко они становятся удобной кормушкой для отставных чиновников.

В 1995 г. правительство приняло решение о слиянии 16 особых юридических лиц в восемь, а также полной ликвидации или приватизации еще пяти. Признано необходимым объединить Экспортно-импортный банк Японии с Фондом зарубежного сотрудничества (в конечном счете решено сделать это лишь в 1999 г. после серьезной подготовительной работы). В 1996–1997 гг. на рассмотрение парламента переданы правительственные законопроекты, касающиеся судьбы ряда особых юридических лиц. По Программе административной реформы список организаций, подлежащих в 1997–1999 гг. различным преобразованиям, включая немедленную или поэтапную приватизацию, расширен.

В ряде конкретных мероприятий, намеченных Программой административной реформы, отражается растущая обеспокоенность недоверием населения к исполнительной власти. Воспринят тезис убежденных сторонников демократии о том, что укрепление доверия к администрации невозможно без открытости ее деятельности. Запланированы практические шаги по обеспечению полной открытости дискуссий в многочисленных консультативных органах при премьер-министре, министерствах и управлениях, по раскрытию финансовой стороны деятельности особых юридических лиц. Готовится принятие важного закона об открытости административной информации, основы которого были предварительно согласованы на консультациях правящих партий еще в 1996 г. Р.Хасимото обещал передать парламенту законопроект до конца 1997 г.

Поскольку в результате административной реформы обещано повысить качество административных услуг, то правительство изучает способы совершенствования деятельности собственных учреждений и органов местного самоуправления, имея в виду облегчить и ускорить рассмотрение различных гражданских запросов. Надежды на решение этой задачи, в особенности, связываются с неукоснительным выполнением принятого в декабре 1995 г. пятилетнего плана информатизации административных учреждений. Планом намечены компьютеризация процедуры приема и рассмотрения запросов населения, в том числе по возможности «через одно окошко», без обращения граждан в разные учреждения, увеличение объе-

ма предоставляемой населению информации, более широкое применение электронной техники в процессе подготовки и принятия решений, обмене документами. Будет продолжено совершенствование центральной межведомственной информационной сети. Изучается возможность подключения к ней местных филиалов правительственных учреждений, органов местного самоуправления и особых юридических лиц, пересмотра запрета на включение органов местного самоуправления во внешние системы информации и связи.

* * *

Правительство Японии обращается к народу с настоятельной просьбой отнестись к административной реформе с пониманием, поддержать ее. Используются все возможные каналы и методы для пропаганды целей реформы и разъяснения ее содержания.

В политических партиях, разных кругах японского общества придерживаются различных взглядов относительно содержания административной реформы, ее глубины и социальной направленности, границ дерегуляции и децентрализации, конкретных объектов приватизации и т.д. Но в принципе необходимость коренных перемен в механизме и методах государственного управления никем не отрицается. Я.Накасонэ прав, когда подчеркивает, что нынешняя административная реформа разворачивается в условиях, резко отличающихся от обстановки в 80-х годах. Кабинет Накасонэ свою административно-финансовую реформу проводил тогда, опираясь на большинство ЛДП в парламенте, но встречая сильное сопротивление оппозиции. Теперь, хотя ЛДП и утратила надежное большинство в законодательном органе страны, правительство либерал-демократов может действовать гораздо свободнее. «Сейчас все партии связали себя выборными обещаниями административной реформы. При мне, — говорит бывший премьер-министр, — такого не было. Попутный ветер...».

Административная реформа в Японии заслуживает того, чтобы внимательно присмотреться к ней, решая наши собственные дела. Однако ни в коем случае не следует забывать, что к дерегуляции, децентрализации и приватизации многих предприятий и учреждений японцы приступают осторожно и только после того, как нынешняя система государственного управления, при которой страна в исторически короткие сроки достигла впечатляющих успехов, начала исчерпывать свой потенциал. Важное следствие укореняющейся в Японии демократии — планы реформы разрабатываются не кулуарно, а гласно, с участием не только исполнительной и законодательной ветвей власти, но и широкой общественности. Наконец, ад-

министративная реформа по-японски — не кратковременный акт. Ожидается, что практическое осуществление намеченных мероприятий, не считая времени, затраченного на разработку планов, потребует примерно пять, а может быть, и более лет. Окончательное суждение о пользе или неудачах реформы будет делаться по событиям первого десятилетия грядущего века.

Три реформы образования

Молодякова Э.В.,
Маркарян С.Б.

Высокий уровень образованности населения и, что особенно важно, всех его слоев на каждом этапе исторического развития Японии явился одной из важнейших причин быстрых темпов модернизации страны как в середине XIX в., так и после второй мировой войны. Образование — один из базовых компонентов «японского чуда», высокой социальной и политической активности населения. На протяжении всей истории страны образование — непреходящая духовная ценность народа. Японцы всегда придавали просвещению большое значение. В стране издавна существовала традиция экономить на самом необходимом в повседневной жизни, чтобы дать детям образование, которое было одним из факторов вертикальной мобильности общества. Образование обеспечивало высокий социальный статус, служило гарантией получения государственной должности и потому оставалось неизменной ценностью.

Начиная с реставрации Мэйдзи (1868 г.) и по сей день система образования и ее реформирование находились в поле зрения правительства. Первая крупномасштабная реформа образования была проведена в 70-е годы прошлого века, вторая — после поражения Японии во второй мировой войне, а третья, начатая в 80-е годы, будет продолжаться и в грядущем столетии.

ПЕРВАЯ, МЭЙДЗИЙСКАЯ РЕФОРМА ОБРАЗОВАНИЯ

Реформа образования, как и все другие мэйдзийские преобразования, имела поистине революционный характер, но решалась путем компромис-

сов, характерных для Японии, где, как правило, выбирают золотую середину между разрушением и созиданием. В ее подготовке принимало участие немало японских просветителей. Наиболее известным из них был Юкити Фукудзава (1834–1901). Будучи в составе правительственной миссии, посланной в Европу еще в 1862 г., он изучал школьное дело во Франции и опубликовал об этом подробнейший доклад. Именно он оказал большое влияние на развитие либеральных взглядов на образование в первый период Мэйдзи. Фукудзава — писателя, публициста, издателя и журналиста — по праву называли великим «человеком ренессанса». Он полагал, что просветители должны содействовать воспитанию способных, с независимыми взглядами личностей, оставаясь при этом вне государственной службы. Еще до реставрации он учредил одну из первых частных школ (сидзюку) для приобщения к западным знаниям.

Новое правительство страны начало заботиться о восстановлении занятий в ряде учебных заведений уже в период гражданской войны. В июне 1868 г. вновь открылись конфуцианская академия и медицинская школа, а в сентябре — школа иностранных языков. В 1869 г. только в Киото было создано 60 новых начальных школ, а уже в следующем, 1870 г., в Осака и Токио были построены школьные здания западного типа. Княжествам предложили направлять талантливую молодежь учиться в столицу. Были установлены следующие квоты: для крупных княжеств — по три человека, средних — по два, мелких — по одному. Таким образом, приступая к реформе, мейдзийское правительство начинало не с чистого листа.

Реформа образования преследовала цель не только обеспечить получение практических знаний, необходимых для модернизации страны, но и утвердить среди населения новую идеологию. На смену лозунгу сочетания китайской учености и японского духа (кансай-вакон) пришла формула японский дух-западная техника (вакон-ёсай). Термин «вакон» олицетворял собой традиционную культуру, «ёсай» означал универсальную европейскую цивилизацию.

В конце 1868 г. была создана комиссия для подготовки реформы образования. За образец брались две системы — французская, которую поддерживал глава комиссии Юкити Фукудзава, и американская, которую самым тщательным образом исследовал виднейший деятель мейдзийского просвещения Аринори Мори (1840–1889). Образование, ставшее важным фактором объединения страны, нуждалось в установлении централизованного контроля над ним. С этой целью в 1870 г. было создано ведомство просвещения, состоящее из трех отделений — общего, специального и технического. Это значительно ускорило реорганизацию системы образования по западному образцу. Помимо организации непосредственно учебного процесса, на ведомство возлагалась обязанность контролировать содержа-

ние учебников. На местах за школьное образование отвечали соответственно губернатор, главы уездов и городов, старосты деревень.

Закон об образовании был принят в 1872 г. Он означал победу либеральных взглядов в этой сфере. Согласно закону представители всех социальных условий (мужчины и женщины) формально имели равные возможности для получения образования. Новая система уже не была жестко увязана с каким-либо социальным слоем. Равные возможности получения образования и его высокий уровень в определенной мере препятствовали расслоению общества. В преамбуле закона, состоявшего из 109 статей (в позднейшей редакции - из 213), говорилось: «Обучение — ключ к успеху в жизни, и никто не может его игнорировать... В будущем не будет ни одного населенного пункта, где были бы неграмотные семьи, и ни одной семьи, в которой был бы хоть один неграмотный человек»¹.

К 1890 г. в стране насчитывалось 222 средних и свыше 27 начальных школ. С 1880 г. основное бремя финансирования школьного образования (до 90%) было возложено на местные органы власти. В конце XIX — начале XX в. на эти цели расходовалось до 1/3 местных бюджетов. В целом затраты Японии на общее и техническое обучение в XIX в. были выше, чем в других странах. С 1886 г. было введено обязательное четырехлетнее начальное образование. Мальчики и девочки в начальной школе обучались совместно, но для последних оно на этом уровне в основном и заканчивалось.

Несмотря на недостатки (нехватка учебников и квалифицированных учителей, плохие школьные здания, отсутствие наглядных пособий), успехи Японии в решении проблемы образования были столь велики, что на международной парижской выставке в 1878 г. ей была присуждена первая премия за организацию школьного дела. В конце XIX в. до 90% мальчиков и 80% девочек получало начальное образование. На рубеже веков по охвату детей начальным образованием Япония сравнялась с Англией. С 1900 г. оно стало бесплатным, с 1908 г. — шестилетним.

В основу преподавания в школах был положен утилитарный подход, согласно которому, получая образование для себя, каждый одновременно обогащал и общество. Ведомство просвещения осуществляло строгий контроль, вводя стандарты на все, что касалось учебного процесса и его организации. Многие учебные пособия представляли собой простой перевод с иностранных языков. Копировалось даже устройство классов и их оборудование. Число иностранных преподавателей и разного рода советников по вопросам образования достигало 5 тыс. (а в конце XX в., в эпоху интернационализации — 4 тыс. !). Технические школы, например, были полно-

¹ Meiji Japan through Contemporary Sources. Tokyo, vol. 3, 1980, p. 5, 6.

стью укомплектованы английскими учителями. Обучение в высшей школе зачастую велось на иностранных языках: в частности, римское право читали по-французски, а другие юридические дисциплины — по-немецки.

Преподавание важнейшего традиционного предмета — морали — отошло на задний план. Западная система поддерживалась государством как необходимый фактор осуществления модернизации и индустриализации, но вызывала, естественно, недовольство сторонников национальной системы воспитания. Оно нашло отражение в императорском указе, который появился в 1879 г. после инспекционной поездки по стране императора Мэйдзи, удрученного состоянием морального воспитания в школах. Этот указ под названием «Великие принципы образования» явился ударом по либеральной системе просвещения и призвал вновь вернуться к конфуцианским принципам. «Для морального воспитания, — отмечалось в документе, — лучший путь — это изучение конфуцианства. Люди должны сначала воспитать в себе искренность и придерживаться моральных устоев, а затем они смогут усвоить различные предметы в соответствии со своими способностями»².

На основе указа в 1881 г. были разработаны правила обучения в начальной школе, в которых преподавание морали вышло на первое место, а от учителей требовалась прежде всего лояльность. Шло наступление и на учебники: многие были просто изъяты, как наносящие ущерб социальному порядку. В университетах было запрещено преподавание на иностранных языках, а иностранные преподаватели заменялись отечественными. Постепенно в школы возвращаются националистические настроения.

Помимо государственных, создавались частные учебные заведения. Например, до сих пор в центре Токио, в квартале Минами Адзабу функционирует женская средняя школа, учредителем которой была дочь известного политического деятеля эпохи Мэйдзи Тайсукэ Итагаки (1837–1919). Сейчас это — комплекс средней школы (первой и второй ступени) и специальной технической (готовят операторов для работы на компьютерах). По традиции здесь большое внимание уделяется изучению английского языка. В ней учатся иностранцы и дети японцев, вернувшихся из длительных заграничных командировок, поскольку им здесь легче адаптироваться.

Некоторые частные школы впоследствии стали известными университетами. Так, престижный современный Кэйо ведет родословную от частной школы, созданной Юкити Фукудзава еще до реставрации; не менее престижный Васэда — от Токийской специальной технической школы. Университет Рицумэйкан появился благодаря усилиям крупнейшего политиче-

² Японцы о Японии. СПб, 1906, с. 7.

ского деятеля той эпохи либерала-западника Киммоти Сайондзи (1849–1940). В это же время учреждаются государственные университеты — в 1877 г. Токийский, в 1897 г. в Киото (позже оба стали императорскими). Затем они были открыты в Сэндае (1907 г.), Фукуока (1910 г.), Саппоро (1915 г.). Университет в Саппоро был создан на базе сельскохозяйственного колледжа, существовавшего с 1876 г. Один из его преподавателей американец Уильям Смит Кларк, произнес знаменательные слова «Юноши, дерзайте!», которые можно рассматривать как девиз постижения знаний в ту эпоху. И сегодня эти слова выбиты на постаменте памятника Кларку, установленному перед зданием университета.

В мэйдзийскую эпоху образование было подчинено единым строгим правилам: существовали не только унифицированные программы, регламентировались ношение форменной одежды, нормы поведения, выполнение обязанностей в классе, соблюдение ритуалов. Самым важным было воздание почестей висящим в школе портретам императорской четы и ежедневное зачитывание текста императорского рескрипта об образовании (1895 г.), который почитался как священная реликвия. С детских лет ребенок воспитывался в мире готовых схем и моделей поведения.

ВТОРАЯ, ПОСЛЕВОЕННАЯ РЕФОРМА ОБРАЗОВАНИЯ (1947 г.)

Послевоенная реформа образования в определенной степени шла по мэйдзийской схеме. Она была проведена в контексте системных преобразований в социально-экономической, политической, идеологической и культурной областях, юридической основой которых служила конституция 1947 г. Проблема образования нашла отражение в ее 26-й статье: «Все имеют равное право на образование, в соответствии со своими способностями, в порядке, предусмотренным законом. Все должны... обеспечить прохождение обязательного обучения детьми, находящимися на их попечении. Обязательное обучение осуществляется бесплатно»³.

Основные принципы и цели реформы образования, нашедшие отражение в принятых затем законах, были определены в Директиве № 74 оккупационных войск от 27 марта 1947 г.⁴ Были реформированы и структура, и содержание всей системы образования. Законы об образовании с необходимыми на время поправками действуют и по сей день. Это — Основной закон об образовании и Закон о школьном образовании. Оба были приняты в конце марта 1947 г. Они, как и большинство других, с одной стороны, представляют собой тщательно проработанные документы, а с

³ Современная Япония. Справочник. М., 1967, с.5-4.

⁴ Подробнее см.: Japanese Education since 1945. A Documentary Study. Л., 1994, p. 97-100.

другой — оставляют свободу для их широкого толкования. В Основном законе отражены приоритеты японской системы образования, которые не изменились и сегодня. В ст. 1 говорится: «Целью образования является формирование гармонической личности, приверженной правдолюбию и справедливости, уважающей индивидуальность и трудолюбие, обладающей чувством ответственности и независимости, которые необходимы строителям миролюбивого государства и общества»⁵. Закон предусматривал бесплатное десятилетнее образование, провозглашал принципы равных возможностей и совместное обучение мальчиков и девочек, запрещал целенаправленную политическую агитацию. В ст. 8, в частности, указывалось: «Политические знания должны быть инкорпорированы в систему образования. Но школам надлежит воздерживаться от политических пристрастий, направленных за или против какой-либо определенной политической партии, и заниматься активной политической деятельностью»⁶. Закон признавал важную миссию педагога, его ответственность перед обществом и определял его высокий статус, что соответствовало национальной традиции.

Закон о школьном образовании закреплял новую систему, которая была скопирована с американского образца. В ст. 1 указывалось, что учреждаются начальные, средние первой и второй ступени школы, университеты, высшие профессиональные училища, специальные школы для детей с физическими или умственными недостатками и детские сады. Право открывать школы признается за государством, органами местного самоуправления, а также юридическими лицами, действующими в системе образования. В соответствии с этим существуют государственные, префектуральные, муниципальные, а также частные школы. Руководство школами по большей части перешло в ведение местных органов власти, что означало децентрализацию управления. Реформа в сфере образования в значительной степени демократизировала содержание учебных программ, предоставила большую свободу преподавателям. В целом она имела эгалитарный характер.

Уточнения и внесение поправок в принятые в 1947 г. законы начались сразу же после обретения страной суверенитета, т.е. с 1952 г. Это делалось потому, что американская модель не совсем отвечала японским условиям. Для выработки собственной политики в сфере образования, науки и культуры в 1952 г. был учрежден Центральный совет по образованию как совещательный орган при министерстве просвещения. По его рекомендации в 1956 г. выборные члены отделов образования на местах были заменены назначаемыми сверху. В структуру системы образования с началом

⁵ Компакуто роппо (Краткий свод законов). Токио, 1989, с. 235.

⁶ Там же.

периода высоких темпов экономического роста были введены пятигодичные технические колледжи с целью подготовки высококвалифицированных кадров. Их создание явилось своего рода ответом правительства на пожелание крупного бизнеса, представленное в конце 1956 г. в документе Кэйданрэн (Федерации экономических организаций Японии) под названием «Мнение относительно технического образования в свете потребностей новой эры». Кэйданрэн рекомендовала правительству готовить инженерные и технические кадры, содействовать техническому образованию рабочей молодежи, повышать оснащенность средних школ, уделять больше внимания распространению научных и технических знаний при подготовке инженеров⁷.

Серьезные перемены затронули и содержательную сторону обучения. Большое значение в этом плане придавалось подготовленному Центральным советом по образованию документу под названием «Образ идеального японца». Он отражал мнение правительства о том, каким бы оно хотело видеть представителя своего народа как индивидуума, члена семьи, общества и гражданина. Особенно примечателен четвертый раздел второй части документа, где акцентировалось внимание на воспитании патриотизма, уважении традиционных символов, в первую очередь императора, который согласно конституции «является символом Японии и единства нации». В заключение подчеркивалось, что быть истинным японцем невозможно без опоры на свою историю и традиции⁸.

Постоянное усовершенствование законодательства способствовало приспособлению системы образования к общим задачам социально-экономического развития, повышения качества рабочей силы в условиях быстрого прогресса науки и техники. Уже в 50–60-е годы по уровню образования лиц в возрасте 25–34 лет Япония обогнала развитые страны Европы и отставала только от США. В настоящее время практически вся молодежь заканчивает двенадцатилетку (обязательная девятилетка плюс три года средней школы второй ступени) и свыше 40% юношей и девушек продолжает учебу в университетах. С учетом других типов высших учебных заведений эта цифра превышает 62%.

С 70-х годов система образования вновь вошла в стадию реформирования, которое будет завершено, по-видимому, уже в следующем веке. Речь идет о перманентном процессе, в ходе которого предлагаются, разрабатываются, апробируются отдельные элементы системы образования. Одни из них укореняются, а другие опадают. Сначала особое внимание уделялось изменениям в обязательном образовании, в 90-е годы — в высшем.

⁷ Meiji Japan through Contemporary Sources, vol.3, p.5,6.

⁸ См.: Китай сэрэру нингэндзо (Образ идеального японца). Токио, 1966.

Правительство постоянно держит под контролем структуру образования, внося в нее коррективы в соответствии с потребностями общества. По-прежнему основы воспитания закладываются в семье, поскольку она, безусловно, остается базовой ячейкой общества и без стабильности в ней не может быть стабильности в обществе. Чтобы подготовить детей к социальной жизни, в настоящее время свыше 90% из них проходит через детские сады или дневные центры, в которых они занимаются от полугода до трех лет.

Большая роль в процессе реформирования системы образования отводится министерству просвещения, которое непосредственно не контролирует работу учебных заведений, но совместно с Советом по программам обучения занимается выработкой «курсов обучения», обязательных для начальных и средних школ. Ориентируясь на предложенные стандарты, каждая школа составляет свою программу, учитывая конкретную обстановку в данном локальном обществе. Курс обучения играет существенную роль в поддержании единых государственных стандартов обучения. Он включает перечень обязательных дисциплин программы внешкольной деятельности и морального воспитания. Министерство определяет также «курсы для обучения» в университетах и колледжах, но их содержание и методика преподавания являются прерогативой каждого высшего учебного заведения. Примечательно, что в ведении министерства находится и составление руководств по обучению в детских садах.

Для школ всех ступеней выпускаются учебники обязательного пользования. Они бывают двух типов. Одни разрабатываются и издаются частными фирмами, но всегда на основе «курса обучения», и подлежат обязательному одобрению министерства просвещения — их абсолютное большинство (более 600 названий). Практически все школы пользуются именно этими учебниками. Другие выходят из недр самого министерства (около 40 наименований) и предназначаются в основном для некоторых средних школ второй ступени. С середины 60-х годов учебники для обязательного обучения предоставляются бесплатно, в том числе и в частных школах, которые получают для этого субсидии центрального правительства.

Каждые три года в учебники вносятся поправки в соответствии с изменениями, сделанными в «курсах обучения». Значительная корректировка была, в частности, проведена в конце 80-х годов. В министерстве просвещения были выработаны новые «курсы обучения»: в 1990 г. — для детских садов, в 1992 г. — для начальных школ и в 1993–1994 гг. — для средних школ первой и второй ступени.

Современная программа начальной школы нацелена на получение учениками общих сбалансированных знаний по основным предметам (японскому языку, арифметике, музыке, искусству и ремеслу, домашней эконо-

мике, физкультуре, нормам общественного поведения). В средней школе первой ступени даются не только необходимые знания, но и развиваются индивидуальные способности учеников. Здесь они могут выбирать факультативные предметы. Иностранный язык вводится на второй год обучения. Считаясь факультативным, он практически в большинстве школ — обязательный.

В средних школах второй ступени в течение многих лет обучение велось по двум программам — общеобразовательной и специализированной. Приоритетной является первая, поскольку она служит базой для поступления в университеты. В последние годы увеличили число курсов по каждому предмету для большей свободы выбора.

В курсах обучения все большее внимание уделяется проблемам морального воспитания (на принципах уважения людей, соблюдения их прав, долга перед обществом, защиты общественной морали). С конца 70-х годов министерство просвещения, стремясь возродить в школах так называемое патриотическое воспитание, вменяет в обязанность префектуральным органам образования следить за тем, чтобы на церемониях окончания учебного года в школах обязательно исполнялся гимн «Кими га ё», а в дни государственных праздников вывешивался флаг «хи-но мару». В системе обязательного образования теперь этому предмету уделяется одно занятие в неделю. Начиная с 90-х годов в хрестоматии по японскому языку в возрастающем объеме включаются нравственно-поучительные сюжеты из японской истории, а также отражаются ее неприглядные стороны. Делается это для того, чтобы школьники могли объективно представить себе весь исторический процесс. Моральному воспитанию содействует и привлечение школьников к участию в волонтерской деятельности в локальном обществе.

Серьезное место в реформировании отводится пересмотру экзаменационной практики. Японской системе образования присущи исключительно жесткие экзамены при переходе на каждую последующую ступень обучения, особенно после окончания десятилетки. Требования на вступительных экзаменах в высшие учебные заведения, особенно в престижные, не согласуются с программами средней школы. Это породило такое явление как репетиторство. Абитуриенты вынуждены ходить на дополнительные занятия в специально для этого созданные частные учебные центры или заниматься с преподавателями дома. В определенной мере это можно назвать вторым обязательным образованием. Оно является не только серьезным бременем для родителей, но и отрицательно сказывается на здоровье детей. Хотя система вступительных экзаменов постоянно совершенствуется, этот вопрос продолжает оставаться головной болью японского общества. Подробнее об этом будет сказано ниже.

Корректировке подлежит и эгалитарность японской системы образования, которая на протяжении длительного периода (начиная с Мэйдзи) не только обеспечивала страну большой армией специалистов, но и консолидировала общество. Однако в современных условиях эгалитарность становится тормозом на пути формирования творческой индивидуальности, столь необходимой в эпоху высоких технологий. Поэтому становится актуальным вопрос о большей подвижности обучения при сохранении в качестве основы обязательного образования. С этой целью проводится эксперимент в средней школе второй ступени. К середине 90-х годов в стране было 45 школ, которые перешли от унифицированных методов обучения к более подвижным. Это касается как набора дисциплин, так и свободы выбора их учениками. Школа теперь воспитывает детей так, чтобы они лучше соображали, а не механически запоминали, больше экспериментировали, а не копировали, учились вырабатывать собственную точку зрения, критически мыслить, а не просто слушать учителя.

Заслуженно признанный в мире высокий уровень японского образования во многом обязан квалифицированным педагогическим кадрам. Для привлечения в сферу образования таких кадров заработная плата учителя в государственных и муниципальных начальных и средних школах (по Закону о работниках просвещения 1974 г.) выше, чем у других государственных служащих с аналогичным уровнем образования и стажем работы. В то же время к преподавателям предъявляются повышенные требования. Их подготовка ведется в колледжах и университетах. Для получения права на преподавание необходимо также сдать квалификационный экзамен и получить от префектурального отдела образования соответствующий сертификат. Согласно последним изменениям существуют три вида сертификатов, выдаваемых по окончании колледжа (начальный), университета (средний), а также для имеющих звание магистра (повышенный). Уровень образования преподавателей высших учебных заведений должен отвечать определенным нормам, установленным министерством просвещения.

На начало 90-х годов примерно 85% учителей в детских садах имели дипломы колледжей, остальные — университетские; в начальной школе 80% имели степень магистра, 20% — дипломы колледжей; среди учителей средней школы первой ступени — соответственно 90 и 10%, второй ступени — 97 и 3%. Это — один из примеров обеспечения общества квалифицированными кадрами.

Закон 1974 г. определил также систему повышения квалификации учителей. В каждой префектуре имеется минимум один центр переподготовки, где учителя могут заниматься и исследовательской работой. Во многих крупных городах созданы курсы повышения квалификации. Муниципалитеты организуют специальные факультативы по школьному управлению,

преподаванию специальных дисциплин или морального воспитания. С конца 80-х годов министерство просвещения ввело одногодичную программу повышения квалификации вновь принятых на работу в систему обязательного образования учителей. Ежегодно определенное число педагогов обеспечивается стипендиями для учебы в аспирантуре, предусмотрены и заграничные стажировки.

Для облегчения работы преподавателей сокращается число учеников в классе. Оно не должно превышать 40 человек (но и это достаточно высокий уровень по сравнению с нормами в других странах). Важной приметой последнего времени стало привлечение иностранных педагогов в японские учебные заведения. Речь идет главным образом о преподавателях иностранных языков. Ранее они были лишь ассистентами на контрактной основе, теперь их нанимают в основной штат. В конце 80-х годов была принята специальная правительственная программа по обмену преподавателями с другими странами. В соответствии с ней в середине 90-х годов в средних школах первой и второй ступени работало около 4 тыс. преподавателей иностранных языков из восьми стран, главным образом из Англии, Канады и США⁹.

ТРЕТЬЯ, ПРОЛОНГИРОВАННАЯ РЕФОРМА ОБРАЗОВАНИЯ

Проведение четкой грани между второй и третьей реформами выглядит несколько искусственным, ибо это фактически не прекращавшийся, а лишь на время замедлявшийся процесс, в котором наблюдались приливы и отливы. Поэтому неизбежны некоторые временные смещения.

Еще не закончился период высоких темпов роста экономики, в который весьма существенный вклад внес высокий уровень образования населения, как правящая элита начала задумываться о его дальнейшем совершенствовании, несмотря на мировое признание огромных успехов Японии на этом поприще. В частности, в докладе по вопросам японского образования, подготовленном экспертами Организации экономического сотрудничества и развития при ООН в 1971 г., говорилось: «Чудо японского экстраординарного роста лежит в ее социальных инвестициях в сферу образования. Более того, ни одна страна не придавала столь большого значения инвестициям в начальное и среднее образование. Почти полный охват населения начальным образованием уже на рубеже столетий создал основу для быстрого перехода к всеобщему среднему образованию... Японские школы признаются в целом как наиболее эффективные в мире. Успехи со-

⁹ См.: Вага куни-но рюгакусэй сэйдо-но гайё (Обучение иностранцев в нашей стране. Обзор). Токио, 1994.

временной концепции образования, очевидно, уходят корнями в давнюю традицию признания в Японии важности образования»¹⁰.

Подготовка к реформе началась с создания специальных комитетов, разработок соответствующих документов, их обсуждения с привлечением представителей не только правительственных органов и профсоюза учителей, но и научных кругов и политических партий, прессы и, безусловно, различных деловых организаций.

Одной из главных проблем реформирования было создание системы непрерывного обучения. Необходимость этой системы объяснялась тем, что, как отмечалось в одном из докладов Центрального совета по образованию, «школьное образование ограничено по времени и поэтому недостаточно. Подвижность образования, отвечающего изменениям в обществе и разнообразию требований индивидуума, становится чрезвычайно важной проблемой. В системе непрерывного обучения высока роль социального образования»¹¹.

Социальное образование охватывает всех — от детей до людей почтенного возраста и включает в себя разного рода занятия. В сферу его деятельности входит не только сам процесс обучения, но и обеспечение условий для его проведения. Предусматривается многовариантность форм такого образования в соответствии с изменениями социально-экономических условий в стране¹².

Активизация деятельности по реформированию образования началась в 1984 г., когда по указанию бывшего в то время премьер-министром Ясухиро Накасонэ был создан Государственный комитет по реформе образования, ответственный перед главой правительства. Комитет подготовил пакет рекомендаций. Они предусматривали изменения по шести основным направлениям — начальное, среднее и высшее образование, система непрерывного обучения, интернационализация образования, его компьютеризация и информатизация, административное управление и финансирование. Признавались необходимыми представление большей свободы выбора в учебных заведениях, гибкость и многовариантность обучения с упором на развитие личности. В вопросе административного управления и финансирования намечались децентрализация и предоставление большей самостоятельности на местах, что соответствовало целям планируемой реформы органов местного самоуправления. Предполагалось дальнейшее стимулирование непрерывного обучения с переносом центра тяжести на образование в

¹⁰ Japanese Education Since 1945, p.197.

¹¹ Нихон-но кёйку сирё (Материалы по образованию в Японии). Токио, 1978, с.47.

¹² См.: Сякай кёйку-но хонсицу то кадай (Сущность и задачи социального образования). Киото, 1989.

течение всей жизни с тем, чтобы человек мог оставаться активным членом общества. И это должно было создать базу для формирования личности открытого общества, адекватного периоду интернационализации и информатизации на глобальном уровне и восьмидесятилетнему жизненному циклу японцев.

На сегодняшний день в системе школьного образования сохраняется достаточно много сложных проблем, требующих внимания не только школы, но и общества в целом. Речь идет о таких негативных явлениях, как постепенное распространение наркомании, проявление жестокости и издевательств как среди сверстников, так и со стороны учителей, что приводит подчас к самоубийствам, насильственной смерти или к отказу посещать школу. Эти проблемы пока не носят деструктивного характера, но к ним приковано внимание общества и, по словам нынешнего министра просвещения, их решение является одним из приоритетов реформ образования. Это делается с целью подавить негативные явления, пока они не вышли из-под контроля и не приобрели необратимый характер.

Немаловажная роль в разрешении этих проблем отводится качеству подготовки учителей. Кроме того, соответствующая подготовленность необходима преподавателям и в связи с широкой компьютеризацией школьного обучения. Проблема подготовки и переподготовки учителей с учетом этих двух направлений находится в стадии обсуждения. Совет по подготовке педагогического состава предлагает в первую очередь увеличить срок обучения в университетах на факультетах педагогики с четырех по шесть лет за счет массового поступления в аспирантуру (в современной российской системе высшего образования она соответствует магистратуре, тогда как японская докторантура — аспирантуре в нашем понимании). Предусматривается также дать возможность работающим преподавателям повысить свою квалификацию, закончив аспирантуру, увеличить срок переподготовки учителей, проработавших соответственно пять, десять и 20 лет, чтобы они не отстали от требований времени. Ставится вопрос о привлечении в школу временных работников — специалистов, например, по компьютерной технике. В процессе подготовки школьных педагогов предполагается перенести центр тяжести во время экзаменов с письменных работ на устные ответы.

Изменение программ обучения связывается главным образом с компьютеризацией школ, что, естественно, предполагает пересмотр методики преподавания. Процесс компьютеризации общества, появление огромного числа компьютерных программ в сфере образования настоятельно требуют овладения всеми учителями навыков работы с компьютерами. В настоящее время только 38% педагогов могут работать с ними и лишь 15% могут обучить этому учеников, несмотря на то что в 1995 г. 78% начальных и

практически все средние школы имели персональные компьютеры¹³. Правда, пока они не подключены к Интернету, но решение этой проблемы не за горами. Подключение к сети даст возможность ученикам отдаленных районов и тем из них, кто находится в больнице, получать необходимые знания, а также свяжет японские школы с зарубежными. Последнее более актуально, конечно, для высшей школы, где компьютерное обучение широко используется прежде всего для изучения иностранных языков.

Одной из проблем реформирования является перевод обучения в школе на пятидневку¹⁴. Решается этот вопрос очень осторожно и постепенно, поскольку просчитываются его социальные последствия для стабильности в обществе, что всегда было приоритетом государственной политики при проведении тех или иных преобразований. Несмотря на ряд преимуществ пятидневки (возможность сохранить здоровье детей, увеличение времени, которое можно проводить в семье, с друзьями, на природе), с ее введением не спешат, так как следует, например, позаботиться о том, как и чем занять детей, чтобы они не попали под влияние улицы. Сокращение времени занятий в школе накладывает дополнительные обязанности и на локальные общества — создавать центры досуга для детей, оборудовать спортивные площадки, наладить воспитательную работу (приобщение детей к национальной культуре, например, занятиям традиционными видами искусства). Органы местного самоуправления, объединения жителей, прежде всего женские организации, уделяют чрезвычайно большое внимание работе с детьми, чтобы включить их в жизнь локального общества и тем самым предотвратить появление преступности¹⁵.

Впервые пятидневка была опробована в сентябре 1992 г. — тогда дети отдыхали одну субботу в месяц. Затем, с 1995 г. в государственных и муниципальных школах обязательного обучения были введены две свободные субботы. Что касается частных школ, то в начальных она охватила 80%, в средних первой ступени — 50%, второй ступени — 69%¹⁶. Введение пятидневки находится в компетенции школ. Как предполагают, все школы перейдут на пятидневку к 2001 г.

Важным компонентом реформы образования является перестройка высших учебных заведений, к которой приступили значительно позже. Ее реализация должна решить две задачи — формирование квалифицированных человеческих ресурсов, отвечающих нынешнему уровню научно-тех-

¹³ The Japan Times. 01.05.1996.

¹⁴ Вага кун-но бункё сисаку. Хэйсэй 6 нэндо. (Политика в сфере образования в нашей стране. 1994). Токио, 1995, с.58,60.

¹⁵ Подробнее см.: Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б. Японское общество — книга перемен. М., 1996, с. 141-160.

¹⁶ Look Japan. 1996, September, с.7.

нического прогресса, и обеспечение общества творческими кадрами. Высшей школе отводится также большая роль в воспитании у людей потребности в непрерывном обучении. Именно здесь обращается большое внимание на раскрытие индивидуальных творческих способностей личности. Японский исследователь Масанори Моритани писал еще в начале 80-х годов: «Сейчас Япония остро нуждается не в одноликой массе просто способных студентов, а в людях необычайно одаренных, неортодоксальных, в людях, располагающих потенциалом для решения самых сложных задач. Способности японцев высоки и хорошо развиты, однако оценка их редкости — нулевая. Даже промышленность может без малейшего труда нанять способных специалистов. Но теперь страна вступает в период, когда необходимо приложить максимальные усилия, чтобы найти среди японцев и потом уже не потерять из виду исключительно одаренных, оригинально мыслящих»¹⁷.

Совет по университетам, созданный в 1987 г. по рекомендации Государственного комитета по реформе образования, детально поработал все аспекты реформы высших учебных заведений с учетом качественных перемен в ценностных ориентациях самих молодых людей (широта интересов, многообразие мотивации обучения, творческие способности, стремление к повышению статуса в обществе), которые, можно смело сказать, выполняют заветы Уильяма Кларка «Юноши, дерзайте!»

Как и прежде, не оставил своим вниманием эту проблему деловой мир. Только на протяжении 1992–1995 гг. Кэйданрэн, Никкэйрэн (Федерация предпринимательских организаций), Кэйдзай доюкай (Комитет экономического развития) и другие подготовили восемь докладов по этому вопросу, в том числе «Рекомендации относительно улучшения научно-исследовательской работы в университетах», «Человеческие ресурсы, необходимые японским компаниям, и подходы к образованию в будущем», «Университетское образование, отвечающее на вызов новой эпохи, и точка зрения на эту проблему делового мира»¹⁸. Председатель Кэйданрэн Сёитиро Тоёда по этому поводу справедливо заметил, что для стабильного развития экономики «мы нуждаемся в талантливых людях, с высоким творческим потенциалом, с широким видением глобальных проблем, т.е. в незаурядных личностях»¹⁹.

После тщательной подготовки правительство выработало рекомендации по улучшению работы высшей школы, которые следовало учесть университетам, исходя из собственных концепций обучения. Рекомендации преж-

¹⁷ Моритани М. Современная технология и экономическое развитие Японии. М., 1986, с. 139.

¹⁸ Подробнее см.: Вага куни-но бункё сисаку. Хэйсэй 7 нэндо. Токио, 1996, с. 4.

¹⁹ Education in Japan. Tokyo, 1995, с. 73.

де всего касались содержания обучения. В университетах вводятся новые, по большей части междисциплинарные, предметы по таким современным темам, как «окружающая среда и человек», «культура и проблемы взаимодействия цивилизаций», «всестороннее познание природы». Это обеспечивает диверсификацию университетских курсов и использование новых методов обучения — увеличилось, например, число семинарских занятий, которые давали возможность небольшим группам студентов вести дискуссии по конкретным темам. Затем стали привлекать для работы в университетах крупных специалистов со стороны, которые могли донести до студентов самые последние научные достижения. Все это, безусловно, вносит свою лепту в подготовку квалифицированных молодых кадров с высоким интеллектуальным потенциалом.

В ходе таких перемен осуществлялась более строгая увязка общего и специализированного обучения на протяжении всего периода пребывания в университете (ранее общее образование получали на первых двух курсах, а специализацию — на последних). На 1994 г. около 375 университетов из 565 уже проделали такую работу, а 83 находились в процессе подготовки²⁰. В жизнь университетов прочно вошла информатизация. 80% из них имеют специальные лаборатории, где все студенты могут получить навыки работы с компьютерами, в 40% информатика стала обязательным предметом.

В условиях быстро изменяющегося общества, как уже говорилось, растут требования, предъявляемые к методам обучения и квалификации преподавателей. Речь идет прежде всего о том, что каждый университет должен обеспечить студентов всей необходимой информацией не только об общих программах обучения, но и о содержании каждого курса, читаемого каждым преподавателем. Подробные сведения во многих университетах закладываются в базу данных, к которой имеют доступ все студенты. Это стимулирует активность последних, а также преподавателей. Таким путем выясняется отношение студентов к тем или иным курсам, что заставляет преподавателей постоянно повышать свою квалификацию.

Новым в работе японских университетов является обучение в относительно небольших группах (не более 20 человек). Таким образом в 1994 г. занималось примерно 1/3 студентов. Подобные методы помогают не только глубже усваивать материал, но и развивать инициативу и творчество. Широко используются приемы вопросов-ответов и дискуссии. Постепенно начинает практиковаться обмен опытом между преподавателями не только одного университета, но и близких по профилю.

В последние годы серьезно реформируется экзаменационная система. В начале 90-х годов министерство просвещения предоставило большую сво-

²⁰ Вага кун-но бункё ... 1996, с. 16.

боду на вступительных экзаменах в университетах, заменив единую систему базовых тестов, введенную в 1979 г. с целью унифицирования вступительных экзаменов в различных вузах. В то время это было сделано ради того, чтобы экзаменационные вопросы не выходили за рамки программ средней школы второй ступени. По новой системе каждый университет имеет право устраивать экзамены только по тем предметам, которые являются профильными для него (иногда это может быть один экзамен). Кроме экзаменов, начали использовать дополнительные методы отбора, при которых выявляются способности, склонности, а также физические данные студентов. Устраиваются собеседования, проводятся интервью, абитуриенты пишут сочинения на свободную тему. Признается также важным психологический настрой абитуриента работать по той или иной специальности (что очень важно, например, для будущих врачей или преподавателей).

Большая роль в системе высшего образования отводится аспирантуре. Ее значимость повышается ввиду серьезных перемен, происшедших в обществе в последнее время. Это связано с бурным прогрессом науки и техники, процессами интернационализации и информатизации. Японские специалисты в сфере образования полагают, что ответить на эти вызовы можно, пропустив подавляющее число молодых людей через японскую аспирантуру, узаконив таким образом шестилетний срок университетского образования. К ней в свою очередь предъявляются новые, более жесткие требования по организации занятий и их содержанию. Аспирантура имеется во всех государственных университетах и в более чем половине муниципальных и частных. Но существует еще одна причина в известной степени обязательного окончания аспирантуры, о чем стараются не писать в официальных изданиях. По словам профессора университета Хосэй Хирано, в стране, где миновал демографический бум, резко сокращается численность студентов. А число университетов и преподавателей растет и их нужно обеспечить работой.

Проблемами реформирования системы аспирантуры и определения критериев эффективности ее деятельности занимается Общество по проблемам аспирантуры. В 1996 г. оно подготовило расширенное и исправленное издание «Стандарты работы аспирантуры и комментарии к ним»²¹.

Слабым звеном в системе высшей школы на сегодня остается недостаточная финансовая база, особенно в сфере научно-исследовательской работы, значимость которой трудно переоценить при подготовке творчески мыслящих специалистов. В условиях затянувшегося спада в экономике не

²¹ Дайгакуин кидзюн сёби соно кайсэцу. Токио, 1996.

только государство практически не увеличивает ассигнования, но и частный бизнес не спешит оказать финансовую помощь университетам. Последние вынуждены искать источники денежных поступлений самостоятельно. Одним из перспективных направлений в этом плане является крупномасштабное сотрудничество с фирмами в научных разработках.

Реформировать систему образования невозможно без усовершенствования работы административных органов. Прежде всего речь идет о существенных переменах в деятельности самого министерства просвещения, об усилении аналитической работы и совершенствовании организационной структуры. В 1988 г. было создано в рамках министерства специальное бюро по проблемам непрерывного обучения, реорганизован Национальный институт по проблемам образования, дана большая свобода частным школам в выработке программ обучения, способствующих воспитанию творческой личности. Все это сделано с целью «повернуть» образование лицом к насущным проблемам общества.

В 1992 г. министерство подготовило широкомасштабный доклад, в котором были определены четыре приоритетных направления его деятельности: всемерное содействие обучению в течение всей жизни, широкая поддержка разного рода волонтерской деятельности; расширение сфер внешкольной активности молодежи; создание условий для овладения самыми современными знаниями. Эти задачи решаются на общенациональном и местном уровнях.

* * *

Каждая реформа системы образования соответствовала социально-экономической и политической ситуации в обществе, что и определяло ее цели и направленность. В мейдзийский период перед Японией стояла задача догнать европейские страны, для чего было необходимо подготовить в сжатые сроки европейски образованные кадры. Быстро модернизирующаяся экономика требовала значительное число квалифицированных работников. Наиболее короткий путь к этому лежал через механическое овладение стандартным минимальным набором знаний, которые сообщал учитель. Другими словами, это был путь всем известной зубрежки. Такой стиль обучения корреспондировал с традиционными духовными ценностями (эгалитарность, быть как все, не выделяться в группе) и потому легко прижился.

В определенной степени это повторилось и при проведении послевоенной реформы. Стратегия экономического чуда требовала значительного числа хорошо подготовленной, соответствующей определенным стандартам рабочей силы. Компаниям в то время были нужны не творцы, а исполни-

тели, которые легко инкорпорировались в структуру предприятия. И после Мэйдзи, и после второй мировой войны японское общество было не настолько богатым, чтобы позволить каждому индивиду выбирать собственный путь. Срабатывал корпоративизм — все работали для достижения единой цели. Возможно, не случайно родилось на Западе понятие «Japan Incorporated».

Сегодня, когда Япония по многим параметрам находится впереди других стран, целый набор факторов, в свое время способствовавших ее подъему, стал тормозом на пути дальнейшего развития. Это относится и к образованию. В век высоких технологий эгалитаризм, единообразие, механическое заучивание мешают формированию творческих личностей. Компаниям также уже не нужны просто хорошо подготовленные кадры, они нуждаются в думающих работниках. Идея подготовки разносторонних личностей не нова. Она высказывалась представителями Всеяпонского профсоюза учителей еще во время проведения второй реформы образования. Они выступали за гибкую, диверсифицированную систему. Однако в то время министерство просвещения настояло на унифицированности обучения и централизованности руководства. И, судя по результатам, было право.

В настоящее время, в эпоху информатизации, софтизации, венчурного бизнеса стране нужны не столько «трудолюбивые пчелы», сколько оригинально мыслящие специалисты, задача подготовки которых и решается в ходе текущей реформы. Последняя, по мнению достаточного числа специалистов, признается даже более важной, чем стоящая в повестке дня административная реформа.

Пути формирования общественного мнения Японии по проблеме «северных территорий»

Е.И.Булдакова

Японо-российские отношения являются важным фактором формирования мировой политики, а укрепление добрососедских связей во многом способствует стабилизации мирового сообщества.

Одной из самых главных проблем двусторонних отношений по-прежнему остается отсутствие мирного договора между Россией и Японией, подписание которого в свою очередь зависит от решения вопроса о «северных территориях». Этот термин используется в Японии для обозначения ряда территорий, принадлежащих России, на обладание которыми первая претендует, утверждая, что они не входят в состав Курильских островов, которые были переданы Советскому Союзу в соответствии с Крымским соглашением по вопросам Дальнего Востока 1945 г. «Северными территориями» японская сторона называет южную часть Большой Курильской гряды — о-ва Кунашир, Пико и Итуруп с прилегающими о-вами Лебедя и о-вом Камень-Лев, а также все острова Малой Курильской гряды, состоящей из о-ва Шикотан и группы о-вов Плоские (более известны под японским названием — Хабомаи) с прилегающими островами и скалами. Общая площадь всех названных островов составляет 5 тыс. кв.км¹.

Японское общественное мнение по данной проблеме на протяжении десятилетий было достаточно однородным — подавляющее большинство считает, что указанные территории принадлежат Японии по праву и должны

¹ Япония. Справочник. М., 1992, с.446.

быть ей возвращены. Этому в немалой степени способствует последовательная коммуникационная политика, проводимая японским правительством. Рассмотрим основные ее направления.

Важную роль в формировании общественного мнения играют средства массовой информации. Тема территориального спора не сходила со страниц японских газет, начиная с момента возникновения самой проблемы. Эмоциональный тон статей становился то острее, то спокойнее в зависимости от состояния советско-японских отношений на тот или иной период. Однако следует отметить, что в японской прессе неизменно сохранялся имидж Японии как старшего товарища, снисходительно ожидающего, когда младший, т.е. СССР, признает свою ошибку и принесет соответствующие извинения.

Так, например, когда Советский Союз признал наличие территориальной проблемы в отношениях между двумя государствами и у Японии появилась надежда на определенные сдвиги в решении этого вопроса, японские газеты откомментировали это следующим образом: «С точки зрения внутреннего положения СССР, столкнувшегося с рядом трудностей, в том числе с растущим движением за отделение ряда регионов, нет смысла спорить из-за небольших островов. С международной точки зрения Советский Союз начал придавать очень важное значение политическим и экономическим отношениям с Японией... Что же касается Японии, то, проявляя в некоторой степени великодушие к Советскому Союзу, она рано или поздно сможет добиться возвращения северных территорий»².

После того как не оправдались надежды японцев на уступки в решении территориального вопроса со стороны М.С.Горбачева, их ожидания были связаны с президентом Б.Н.Ельциным и его окружением. Вот, например, как комментировалось заявление заместителя министра иностранных дел РСФСР Г.Кунадзе на Курилах о том, что главной правовой основой отношений России и Японии должна стать Совместная советско-японская декларация 1956 г.: «Высказывания Кунадзе, ясно подтвердившие его приверженность Совместной советско-японской декларации, несут в себе огромную пробивную силу. Ведь во время пребывания М.Горбачева в Японии в апреле текущего года Совместная советско-японская декларация так и не была подтверждена. Нынешнее заявление, сделанное на спорных островах именно тем представителем власти, на которого возложена ответственность за решение вопроса, связанного со спором двух стран, может быть расценено как свидетельство того, что советская Россия упрочивает свой курс на возвращение островов Японии»³.

² Хоккайдо симбун. 27.10.1990.

³ Йомиури симбун. 27.09.1991.

Один из лидеров Либерально-демократической партии (ЛДП) Кэйдзо Обути также считал, что «Японии представился сегодня наилучший шанс отыграть обратно находящиеся у побережья Хоккайдо острова, контролируемые ныне Советами»⁴.

В преддверии визита президента России Б.Н.Ельцина в Японию активизировалась и информационная кампания японских СМИ. Так, например, они указывали на то, что общественное мнение жителей спорных Курильских островов все больше склоняется в пользу перехода под юрисдикцию Японии. В июле 1993 г. были опубликованы данные опроса курильчан, из которых следовало, что 74,6% респондентов испытывают недовольство состоянием отношений России с Японией, а 36,1% высказались в пользу передачи Японии двух островов Курильского архипелага — Хабомаи и Шикотан — при условии, что права проживающего на них русского населения будут защищены. Более того, 33,7% опрошенных заявили о своем согласии на переход под контроль Японии всех четырех островов, а 3,2% согласились даже на передачу Японии всех Курил. Что же касается тех курильчан, которые выступают против территориальных уступок Японии, то их доля составила лишь 20,3% опрошенных⁵.

В последние годы материалы по проблемам «северных территорий» объединяет стремление убедить японского читателя в том, что требования Японии о возвращении ей четырех островов вполне законны, а также в том, что многие российские политические деятели придерживаются той же точки зрения. Так, например, «Нихон кэйдзай» сообщала: «Один из кандидатов на пост президента РФ, руководитель блока «Яблоко» Г.Явлинский, находящийся в Давосе на Всемирном экономическом форуме, заявил корреспонденту газеты, что, на его взгляд, Южные Курилы должны быть возвращены Японии в соответствии с Трактатом о торговле и границах между Россией и Японией от 1855 г.»⁶.

Вместе с тем та же газета не обходила вниманием и другие мнения, существовавшие в российском обществе. Так, она сообщила о том, «что один из исследовательских институтов министерства обороны РФ в феврале 1996 г. подготовил доклад о политике России в сфере обороны, в котором Япония охарактеризована как потенциальный противник в связи с тем, что она находится в военно-политическом союзе с США и выдвигает территориальные претензии к России»⁷.

⁴ The Japan Times. 02.10.1991.

⁵ The Daily Yomiuri. 19.07.1993.

⁶ Нихон кэйдзай симбун. 06.02.1996.

⁷ Нихон кэйдзай симбун. 14.03.1996.

Подогревая интерес населения к этой теме, центральные газеты публиковали схематические карты предполагаемой 200-мильной исключительной экономической зоны Японии с включением в нее Южных Курил⁸.

В ожидании визита в Японию министра иностранных дел России Е.М.Примакова в ноябре 1996 г. японские СМИ были более сдержаны в своих оценках и прогнозах, чем в предыдущие годы. От этого визита не ждали каких-либо радикальных перемен, поэтому обошлось без обычного всплеска эмоций.

Следует признать, что пресса отмечает не только отрицательные, но и положительные сдвиги в подходах к проблеме «северных территорий» в рамках развития японо-российских связей. По сообщению газеты «Иомиури», министерство иностранных дел Японии подготовило буклет, посвященный двусторонним отношениям и предназначенный для распространения в политических, научных и деловых кругах России. В отличие от старого издания новый буклет не концентрирует внимание на проблеме «северных территорий» и дает более широкую картину двусторонних отношений. В частности, представлены такие темы, как взаимная помощь России и Японии после землетрясения в Кобэ и на Сахалине и влияние русской литературы на японских писателей⁹.

Наряду с сообщениями о реально имевших место событиях печатаются и сенсационные материалы с целью постоянного привлечения внимания к проблеме «северных территорий» и формирования, а затем и поддержания определенной установки в сознании японцев.

Итак, мы видим, что японская пресса широко освещает тему принадлежности Южных Курил и пытается определенным образом формировать общественное мнение в стране. Немалую роль в этом процессе играет правительство, которое, используя различные методы и рычаги воздействия, вмешивается в работу японских СМИ, преследуя свои интересы.

Существует мнение, что официальный Токио использовал далеко не все средства в попытках добиться возвращения «северных территорий», однако тот их арсенал, который уже применяется японским правительством, и без того достаточно велик. Стоит вспомнить хотя бы о «Дне северных территорий», который является одним из основных мероприятий движения за возвращение «северных территорий».

Это движение зародилось практически одновременно с возникновением самой территориальной проблемы. На протяжении нескольких десятилетий проводились митинги, организовывались различного рода манифестации, публиковались специальные материалы в средствах массовой информации.

⁸ Асахи симбун. 11.02.1996; Иомиури симбун. 15.02.1996; Майнити симбун. 19.02.1996.

⁹ Иомиури симбун. 19.08.1996.

И все это с единственной целью — привлечь внимание широких кругов общественности к проблеме спорных Курильских островов, а в дальнейшем постоянно поддерживать и укреплять их интерес к этому аспекту двусторонних отношений Японии с СССР (Россией).

Новой фазой в развитии кампании за возвращение «северных территорий» в 1981 г. стало решение кабинета министров об утверждении 7 февраля «Днем северных территорий». Идея правительства Д. Судзуки заключалась в «демонстрации единства японского народа в его требовании вернуть Японии четыре острова, незаконно оккупируемые Советским Союзом»¹⁰. Первый «День северных территорий» был проведен непосредственно по инициативе и под руководством правительства Японии. Центральным мероприятием явился «Общенациональный митинг участников движения за возвращение северных территорий» в Токио.

На митинге была принята резолюция, в которой подчеркивается, что в целях развертывания еще более мощного движения за возвращение северных территорий «необходимо: 1) усилить разъяснительную кампанию в отношении проблемы северных территорий; 2) активизировать сбор подписей под требованием о возвращении территорий; 3) использовать любые возможности для того, чтобы требовать от Советского Союза их возвращения»¹¹.

В этот день в 40 префектурах страны были проведены различные мероприятия, посвященные вопросу спорных территорий. Среди них — митинги, лекции, собрания, выставки, кинопросмотры. В дальнейшем этот список расширился за счет «фестиваля северных территорий», сбора подписей за возвращение спорных островов, марафона, конкурса на лучшее выступление по территориальному вопросу среди учащихся школ и других мероприятий.

В «День северных территорий» видные политические деятели приезжают в г. Нэмуру, откуда в ясную погоду хорошо видны Курильские острова и где проводится так называемое «инспектирование северных территорий», т.е. рассматривание в бинокль близлежащих островов.

В 1996 г., отмеченном 40-летней годовщиной восстановления дипломатических отношений между СССР и Японией, в своем выступлении на митинге, посвященном 16-му по счету «Дню северных территорий», премьер-министр Японии Р. Хасимото высказал большое сожаление в связи с тем, что «цель движения за возвращение островов, которое выражает решимость японского народа добиваться скорейшего решения территориальной проблемы, до сих пор не достигнута»¹². А министр иностранных дел Японии Ю. Икэда, тоже выступавший на митинге, отметил, что «полная

¹⁰ The Northern Territorial Issue. Ministry of Foreign Affairs, Tokyo, 1982, p.7.

¹¹ ТАСС. 19.03.1982.

¹² Асахи симбун. 08.02.1996.

нормализация отношений между Японией и Россией является важной для мира и безопасности в АТР»¹³, а также подчеркнул, что для решения территориальной проблемы необходимо укрепить взаимопонимание и доверие между народами обеих стран.

Начиная с 1981 г. все центральные издания, а также издания, выпускающиеся на о-ве Хоккайдо, в преддверии «Дня северных территорий» непременно публикуют различные материалы, посвященные проблеме территориального спора между двумя государствами. Среди них — статьи, касающиеся истории формирования японо-российской и японо-советской границы, сведения о проводящихся действиях с целью возвращения «северных территорий», высказывания различных политических и общественных деятелей по данной проблеме и многое другое. Однако идея, красной нитью проходящая сквозь все эти сообщения, заключается в одном — Южно-Курильские острова, или «северные территории» являются «исконными японскими землями»¹⁴ и должны принадлежать Японии.

1981 год, помимо введения «Дня северных территорий», ознаменовался и другим событием, имевшим важное политическое значение: в сентябре г. Нэмуру с целью инспектирования «северных территорий» впервые посетил премьер-министр Японии (в то время им был Д. Судзуки). Тем самым визитам в Нэмуру придавался официальный характер. В последующие годы подобные визиты политических деятелей разного уровня воспринимались как неотъемлемая часть кампании за возвращение четырех островов.

В ней участвуют многие общественные организации и движения. Исторически и в силу географического положения сложилось так, что мозгом кампании оставался Токио, тогда как настоящая активность на низовом уровне пришлась на Хоккайдо, где расположено большинство организаций, непосредственно проводящих мероприятия среди населения.

Наиболее активны следующие крупные организации.

Ассоциация по проблемам северных территорий, которая была создана в сентябре 1969 г. В ее функции входит работа внутри страны и в ООН в целях содействия разрешению проблемы возвращения Японии Южно-Курильских островов; сбор материалов и исследование различных вопросов, связанных с данной проблемой; помощь в организации посещения могил японцев, захороненных на спорных территориях; расследование вопросов, касающихся задержания Советским Союзом японских рыболовных судов за нарушение его территориальных вод.

Союз борьбы за возвращение северных территорий, созданный в 1965 г. Главной его задачей является организация поддержки японских террито-

¹³ Там же.

¹⁴ Майнити симбун. 23.05.1994.

риальных требований со стороны Запада и формирование у западной общественности благоприятного мнения по данному вопросу.

Совет связей с движением за возвращение северных территорий был организован в 1977 г. В его состав входит около 100 различных организаций, включая профсоюзный центр Домэй кайги, Японскую молодежную палату, Всеяпонский совет связи местных женских организаций и т.д.

Центр по проблемам возвращения территорий и политики в области рыболовства на севере, созданный вскоре после подписания Советско-японской декларации 1956 г., занимается распространением различного рода материалов о Сахалине и Курильских островах и проводит мероприятия, направленные на доказательство прав Японии на южную часть Курильских островов.

Наиболее важными для кампании за возвращение «северных территорий» являются межрегиональные мероприятия, проводимые в феврале и августе. Это, конечно, не означает, что в остальные месяцы наступает полное затишье: работа продолжается на Хоккайдо. Среди основных мероприятий — семинары по японо-российским отношениям в г. Нэмуру; велосипедные трековые гонки за возвращение «северных территорий»; марафоны на мысе Носаппу; продолжение кампании за сбор 50 млн. подписей в поддержку требования о возвращении «северных территорий»; выставки по тематике спорных островов; направление миссий в зарубежные страны; мероприятия в рамках Снежного фестиваля в г. Саппоро; подготовка и распространение учебных материалов по территориальной тематике. Это — лишь некоторые действия из всего огромного списка мероприятий, осуществляемых различными организациями в рамках движения за возвращение четырех островов.

Что же касается финансирования обширной деятельности организаций, то большая часть средств традиционно поступает в форме правительственных и префектуральных дотаций; доля членских взносов остается относительно стабильной, а доля пожертвований имеет несколько неустойчивый характер.

Из всего сказанного выше можно сделать следующие выводы. Во-первых, в целом проводимая кампания имеет прочную финансовую базу. Во-вторых, обзор проводимых мероприятий показывает, что наряду с сохранением традиционных подходов ведется поиск наиболее оптимальных форм работы, позволяющих охватывать различные возрастные группы населения с учетом их интересов и наклонностей. Все это, несомненно, способствует эффективности формирования общественного мнения по проблеме «северных территорий».

Сорокалетняя история дипломатических отношений между СССР (Россией) и Японией показывает, что территориальная проблема, являющаяся

основным препятствием для заключения мирного договора, а следовательно, для укрепления отношений доверия и сотрудничества, остается важной политической картой, разыгрываемой японским правительством. Для решения этой проблемы потребуются, вероятно, еще долгие годы и огромные усилия дипломатии, причем как с той, так и с другой стороны. Что же касается средств, используемых для разрешения ситуации в свою пользу, то одним из них является создание определенного общественного мнения по данной проблеме у себя в стране, а также формирование благоприятного для себя подхода к ее решению у граждан другой стороны. С этой точки зрения приходится констатировать, что японское правительство давно осознало всю важность фактора общественного мнения для принятия политических шагов и активно его использует.

Спор о том, кому четыре южных острова Малой Курильской гряды принадлежали первоначально, кто их открыл и кто первым их заселил, а также поиск доказательств — дело ученых-историков. Территориальный же спор о том, под чьей юрисдикцией должны находиться Курилы, в настоящее время лежит совершенно в другой плоскости и не имеет ничего общего с историческими изысканиями, поскольку, если пойти по этому пути, то на основании исторических данных весь мир придется перекроить заново. Это — вопрос политический, а потому первостепенную значимость приобретают не только реальные факты и дипломатические документы как двустороннего, так и международного характера, но и их трактовка и, что не менее важно, конкретная политика правительств по формированию определенного общественного мнения по данному вопросу.

Если говорить о коммуникационной политике Японии, то, как видно из всего изложенного выше, она строится с учетом культурно-психологических особенностей японского народа, на нее выделяются огромные суммы, и охватывает она все слои населения с вовлечением всех возрастных уровней. Причем следует отметить четкую скоординированность и организованность в ее проведении.

В заключение хочется подчеркнуть, что в современных условиях гораздо более важным является стремление к сотрудничеству и взаимному доверию, а не растрата сил на политические распри. Поэтому как в России, так и в Японии должны приветствоваться любые инициативы в этом направлении.

Восприятие Японии в СССР в период «холодной войны»

С.И.Вербицкий

Значительные перемены, которые произошли в восприятии Японии в СССР в посткоммунистический период, заставляют по-новому взглянуть на процесс формирования представлений об этой стране во время «холодной войны». Именно тогда происходили размытие и трансформация официальных имперских и идеологических стереотипов и появление позитивных представлений о Японии. Они стали базой нового восприятия этой страны в годы перестройки.

Основой представлений о Японии в СССР после второй мировой войны являлись стереотипы, сформировавшиеся в течение более чем двух столетий русско-японских контактов. В результате борьбы за влияние на Дальнем Востоке и войны 1904–1905 гг. появился устойчивый стереотип Японии как исторического противника России. В то же время сформировался и ряд позитивных представлений об этой стране и ее народе, которые были присущи прежде всего образованной части общества. К ним относились представления о Японии как о возможном союзнике и экономическом партнере России на Дальнем Востоке, интерес к ее экзотической культуре и традициям, а также чувство сострадания к «простому японскому народу»¹.

По мере превращения СССР в тоталитарное государство советские идеологи стали внедрять в сознание народа имперские и идеологические сте-

¹ См.: Verbitsky S. Russian Nations about Japan. — Contemporary European Writing on Japan. Kent (England), 1988.

реотипы о Японии как агрессивной империалистической державе, наиболее вероятном противнике СССР в будущей войне². Для процесса формирования восприятия Японии в период «холодной войны» были наиболее характерны следующие тенденции. Во-первых, это — все более углублявшийся разрыв во взглядах на Японию между советскими верхами, с одной стороны, и общественностью — с другой. Во-вторых, определенные изменения в восприятии Японии происходили как в самом советском руководстве, так и в той части номенклатуры, которая непосредственно занималась формированием внешнеполитических и идеологических приоритетов в отношении этой страны. В-третьих, в указанный период в условиях идеологического и цензурного пресса тоталитарного государства начался процесс формирования в целом позитивного общественного мнения в отношении Японии.

В этой связи представляет интерес исследование факторов, оказывавших влияние на формирование и трансформацию стереотипов, касающихся Японии, у советского руководства, номенклатуры и общественности в период «холодной войны».

ВОСПРИЯТИЕ ЯПОНИИ СОВЕТСКИМ РУКОВОДСТВОМ

Представления о Японии у советского руководства в период «холодной войны» мало чем отличались от традиционных взглядов дореволюционной российской дипломатии на своего дальневосточного соседа. Они сводились к тому, что Япония является потенциальным противником России в борьбе за влияние на Дальнем Востоке и что в связи с этим необходимо противостоять созданию любых военных союзов между ней и третьими странами. Советское руководство рассматривало Японию прежде всего сквозь призму ее военно-политического союза с США и использовало все средства для его дискредитации как в самой Японии, так и за рубежом.

Следует отметить некоторые важные тенденции в восприятии Японии советскими верхами. Во-первых, они не считали Японию приоритетной страной в своей глобальной и даже региональной политике. Во-вторых, советское руководство подходило к этой стране с позиций победителя во второй мировой войне и превосходства ядерной супердержавы. В-третьих, оно было не способно осознать роль Японии как «мировой державы», поскольку это понятие связывалось прежде всего со страной, обладающей военной мощью, крупными сырьевыми и людскими ресурсами, а также большой территорией. В-четвертых, идеологизированное мышление правящих кругов не давало им возможности увидеть основные тенденции в политиче-

² Вербицкий С.И. Формирование представлений о Японии в России и СССР. — Япония 1989. Ежегодник. М., 1991, с. 139.

ской жизни Японии; отсюда ставка на те политические силы, которые не оказывали влияния на формирование внутренней и внешней политики этой страны.

В то же время было бы упрощением считать, что восприятие Японии советским руководством оставалось в период «холодной войны» неизменным. На этот процесс влияли такие факторы, как субъективное отношение советских вождей к Японии, перемены в Кремле, изменения в международной обстановке и повышение роли Японии в мире, особенно в Азиатско-тихоокеанском регионе.

Основной причиной, побудившей Сталина с его имперским мышлением вступить в войну с Японией в 1945 г., являлось желание смыть позор поражения России в войне 1904–1905 гг. и заинтересованность в расширении советской империи. В.Молотов вспоминает эпизод, когда уже после второй мировой войны Сталин, смотря на карту СССР, сказал: «Что мы имеем теперь? Курильские острова теперь наши. Сахалин полностью наш, посмотрите, как хорошо»³. Именно с точки зрения имперского мышления следует расценивать намерение Сталина превратить часть Хоккайдо в советскую зону оккупации. С конца 40-х годов Сталин рассматривал Японию в контексте принимавшей все более острый характер «холодной войны». В рассекреченных документах российского МИДа найден проект советского договора с Японией с собственноручными пометками Сталина, в которых он требовал от советской делегации добиваться прежде всего вывода американских войск с японской территории. Сталин надеялся, что в этом случае японским коммунистам удастся дестабилизировать обстановку в стране и создать «революционную ситуацию» для захвата власти.

Особый интерес представляет исследование факторов, которые оказали влияние на внешнеполитическое мышление Н.Хрущева. Именно в период его правления было принято наиболее важное решение в области послевоенных советско-японских политических отношений. В 1956 г. была подписана Совместная советско-японская декларация, которая привела к восстановлению дипломатических отношений и предусматривала возвращение Японии двух южнокурильских островов — Шикотан и Хабомай — после заключения мирного договора.

С одной стороны, Хрущев начинал осознавать необходимость выхода СССР из полной изоляции от внешнего мира, куда его загнал Сталин. С другой стороны, Хрущеву как комсомольцу 20-х годов был присущ «революционный романтизм», которого были полностью лишены и Сталин, и Молотов. Со свойственной ему эмоциональностью он писал в своих воспо-

³ *Molotov Vyacheslav. Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics. Conversation with Felix Chuev. Chicago, 1990, p.8.*

минаниях: «Самый большой подарок, который мы можем сделать американцам, это упрямо отвергать контакты с Японией. Это позволит американцам добиться абсолютной власти в этой стране, что в еще большей степени усилит там антисоветские настроения». Он считал, что одно лишь появление советского посольства в Токио «как магнит привлечет всех недовольных проамериканским курсом правительства и позволит СССР оказывать влияние на японскую политику».

Следует отметить, что в то время, как переговоры 1955–1956 гг. о заключении мирного договора между СССР и Японией были в центре внимания японских средств массовой информации, советские газеты публиковали о них лишь короткие официальные сообщения и подготовленные в МИДе комментарии. Лишь после крушения коммунистического режима благодаря появившимся публикациям стало известно, что инициатива Хрущева и прежде всего обещание вернуть Японии два южнокурильских острова вызвали резкое недовольство значительной части советской номенклатуры, которая принимала участие в формировании внешнеполитического курса в отношении Японии⁴.

Не удивительно, что пересмотр японо-американского договора безопасности в 1960 г. Хрущев воспринял чрезвычайно эмоционально, как личное оскорбление и как крушение своих революционных иллюзий. Именно об этом свидетельствовало заявление советского правительства весной 1960 г. о фактически односторонней ликвидации 9-й статьи Совместной декларации 1956 г. о возвращении двух южнокурильских островов. Пытаясь ответить на вопрос, почему советские руководители пошли на столь явное нарушение общепринятых норм международного права Г.Кунадзе приходит к заключению, что эти заявления были сделаны под впечатлением массовых выступлений японцев против японо-американского договора безопасности. В Москве были убеждены в том, что в «Японии создалась революционная ситуация и дни проамериканского правительства Киси сочтены»⁵.

В период управления Л.Брежнева было покончено с революционным романтизмом Н.Хрущева. Это было время торжества социалистического бюрократизма во внутренней и внешней политике. На восприятие Японии советским руководством в этот период основное влияние оказывали про-

⁴ Академик С.Л. Тихвинский, один из основных членов советской делегации на переговорах в Лондоне писал в 1996 г.: «Сейчас, спустя 40 лет после лондонских переговоров, у меня сохраняется твердое убеждение, что эта «запасная позиция» советской делегации, предусматривающая уступку островов Шикотан и Хабомаи в случае согласия японской стороны на заключение мирного договора, была непродуманным волюнтаристским поступком Хрущева». — Тихвинский С. Послевоенная нормализация отношений с Японией. — Проблемы Дальнего Востока. 1996, № 5, с. 113–114.

⁵ Кунадзе Г.Ф. В поисках нового мышления. О политике СССР в отношении Японии. — СССР в мировом сообществе. М., 1990, с. 293.

должавшаяся «холодная война» между СССР и США и усиление конфронтации с Пекином. Москва опасалась вовлечения Китая в орбиту японо-американского военно-политического союза. Советские идеологи продолжали делать ставку на «демократические силы» КПЯ и СПЯ, хотя в отличие от Хрущева они не верили в возможность их прихода к власти.

Именно в брежневский период пропагандистской машиной в сознание советских людей особенно активно внедрялись идеологические стереотипы о Японии и клише «решенная проблема». Жесткая политика в отношении Японии связывалась с позицией министра иностранных дел А.Громыко. И.Латышев излагает деятельность Громыко в восторженных тонах: «Я убежден, что главную роль в утверждении столь твердой и непреклонной позиции СССР в территориальном споре с Японией сыграл министр иностранных дел А.Громыко, отличавшийся от других членов брежневского окружения наибольшим политическим опытом и твердостью своих суждений. Именно он, всесторонне взвесив сложившуюся тогда ситуацию, определил, по-видимому, единственно правильную линию поведения, суть которой заключалась в том, чтобы не уступать японцам и камня на нашей территории, сделать нашу позицию железобетонной и таким образом убедить противоположную сторону в бессмысленности дальнейшего раздувания компании территориальных требований»⁶. Однако рассекреченные документы международного отдела ЦК КПСС дают основание для определенного пересмотра устоявшегося имиджа Громыко, которого в Японии называли министром «Нет». Политбюро ЦК КПСС обсуждало 31 мая 1983 г. возможность возвращения Японии всех или по крайней мере некоторых островов южной части Курильской гряды в «интересах нормализации отношений с Токио и раскола единства Запада». При обсуждении территориальной проблемы именно Громыко занимал наиболее компромиссную позицию, его поддержал министр обороны Устинов, которого на Западе всегда рассматривали как главного советского «ястреба». А тогдашний генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.Андропов занял наиболее жесткую позицию⁷. Эти документы свидетельствуют о том, что уже в период «холодной войны» часть советского руководства стала осознавать важную роль Японии в современном мире и необходимость поисков компромиссов со своим дальневосточным соседом и использования его экономической мощи.

⁶ Латышев И. Покушение на Курилы. Сахалин, 1992, с.51.

⁷ Протокол этого заседания был представлен в Конституционный суд Российской Федерации, а затем попал в распоряжение одного из американских университетов. — Новое Русское Слово. Нью-Йорк, 27.06.1995.

РОЛЬ НОМЕНКЛАТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ИМПЕРСКИХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ О ЯПОНИИ

Значительное влияние на процесс формирования восприятия Японии как советским руководством, так и общественностью оказывала идеологическая и внешнеполитическая номенклатура. К ней относились работники международного и некоторых других отделов ЦК КПСС, руководящее звено средств массовой информации, академических институтов, различных «общественных массовых организаций» и разведывательных и внешнеполитических ведомств. Наиболее характерными чертами деятельности этого эшелона номенклатуры являлись бюрократизация, конформизм, приверженность к партийной дисциплине.

Идеологический аппарат имел возможность использовать для формирования необходимых советскому руководству представлений о Японии мощные средства массовой информации, академическую науку, «социалистическую культуру». Без визы международного отдела ЦК и отдела печати МИДа не могла быть опубликована ни одна статья о внутренней или внешней политики Японии. С конца 50-х годов сектор Японии возглавлял И.И.Коваленко. В течение почти четверти века сначала на посту заведующего сектором, а затем заместителя заведующего международным отделом ЦК КПСС он оказывал доминирующее влияние на восприятие Японии советскими верхами и на формирование идеологических стереотипов об этой стране. Под его фамилией и различными псевдонимами вышел ряд книг и множество статей, которые отражали партийную точку зрения на политические процессы, происходившие в Японии. Затем пост заведующего сектором Японии занял А.И.Сенаторов, который курировал исследования о демократическом и профсоюзном движении в Японии, написал много статей по этим проблемам, и, несомненно, его деятельность оказала значительное влияние на формирование идеологических стереотипов о политической системе в Японии. При этом надо учитывать, что и Коваленко, и Сенаторов были членами редколлегии журналов и ответственными редакторами различных изданий и от них зависело прохождение статей по японской тематике. В конце 70-х годов в секторе Японии появился Ю.Д.Кузнецов. Его статьи и книги, хотя и базировались на марксистских постулатах, давали возможность лучше понять социальную систему Японии. Незадолго до «перестройки» в отдел пришел новый молодой сотрудник В.И.Саплин. Его восприятие Японии уже отражало новое мышление наступавшей горбачевской эпохи. Позиции Коваленко, Сенаторова, Кузнецова и Саплина по отношению к Японии в определенной степени отражали процесс трансформации партийных идеологов и ослабления партийного контроля над средствами массовой информации и академической наукой в период «холодной войны».

Несмотря на то что мидовской номенклатуре всегда был особенно присущ дух конформизма и партийной дисциплины, некоторые дипломаты осознали необходимость искать новые подходы взаимоотношений с Японией. И.Латышев в своей книге «Покушение на Курилы» пишет, что во время его пребывания на посту корреспондента «Правды» в Японии, на совещании у посла О.А.Трояновского (это происходило в 1970 г.) двое «услужливых» советников, «чуя стремление высшего руководства нашей страны форсировать подписание мирного договора взамен на дальнейшие выгодные деловые связи, высказали тогда идеи, допускавшие возможность возврата к декларации 1956 г. ... Однако в верхнем эшелоне мидовского руководства, лучше представлявшего себе настроения А.А.Громыко, такие иски, естественно, не получили поддержки»⁸.

Что касается советского японоведения, то его роль в распространении представлений о Японии была далеко не однозначной. Прежде всего необходимо отметить, что оно являлось основным поставщиком кадров для всех организаций, имевших отношение к Японии. На советском японоведении в немалой степени лежит ответственность за «теоретическую разработку» и пропаганду официальных идеологических и других стереотипов о Японии, а также за оправдание внешнеполитического курса советского руководства в отношении этой страны. Именно эти стороны японоведения дают основание считать академическую верхушку номенклатурой.

После второй мировой войны в советском японоведении сложилась довольно не простая ситуация. Репрессии в отношении наиболее талантливых японоведов в конце 30-х годов фактически привели к ликвидации японоведения как науки⁹. В 40–50-е годы в японоведении набирают силу выпускники довоенных коммунистических университетов, бывшие коминтерновские и партийные работники, демобилизованные офицеры, которые работали в органах спецпропаганды. Они всячески декларировали свою приверженность марксистским догмам и боролись со всякого вида антимарксистскими ересями.

С начала 70-х годов доминирующее положение в советском японоведении стали занимать люди другой формации, более образованные, окончившие высшее востоковедные учебные заведения, некоторые из них работали какое-то время в Японии в качестве корреспондентов газет или сотрудников советского посольства. Один из ведущих японоведов рассматриваемого периода И.А. Латышев, попеременно работавший то в качестве заведующего отдела Японии Института востоковедения, то корреспондента «Правды» в Токио, являлся наиболее типичным представителем академического

⁸ Латышев И. Покушение на Курилы, с.54.

⁹ См.: Алпатов В.М. Репрессированные японисты. – Япония 1989. Ежегодник. М., 1991. сс. 287–291.

мира брежневской эпохи и остался ей верен после горбачевской перестройки и демократических метаморфоз в России¹⁰. Для научной и руководящей деятельности Латышева наиболее характерными были такие качества, как врожденный догматизм, вера в незыблемость марксистских постулатов, желание командовать японоведением. Латышев превратился в наиболее ярого охранителя марксистских догм и гонителя любых проявлений инакомыслия в японоведении. Две «основополагающие» работы Латышева «Либерально-демократическая партия Японии» и «Японская бюрократия» явились своего рода концентрацией марксистских догм, дававших искаженное представление о политической жизни Японии.

Вместе с тем в этот период был издан ряд интересных работ, посвященных японской экономике, культуре, религии, т.е. тем областям, где идеологический контроль был менее жестким. В первой половине 80-х годов уже сформировалась группа японоведов, в основном среднего поколения, — историков, политологов, которые сыграли важную роль в формировании взглядов на Японию в СССР в период «перестройки»

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В ТОТАЛИТАРНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Можно ли говорить о существовании в СССР общественного мнения по внешнеполитическим проблемам в период «холодной войны»? Априори считалось, что советский народ полностью поддерживает «миролюбивую политику партии и правительства». Любые публикации с критикой внешней политики или идеологических концепций объявлялись антисоветскими измышлениями. Редкие материалы из зарубежных, в том числе японских, газет публиковались с сокращениями и с надлежащими комментариями советских авторов. Никаких открытых опросов общественного мнения не проводилось.

Основными источниками информации о Японии для большинства советских людей являлись газеты, радио, телевидение. Они формировали необходимые советским идеологам представления об этой стране. Информационные материалы о Японии сводились в основном к официальным заявлениям советского правительства и МИДа, сообщениям о встречах представителей «братских партий» СССР и Японии, статьям о милитаризации Японии и борьбе японского народа против «монополистического капитала» и японо-американского военного союза. Средства массовой информации всячески избегали публикаций материалов о послевоенных успехах Япо-

¹⁰ Написанные И.Латышевым книги «Покушение на Курилы» и «Кто и как продает Россию» (М., 1994) стали своего рода катехизисами наиболее шовинистических и ультрапатриотических кругов России.

нии в экономической и социальной области. Не удивительно, что в этих условиях советским идеологам удавалось внедрять в сознание значительной части населения необходимые им имперские и идеологические стереотипы о Японии как «основном военном плацдарме США на Дальнем Востоке», стране, «идущей по пути милитаризации» и не прекращающейся борьбы между «демократическими» и «реакционными» силами. Согласно первому совместному опросу общественного мнения, проведенному в начале 1988 г., уже в период «перестройки», 30% опрошенных заявили, что они не считают Японию миролюбивой и демократической страной¹¹.

Но в то же время не следует преувеличивать значение идеологического фактора. Именно в период «холодной войны» шел процесс размыwania имперских и идеологических стереотипов. После восстановления дипломатических отношений с Японией в 1956 г. расширяется экономическое и культурное сотрудничество между обеими странами, что способствует появлению неформальных источников информации. С конца 70-х годов создалась довольно парадоксальная ситуация. В это время, когда отношение официальных властей и средств массовой информации к Японии в связи с ее участием в так называемых «антисоветских акциях» было самым негативным за весь послевоенный период, среди советской общественности Япония стала одной из самых популярных зарубежных стран. Так, совместное исследование общественного мнения японских и советских студентов, проведенное в 1977 г. газетой «Санкэй» и институтом социологии Академии Наук СССР, показало, что более 70% опрошенных советских молодых людей заявили, что они относятся к Японии хорошо или удовлетворительно. Результаты опроса были опубликованы в Японии, но не в СССР¹².

Обозреватель «Асахи» Мицуко Симомура после встреч с представителями различных слоев советской общественности была поражена тем, как они восхищались экономическими и технологическими достижениями японцев, их традициями и культурой¹³.

Необходимо подчеркнуть, что восприятие Японии в СССР носило ярко выраженный характер определенных негативных и позитивных стереотипов. Совершенно естественно возникает вопрос, почему одни из них, несмотря на мощную идеологическую поддержку, не выдержали проверку временем, а другие стали фундаментом восприятия Японии в посткоммунистическую эпоху? Исследование процесса формирования основных послевоенных стереотипов и имиджей Японии в период «холодной войны» даст возможность ответить на этот вопрос.

¹¹ Правда. 11.03.1988.

¹² Санкэй симбун. 25.08.1977.

¹³ Асахи имбун. 23.11.1984.

Япония — военный плацдарм США на Тихом океане. Этот имперский стереотип оказывал доминирующее влияние на восприятие Японии советской элитой и на характер антияпонской идеологической пропаганды в СССР. С точки зрения советского руководства военный союз между США и Японией, во-первых, подрывал баланс сил на Дальнем Востоке; во-вторых, препятствовал расширению сферы советского влияния в Азии; в-третьих, сдерживал возможность экономического сотрудничества между СССР и Японией. В зависимости от внешнеполитических задач советские идеологи акцентировали внимание на тех или иных аспектах японо-американского военного союза. В 50-е годы в СССР пропагандировался стереотип о Японии как о стране, лишенной самостоятельности, полностью находящейся под господством США. Именно в то время сформировалось клише «Япония, следующая в фарватере внешнеполитического курса США». В период корейской и, особенно, вьетнамской войны советская пропаганда внедряла в сознание общественности стереотип о Японии как «передовой базе агрессии США на Дальнем Востоке».

После подписания в 1965 г. между премьер-министром Э.Сато и президентом Л. Джонсоном коммюнике, в котором говорилось, что США будут защищать Японию от любого нападения, в том числе от ядерного удара, стал активно пропагандироваться тезис о «вовлечении Японии в американскую ядерную стратегию». Средства массовой информации широко освещали события, связанные с заходами американских кораблей, оснащенных ядерным оружием, в японские порты и размещением на американских базах в Японии ракет среднего радиуса действий «Томагавк» и самолетов F-15, несущих ядерное оружие. Эта пропагандистская кампания давала советскому руководству возможность усилить ремилитаризацию дальневосточных регионов СССР и активизировать деятельность советских ВМС в Тихом океане. Так, в начале 80-х годов правительство неоднократно выступало с заявлениями, что СССР вынужден будет принять «дополнительные ответные меры оборонительного характера для нейтрализации новой опасности, исходящей с японской территории»¹⁴.

С конца 70-х годов на передний план в советской пропаганде выходит резкая критика присоединения Японии к американской программе звездных войн. Особенно негативную реакцию у советского руководства вызвало решение премьер-министра Я.Накасонэ продавать США новейшие технологии, которые можно было использовать для отдельных компонентов и систем космического оружия в программе СОИ.

В первой половине 80-х годов, после принятия США и Японией экономических и политических санкций, связанных с вмешательством СССР

¹⁴ СССР и Япония. М., 1987, с.37.

в события в Польше и интервенцией в Афганистане, средства массовой информации взяли на вооружение штамп об «участии Японии в глобальной антисоветской стратегии американского империализма».

В то же время к концу «холодной войны» появились публикации, авторы которых обращали внимание на то, что японо-американский договор безопасности сдерживает развитие милитаристских тенденций в Японии. Осознание частью советского руководства, что СССР не в состоянии конкурировать с военными технологиями, разработанными совместно США и Японией, несомненно, оказало определенное влияние на формирование «нового мышления» в период горбачевской перестройки.

«Ремилитаризация Японии». Идеологическая и политическая направленность антияпонской пропаганды в послевоенный период нашла наиболее полное отражение в формировании стереотипа о Японии как стране, «идущей по пути милитаризма». Этот стереотип не вписывался ни в какие концепции милитаристского государства даже с точки зрения гибких марксистских постулатов. Такие европейские страны, как Франция и Англия, обладавшие значительно более крупными военными силами, в том числе и ядерным оружием, никогда не подвергались такой жесткой критике, как Япония, которая, как известно, провозгласила в своей конституции отказ от создания регулярной армии.

В послевоенный период ни по одной проблеме, связанной с Японией, не было опубликовано такого количества статей, популярных брошюр, «исследований», как по проблеме милитаризации¹⁵. Массовость этой продукции объяснялась прежде всего идеологическим заказом — материалам на эту тему давался «зеленый свет». Они порождали гипертрофированное представление о масштабах и значении военных усилий Японии. Основным центром, разрабатывавшим концептуальные подходы к проблеме милитаризации Японии, являлся Институт военной истории. В академических институтах специалистами по милитаризации являлись отставные военные, чаще всего выходцы из КГБ и ГРУ.

Однако к концу «холодной войны» восприятие Японии как потенциального военного противника начинает меняться. Об этом свидетельствовали дискуссии в академических институтах, причем размежевание позиций было довольно четким. С одной стороны, «ястребы» — в основном бывшие военные и сотрудники Института военной истории, с другой — «голуби», главным образом среднее поколение историков и экономистов. Некоторым

¹⁵ См.: *Сергиенко И.* Возрождение милитаризма в Японии. М., 1968; *Марков А.* Япония — курс на вооружение. М., 1970; *Мажоров С.* Военно-экономический потенциал современной Японии. М., 1979; *Исков И.* Япония — снова по пути милитаризации. М., 1980; *Иванов М.* Рост милитаризма в Японии. М., 1982; *Зайцев Е., Тамгинский И.* Япония: снова путь милитаризма. М., 1985. Это только небольшая часть работ, посвященная ремилитаризации Японии.

академическим работам иногда удавалось обойти цензурные преграды и дать более объективную оценку военной политики Японии. Так, авторы комплексного исследования по Японии, подготовленного еще в начале 70-х годов в Институте мировой экономики и международных отношений, подчеркивали, что Япония намерена добиваться достижения своих целей путем использования растущей экономической мощи, а не силой оружия, «что наращивание военного потенциала направлено не на подготовку агрессии или создание какой-либо угрозы для соседних государств, а рассматривается руководством страны как средство повышения национального престижа и усиления позиций Японии на мировой арене в рамках союза с США»¹⁶.

Какие же факторы побуждали советское руководство использовать все свои неограниченные пропагандистские возможности для внедрения в сознание общественности стереотипа о ремилитаризации Японии? С точки зрения марксистских догм само существование высокоразвитой капиталистической страны, какой являлась Япония, без мощного военного потенциала и военно-промышленного комплекса являлось нонсенсом. Имидж Японии, идущий по пути милитаризации, был необходим советскому руководству и особенно военным для оправдания превращения Дальнего Востока в самый милитаризованный регион СССР. Советские идеологи считали также необходимым оказывать поддержку японским демократическим силам — КПЯ и СПЯ, которые рассматривали борьбу против ремилитаризации Японии как одно из основных направлений своей деятельности. Советская дипломатия была заинтересована в активизации антияпонских настроений в азиатских странах, лидеры которых активно использовали в политических целях опасения своих народов перед возможной милитаризацией Японии.

В средствах массовой информации постоянно публиковались статьи об оснащении японской армии самым современным вооружением, огромных военных расходах Японии, ее возможностях в ближайшем будущем стать ядерной державой. В то же время советская общественность фактически не была знакома с послевоенной мирной конституцией Японии, ее тремя неядерными принципами. Д.Петров писал, что для создания имиджа Японии как милитаристской страны советский идеологический аппарат использовал такие методы, как двойной стандарт в оценке политики Японии и других стран, расширительное и произвольное толкование заявлений японских руководителей, замалчивание или искажение реальной политики японского правительства в этой области¹⁷. Относительно медленное размывание устояв-

¹⁶ Япония. М., 1973, с. 330-331.

¹⁷ Петров Д.В. Россия и Япония: стереотипы восприятия. — Япония и мировое сообщество. М., 1994, с. 195.

шегося стереотипа Японии, «идущей по пути ремилитаризации», в немалой степени было обусловлено тем, что исторически сложилось мнение об этой стране как о потенциальном противнике. Такое представление особенно глубоко проникло в сознание предвоенного поколения, пережившего японскую интервенцию 1918–1922 гг., инциденты у озера Хасан и реки Ханхингол.

«Миролюбивый японский народ». Как это ни парадоксально на первый взгляд, но советские идеологи сами внесли значительный вклад в дискредитацию имиджа Японии как потенциального противника СССР. Только идеологизированная советская пропаганда смогла сформировать и поддерживать такие фактически противоречащие друг другу стереотипы, как Япония, «идущая по пути ремилитаризации», и «миролюбивый японский народ».

Средства массовой информации широко освещали «борьбу японского народа» против американских военных баз, против пересмотра договора безопасности, против войны во Вьетнаме, против захода американских военных кораблей, а с начала 80-х годов против программы «звездных войн». Телевидение постоянно показывало антивоенные демонстрации японцев с белыми повязками на голове, пацифистские шествия буддийских монахов, флотилий лодок вокруг американских военных кораблей в японских портах. Все это стало для советских людей символом политической жизни послевоенной Японии.

Однако основную роль в формировании восприятия «миролюбивого японского народа» сыграл комплекс Хиросимы, чувство сострадания советских людей к японцам — первым жертвам атомного оружия. Советская общественность не была знакома с закулисной стороной антиядерного движения, которое использовалось как японскими, так и зарубежными политиками в партийных, идеологических или внешнеполитических интересах. Советские идеологи были прежде всего заинтересованы в формировании представления о «варварском» характере американского империализма, сбросившего атомные бомбы на японские города, и создании на этой основе международного антиамериканского антиядерного движения.

Однако для советских людей Хиросима ассоциировались со страшным атомным грибом, искореженным остовом здания в эпицентре взрыва, с постоянными сообщениями о смерти японцев, облученных во время атомной бомбардировки, с тысячами бумажных журавликов, отправленных советскими детьми японской девочке, чтобы отдалить ее смерть. Сама советская пропагандистская машина, способствуя формированию имиджа «миролюбивого японского народа», подрывала имперские и идеологические стереотипы о Японии как потенциальном враге и милитаристском государстве и подготавливала базу ее восприятия в период перестройки как «миролюбивого государства».

«Решенная проблема». В то время как для Японии территориальная проблема являлась важнейшим фактором, определявшим отношение японцев СССР, для советских людей ее фактически не существовало. На публикацию любых статей, книг, в которых каким-либо образом затрагивалась эта проблема, должно было быть получено разрешение не только от Главлита, но и от международного отдела ЦК и МИДа. Перед началом симпозиумов, на которых обсуждались советско-японские отношения, сотрудники международного отдела ЦК предупреждали советских участников, чтобы они всячески избегали вступать в дискуссии по территориальной проблеме, а если это будет невозможно, придерживаться официальной линии, которая с конца 50-х годов выражалась краткой формулировкой «решенная проблема». В ней сконцентрировались имперское мышление, неуважение к международному праву, непонимание места Японии в мировой и региональной политике.

Какие же причины побуждали советское руководство удерживать южнокурильские острова в ущерб долгосрочным государственным интересам? Прежде всего — стратегическая важность. Потеря островов лишила бы советский военный флот выхода в Тихий океан. Кроме того, в Москве опасались, что любые территориальные уступки Японии будут восприняты в мире как признак слабости и вызовут «цепную реакцию» подобных же требований к СССР от других стран, прежде всего со стороны КНР. Наконец, на отношение советского руководства к территориальной проблеме оказывало влияние «имперское мышление», которое в значительной степени базировалось на восприятии Японии как «побежденной страны», имеющей слабый военный потенциал. Именно последний фактор имел решающее значение для советского руководства во время любых международных переговоров. Чтобы оправдать отказ СССР возвратить Японии южнокурильские острова, захваченные Сталиным фактически уже после окончания войны, на советскую дипломатию и академическую науку была возложена задача подготовки аргументации, подтверждающей официальную позицию СССР по территориальному вопросу¹⁸.

¹⁸ Как во внутренней пропаганде, так и в полемике по этому вопросу с японской стороной использовались следующие аргументы: 1) первооткрывателями Курильских островов являлись русские; 2) японо-русская война 1904–1905 гг. и дальнейшие агрессивные акции японских милитаристов против СССР лишили Японию морального и юридического права ссылаться на соглашения, заключенные в середине XIX в. между обеими странами; 3) ялтинские соглашения и Потсдамская декларация указывают, что Курильские острова должны быть переданы СССР; 4) сама Япония провозгласила отказ от Курильских островов по Сан-Францисскому мирному договору; 5) беспочвенными являются утверждения японской дипломатии о том, что на южную часть Курильской гряды не распространялось географическое понятие «Курильские острова». — См.: СССР-Япония. М., 1987, с. 280–282. В редких публикациях на эту тему указывалось, что советская позиция разделяется «прогрессивными японскими историками».

В средствах массовой информации территориальная проблема затрагивалась только в тех случаях, когда советское руководство считало необходимым дать отпор японским «реакционным силам», раздувающим уже давно «решенную проблему». Следует отметить, что советская пропаганда всячески пыталась связать территориальную проблему с возрождением реваншистских и милитаристских настроений в Японии. Все японцы выступавшие за возвращение четырех островов Южнокурильской гряды (Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи), причислялись к «реваншистам». В то же время советские средства массовой информации избегали сообщений о том, что японские коммунисты и социалисты требуют возврата не только южных, но и всех Курильских островов.

Не удивительно, что большинство советских людей поддерживали официальный стереотип «решенная проблема», и первое совместное советско-японское исследование общественного мнения, проведенное уже в период перестройки, в начале 1988 г., показало, что только 2,5% опрошенных высказали сомнение в принадлежности Курильских островов СССР¹⁹.

Прежде всего советских людей мало интересовали эти небольшие островки. О них вспоминали только в связи с сообщениями об обрушившихся на них тайфунах и цунами. Считалось совершенно естественным, что Курильские острова после победы над Японией были присоединены к СССР, больше половины территорий которого было в те или иные исторические времена завоевано. В то же время никто бы не протестовал, если бы Хрущев или другой советский вождь вернули эти острова Японии, как это произошло с передачей небольших островов в Балтийском море Финляндии, а Порт-Артура — Китаю. Отношение советских людей к территориальной проблеме можно выразить одним словом — «индифферентность». Этот вопрос затрагивал и интересовал чрезвычайно узкую группу партийной, внешнеполитической, академической и военной номенклатуры²⁰.

Появление в период горбачевской гласности объективной информации привело к тому, что многолетнее клише «решенная проблема» ушло в небытие, а территориальный вопрос, как это обычно бывает во всех демократических странах, стал предметом широкой национальной дискуссии и борьбы различных политических сил и интересов.

«Реакционные» и «демократические» силы. Основной задачей идеологического аппарата являлось формирование у советских людей «двухцвет-

¹⁹ Иомиури симбун. 15.05.1988.

²⁰ Следует отметить, что националистические и патриотические мотивы в восприятии территориальной проблемы стали проявляться именно в этой среде еще в период «холодной войны». Во время международных конференций и симпозиумов некоторые советские участники выступали с заявлениями, что советский народ заплатил своей кровью за присоединение Курильских островов и что все 250 млн. советских людей «встанут на защиту российской земли».

ного» восприятия японской политической жизни, разделения политиков, политических партий и организаций на «просоветские» и «антисоветские», «проамериканские и антиамериканские», «демократические» и «реакционные». Эти идеологические клише определяли направленность советской пропагандистской машины в отношении различных институтов послевоенной политической системы Японии. Основное внимание уделялось внедрению в сознание советских людей представлений о том, что японское общество разделено на два антагонистических лагеря: «демократические силы» и «реакционные силы». К первым относились КПЯ, СПЯ, профсоюзное объединение Сохё и находившиеся под их влиянием различные организации. К «реакционным силам» причислялись монополистический капитал, буржуазные партии, националистические организации, социал-демократия, «реформистские профсоюзы». Не удивительно, что особенно острой критике подвергались «реакционные» концепции японских социологов об отсутствии классов и классовой борьбы в Японии.

В послевоенный период в СССР пропагандировалась следующая схема классовой политической пирамиды в Японии. Истинным хозяином Японии является «монополистический капитал», который обладает не только экономической мощью, но и всей полнотой политической власти. С точки зрения марксистской догмы именно монополистический капитал контролировал процесс формирования внутренней и внешней политики Японии. Так, в монографии Р.Алиева утверждалось, что «ключевым звеном механизма формирования внешней политики является финансово-монополистический капитал»²¹. Правящая Либерально-демократическая партия по этой схеме является исполнителем воли монополистического капитала. Поэтому последний оказывает ей финансовую поддержку на выборах в парламент. В монографии И.А. Латышева подчеркивается: «Правящая партия представляет собой не что иное, как бюрократизированную политическую организацию, навязывающую народу волю политики и идеологии монополистической буржуазии»²². Советская пропаганда особенно гневно бичевала японских социал-демократов за их «предательство классовых интересов и прислужничество перед реакционными силами».

Советское руководство поддерживало те политические силы в японском обществе, которые декларировали свои антиимпериалистические и, особенно, антиамериканские позиции. Именно эти силы рассматривались как «демократические» и «прогрессивные». В первое десятилетие после второй мировой войны к ним причислялась только Коммунистическая партия Японии и находившиеся под ее влиянием организации. Однако с 60-х го-

²¹ Алиев Р. Внешняя политика Японии. М., 1986, с. 35.

²² Латышев И.А. Правящая Либерально-демократическая партия. М., 1967, с. 80-81.

дов в связи с ухудшением отношений между КПСС и КПЯ Социалистическую партию также стали отождествлять с «демократическими силами». В то же время социалисты, вышедшие из СПЯ и образовавшие Социал-демократический союз, рассматривались как «реакционные силы». Профсоюзное объединение Сохё, связанное с СПЯ и КПЯ, считалось «боевым отрядом демократических сил», а профсоюзы, поддерживавшие правых социалистов, объявлялись «реформистскими», предателями интересов японских трудящихся. Массовые антивоенные организации, находившиеся под влиянием КПЯ и СПЯ, входили в состав «миролюбивых сил», а действующие по эгидой социал-демократов и других политических партий этой чести не удостоивались. Все публикации о демократических партиях, прежде всего о КПЯ, должны были содержать только позитивную информацию, и какая-либо критика в их адрес была возможна только по решению директивных органов. Советская печать и телевидение особенно широко освещали «весенние наступления» японских трудящихся, всячески подчеркивая «боевой», «классовый» характер входивших в Сохё профсоюзов.

Широкая идеологическая пропаганда и отсутствие объективной информации оказывали определенное влияние на формирование представлений о послевоенной политической системе в Японии. Так, во время закрытого исследования 1979 г. большинство опрошенных студентов не смогли дать правильный ответ на вопрос, является ли Япония республикой, империей или тоталитарным государством²³. В ходе первого открытого опроса о советско-японских отношениях, проведенного уже в период перестройки в мае 1988 г., более 30% респондентов заявили, что Япония не является демократической страной²⁴.

Вместе с тем быстрый рост японской экономики и улучшение социального положения японцев, длительное пребывание ЛДП у власти, ослабление забастовочного движения подрывали доверие к идеологическим клише о Японии. В период горбачевской перестройки, по мере ослабления цензуры и появления объективной информации о реальной японской политической системе прежде всего стали деформироваться идеологические стереотипы и на их место пришло восприятие Японии как «демократического государства». Во время опросов общественного мнения в СССР в 1990 г. уже более 60% респондентов ответили, что они считают Японию демократической страной²⁵.

«Японское чудо». Наиболее сложным для различных слоев советского общества оказалось восприятие бурного послевоенного экономического раз-

²³ Санкэй симбун. 25.08.1977.

²⁴ Правда. 11.03.1988.

²⁵ Известия. 25.04.1990

вития Японии. Это объяснялось рядом причин. Советских людей постоянно убеждали, что только социалистическая модель развития может привести к быстрым успехам в индустриализации страны. Следует также учитывать, что как в России, так и в СССР всегда были в чести западно-центристские тенденции, в которых европейские страны и США выступали как единственные источники культурного и, особенно, технического прогресса. Само понятие «азиатский» обычно связывалось с отсталостью или регрессом.

Успехи Японии в экономической области средства массовой пропаганды пытались объяснить с марксистских позиций, рассматривая их как временное явление, вызванное некоторыми благоприятными факторами для японских монополий и прежде всего дешевой и квалифицированной рабочей силой. Именно в этот период сформировался стереотип «трудолюбивых японцев», умело применяющих и совершенствующих чужую технологию.

С середины 60-х годов активизировалось сотрудничество между СССР и Японией в экономической области. В этот период стал усиленно пропагандироваться тезис «о взаимодополняющих экономиках СССР и Японии». Фактически же советско-японские экономические связи принимали ярко выраженный колониальный характер и демонстрировали отсталость социалистической экономики. Советские люди, прежде всего техническая интеллигенция, убеждались в превосходстве японцев в самых различных областях современной технологии. Ряд министерств создавал информационные бюро, где переводилась японская техническая литература. Большой интерес стал проявляться на предприятиях к японским кружкам качества. Огромным успехом среди советской общественности пользовались японские промышленные выставки, которые проходили не только в Москве, но и некоторых других городах СССР. Для большинства советских людей понятие «японское чудо» связывалось прежде всего с бытовой японской электроникой: транзисторами, магнитофонами, телевизорами, обладание которыми стало своего рода элементом престижности не только среди номенклатуры, но и других слоев населения.

С середины 70-х годов вышел ряд экономических работ, в которых наряду с обязательными марксистскими штампами давался более объективный анализ причин послевоенных успехов Японии.

Восхищение советских людей «японским чудом» было своего рода реакцией на неэффективность советской экономики. Во время лекций о Японии в самых различных аудиториях всегда поднимался вопрос: «Почему японцы могут, а мы не можем?»

Сформировавшийся в период «холодной войны» взгляд на «японское чудо» стимулировал значительный интерес к японской модели послевоенного экономического развития во время перестройки. Осознание частью со-

ветского руководства и номенклатуры важной роли Японии как одного из ведущих экономических центров современного мира способствовало формированию «нового мышления» и важности урегулирования советско-японских отношений.

Уникальная японская культура и традиции, загадочный национальный характер японцев также вызывали неизменный интерес русской общественности еще со времени «открытия» Японии Россией.

После восстановления дипломатических отношений в 1956 г. началось второе после 20-х годов знакомство советских людей с японской культурой. В 1958 г. прошли гастроли театра Кабуки и национального кукольного театра Авадзи в Москве и Ленинграде. Большим успехом пользовались многочисленные выставки, в том числе японского прикладного искусства, национальной японской живописи из фондов музея Яматанэ, народной игрушки, древней и средневековой скульптуры, искусства японского быта²⁶.

Наиболее значительное влияние на представления советских людей о послевоенной Японии оказали японские фильмы. Многие из них получили первые призы на Московском международном фестивале, и в соответствии с его правилами они должны были демонстрироваться на большом экране. Таким образом, миллионы людей в СССР увидели фильмы Акира Курава «Додескадэн», Канэто Синдо «Голый остров» и «Сегодня жить умереть завтра», Кирио Урояма «Испорченная девчонка», Тадаси Имаи «Река без моста».

В отличие от сталинского периода, когда в основном переводились и публиковались произведения японских пролетарских писателей, начиная с 70-годов стали издаваться японская классика и произведения современных японских писателей. Советские читатели смогли познакомиться с переводами классической японской литературы — антологии «Манъёсю» («Собрание мириад листьев»), эпоса «Повесть о доме Тайра», «Записок у изголовья» Сэй Сёнагон. Особенно большим успехом у читателей пользовались сборник «Японские трехстишия», включавший хайку наиболее известных авторов позднего средневековья, и вышедшая в серии «Сокровища лирической поэзии» книга избранных произведений Басё в прекрасном переводе В. Марковой. Эти книги были переведены на грузинский, армянский, эстонский, латышский и литовский языки. Многие молодые поэты сами обратились к сочинению хайку, создавая порой проникновенные лирические образы²⁷.

²⁶ Георгиев Ю.В. Советско-японские культурные связи. — СССР—Япония. К 50-летию установления советско-японских дипломатических отношений. М., 1978, с. 183-184.

²⁷ Громковская Л.Л., Долин А.А. Японская литература в СССР. — Япония. 1982. Ежегодник. М., 1983, с. 239.

1

Большими тиражами издавались произведения таких известных писателей, как Хироси Нома, Ёсио Хотта, Ёко Отта, Томики Хара, Такэси Кайко, Сюсако Эндо. Особой популярностью среди советских читателей пользовались произведения Ясунари Кавабата, Кобе Абэ, Кэндзабуро Оэ. Романы двух последних авторов в переводе В. Гривнина публиковались в популярном журнале «Иностранная литература». Произведения современных японских писателей дали возможность советской читающей публике лучше понять специфику японской жизни и сложный процесс адаптации национальных традиций и ценностей Японии к западной культуре.

Значительное влияние на формирование представлений о культуре и традициях Японии оказала публицистика видных советских писателей и журналистов. Большой популярностью у советской интеллигенции пользовались написанные еще в 50-х годах японские очерки известных писателей И. Эренбурга и К. Симонова. В 1975 г. на прилавках магазинов появилась книга «Ветка сакуры», написанная бывшим корреспондентом «Правды» в Японии В. Овчинниковым. Она стала крупным событием в культурной жизни России и сыграла важную роль в резком росте интереса советских людей к традиционным ценностям Японии и национальному характеру японцев. Автор акцентировал внимание на таких чертах национального характера японцев, как обостренное чувство прекрасного, достоинство, скромность, уважение к окружающим, особенно к старшим. Он отмечал позитивное влияние синто и буддизма на формирование таких черт национального характера, как понимание красоты, любви к природе. Книге Овчинникова присущи определенные субъективные оценки, приукрашивание японских реалий, но, по всей видимости, автор был заинтересован в том, чтобы вызвать эмоциональную реакцию у читателей. Это ему вполне удалось. «Ветка сакуры» заставила образованную часть советского общества задуматься о том, что коммунистический режим и так называемая социалистическая культура лишили народы СССР их исторической памяти и традиционных ценностей, формировавшихся на протяжении многих веков.

В 70-х — начале 80-х годов был опубликован целый ряд интересных работ о японском традиционном искусстве, театре, религии, национальном характере японцев. В отличие от книг, посвященных японской политике и ремилитаризации, они не залеживались на полках магазинов.

Интерес к японской культуре способствовал популярности среди различных слоев населения японских традиционных искусств и видов спорта. После выставки «Икэбана» в ряде городов СССР в 1968 г. началось увлечение советских женщин японским искусством составления букетов. Молодежь стала проявлять интерес к японским национальным играм и видам спорта: го, рёдзи, дзюдо и, особенно, каратэ. Во многих институтах стали создаваться кружки карате, что в конце концов вызвало негативную реак-

цию большого начальства. Под предлогом, что приемами каратэ могут воспользоваться уголовные элементы, эти кружки стали закрывать.

Примечательно, что первое исследование общественного мнения, проведенное в начале перестройки показало, что советские люди связывают основные черты национального характера японцев с их трудолюбием и высокой культурой. Так, в ответах на вопрос, какие черты больше всего присущи японскому народу, первое место занимали такие качества, как трудолюбие, деловитость, серьезное отношение к работе²⁸.

В дальнейшем в России имидж Японии как страны уникальной культуры и традиции находил отражение в интересе к японской модели экономического развития и роли этнического фактора в формировании идентичности японской нации.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

1. Значительные перемены в восприятии Японии, которые произошли в СССР в период перестройки обычно связывают с появлением «нового мышления» в горбачевском руководстве, провозглашением «гласности», ослаблением идеологического и цензурного пресса. Несомненно, разрушение коммунистической идеологии привело к более адекватному представлению советских людей о внешнем мире. Однако представления о другой стране формируются длительное время и требуют определенных предпосылок. Именно в период «холодной войны» были заложены основы «нового мышления» о Японии, начался процесс формирования общественного мнения и нового поколения реально мыслящих японоведов, дипломатов, журналистов, сыгравших важную роль в ознакомлении советской общественности с реалиями советско-японских связей и улучшения климата в отношениях между обеими странами.

2. В условиях тоталитарного правления советское руководство продемонстрировало способность внедрить в сознание населения негативные представления о Японии, используя мощный идеологический аппарат. Однако идеологические стереотипы оказались непрочными и по мере ослабления цензуры и появления объективной информации они стали деформироваться и размываться. В то же время исторические стереотипы оказались значительно более стойкими и продолжают оказывать влияние на формирование восприятия Японии в посткоммунистический период. Если во время перестройки среди советской общественности наиболее популярным был имидж Японии как «миролюбивой державы», то сейчас в России снова начинают набирать силу утверждения о превращении Японии в сильную во-

²⁸ Йомири симбун. 15.05.1988.

енную державу. Что касается других исторических стереотипов, таких, как «экономический партнер» и «страна уникальной культуры», то они, по всей видимости, станут определяющими в восприятии Японии русскими в следующем веке.

3. Именно в период «холодной войны» в СССР начался процесс формирования общественного мнения о Японии. В отличие от демократических стран, где индикатором общественного мнения являются опросы населения, в СССР такими индикаторами являлись многочасовые очереди на японские промышленные и культурные выставки. Японцы стали позитивными персонажами анекдотов и сатиры, что с точки зрения российского менталитета является важным фактором высокой оценки Японии и японского народа.

Японские политологи нередко объясняют позитивное отношение советских людей к Японии тем, что они были плохо осведомлены о резко негативном отношении японцев к СССР. Действительно, в Японии пропагандистская кампания за возвращение «северных территорий» способствовала усилению антисоветских настроений. В то же время в СССР идеологи делали все возможное, чтобы советский народ ничего не знал ни о сути самой проблемы, ни об отношении к ней японцев. Однако различное восприятие друг друга японцами и русскими имеют более глубокие корни. Для японцев СССР был основным потенциальным противником. Для большинства русских Япония была далекой страной, мало затрагивающей их интересы. Для японцев СССР являлся коммунистической тоталитарной державой, захватившей часть их территории. Для советских людей успехи Японии в развитии экономики были, с одной стороны, свидетельством неэффективности советской экономической системы, а с другой — моделью возможного развития СССР при умном правительстве.

4. Большинство японских и американских политологов при исследовании восприятия друг друга СССР и Японией основное внимание концентрируют на отношении общественности этих стран к территориальной проблеме. Это объясняется, по-видимому, двумя факторами: во-первых, той ролью, которую играет проблема в политической жизни Японии, а во-вторых, довольно распространенной точкой зрения, что возвращение Японии четырех островов приведет к кардинальному изменению как советско-японских отношений, так и представлений японцев и русских друг о друге. Однако эти точки зрения вызывают определенные возражения. В период «холодной войны» территориальная проблема фактически не оказывала никакого влияния на представления советских людей о Японии. Она использовалась и японскими, и советскими руководителями прежде всего в политических целях; меньше всего они заботились о нормализации и улучшении советско-японских отношений. Н. Хрущев рассчитывал, что

возвращение Японии даже двух островов ослабит японо-американский союз и укрепит в этой стране «демократические силы». Для японских лидеров территориальная проблема была прежде всего связана с внутривнутриполитической борьбой за власть и «торговлей» с американцами в отношении Окинавы. Они не могли понять, что упускают уникальный шанс, так как только сильный, авторитарный лидер в период подъема, а не упадка России может вернуть или передать другой стране часть ее территории.

Отказ Японии от подписания мирного договора в 1955–1956 гг. привел к тому, что советское руководство получило важные козыри для проведения пропагандистской кампании как внутри страны, так и за рубежом: первый — территориальная проблема раздувается японскими политиками для достижения своих внутривнутриполитических целей и возможности постоянного давления на СССР; второй — США используют территориальную проблему, чтобы не допустить улучшения советско-японских отношений.

Территориальная проблема сможет быть решена только тогда, когда русские и японские политики будут добиваться не реализации «своих» задач и целей, а исходить прежде всего из реальных долгосрочных интересов своих государств и народов.

Нобелевская речь Кэндзабуро Оэ (1994). К вопросу о вкладе новой японской литературы в мировую литературу

Ким Рехо

Вопрос о вкладе современных литератур Азии и Африки в мировую литературу еще не стал предметом серьезного внимания как в нашей, так и в зарубежной критике. Между тем новая литература Востока прошла уже вековой путь развития и сегодня все чаще заявляет о себе в современном мировом литературном процессе. Убедительный пример тому — неоднократно присуждение Нобелевской премии представителям литератур Азии и Африки.

С коротким интервалом, всего в 26 лет, два японских писателя стали лауреатами этой международной премии: в 1968 г. — Ясунари Кавабата, затем в 1994 г. — Кэндзабуро Оэ.

1968 год — символическая дата для современной Японии. Ровно сто лет назад, в 1868 г. совершилась революция Мэйдзи, открывшая новую эру в истории Японии. Страна вступила на путь модернизации под лозунгом «Техника Запада, мораль Востока». Прошло еще два десятилетия и в 1888 г. увидел свет роман Симэя Фтабатэя «Плывущее облако», заложивший основы новой японской литературы. Роман написан, по словам его автора, под глубоким влиянием русской литературы¹. Характерный для русских классиков поворот от повествования «из головы» к повествованию «из сердца» был близок и понятен японцам, воспитанным на традициях лирико-поэтического восприятия мира. Японии, открывшей раньше других

¹ См.: Рехо К. Русская классика и японская литература. М., 1997, с. 68-76.

стран Азии не только технический гений Европы, но и ее «сокровенную душу», предстояло дать обильные всходы как в технике, так и художественной культуре.

Через 100 лет после начала модернизации страны новая японская литература получила мировое признание. Критики заговорили даже о приоритете японского романа в мировой литературе. Так, в 1969 г. критик Сёити Сазки утверждал, что «если XIX век был эпохой русского романа, вытесненного затем американским, то ныне наступает эпоха японского романа»².

Такое категорическое заявление, думается, и спорно, и преждевременно. Однако, как бы то ни было, никто не станет ныне оспаривать тот факт, что современная японская литература, занимавшая до сравнительно недавнего времени весьма скромные позиции в мировом литературном процессе, сегодня выступает как все более и более заметный его участник.

Присуждение Нобелевской премии Ясунари Кавабата было для Японии событием общенационального значения. Это и понятно. Едва вступив на путь модернизации, Япония уже стремится занять свое место среди просвещенных народов Европы и, естественно, придает особое значение европейскому признанию ее современной литературы.

И все же отклики на присуждение Нобелевской премии Кавабата были неоднозначными. Ясунари Кавабата — признанный классик современной японской литературы — представлял писателей традиционалистского направления. В постановлении Нобелевского комитета говорилось, что премия присуждена за «писательское мастерство, которое с большим чувством выражает суть японского образа мышления». Речь идет о самобытном понимании прекрасного в произведениях японского писателя, о специфике его художественного видения мира, которое своими корнями уходит к истокам древней национальной культуры.

Формулировка «выражает суть японского образа мышления» была воспринята неадекватно прежде всего писателями «сэнго-ха» («послевоенной группы») — широкого объединения демократически настроенных литераторов. Они считали, что образ мышления современного японца претерпел существенное изменение и вышел за рамки традиционных представлений о мире. Изменения в обществе и в сознании людей нашли свое отражение в лучших произведениях писателей «послевоенной группы». По их мнению, присуждение Нобелевской премии писателю-традиционалисту демонстрирует характерную для Европы тенденцию недооценки достижений современных литератур Азии, в том числе и Японии. Европа признала японский приоритет во многих областях технологии, однако в сфере культуры

² Сазки Сёити. Эпоха японского романа. — Гундзо. 1969, № 2, с. 171.

и искусства предпочитает традиционные ценности, отражающие некую неизменную сущность восточной души.

И сами японцы часто недооценивали свое современное искусство. Еще в 30-х годах в печати стали появляться статьи о путях японской литературы к мировому признанию. Поэт Ёнэдзиро Ногуты в статье «Место японской литературы в мировой литературе» писал: «Есть ли в японской литературе наших дней произведения, представляющие мировую ценность? Есть ли в классической литературе Японии книги, способные приводить иностранцев в восхищение? Ответ мой краток: произведения мирового значения мы имеем в нашей литературе прошлого».

Статья Ногуты была написана в 1932 г. Новая японская литература прошла к этому моменту всего лишь полувековой путь развития и говорить о ее мировом признании было преждевременно. Русская литература проделала более чем вековой путь после петровских преобразований, прежде чем появился Пушкин.

Кроме того, Ногуты, долгие годы проведенный в США, несомненно, учитывал вкусы американских писателей. «Чтобы заслужить мировое признание, — писал он, — нам необходимо предложить вниманию зарубежных читателей произведения, отличающиеся японской спецификой. Другими словами, мы можем оспаривать лавры у зарубежных литераторов только за счет произведений, которые были созданы до проникновения китайского и европейского влияний в японскую культуру». В числе таких «исконно японских произведений» Ногуты называет летопись «Кодзики» («Запись о деяниях древности», 712 г.) и поэтическую антологию «Манъёсю» («Собрание мириад листьев», 759 г.), а классический роман Сикибу Мурасаки «Гэн-дзи моногатари» (конец X — начало XI в.) оказывается за бортом только на том основании, что в нем сильно выражено китайское и корейское влияние; что касается современной литературы, то она, по его мнению, является подражательной, а потому и не представляет особой ценности.

В литературных дискуссиях 60-х годов также были скептические высказывания насчет возможностей новой литературы Японии. Писатель Сэй Ито, например, утверждал, что в условиях Японии попытки создать произведения эпического масштаба, подобного «Войне и миру» Л.Толстого, заранее обречены на неудачу. По его мнению, формирование и развитие романа типа эпопеи предполагает наличие такой социальной структуры, которая существует в Европе, тогда как общество, в котором живут японцы, не похоже на европейское, и их ощущения и переживания резко отличаются от чувствований европейцев. Следовательно, пока японское общество не сравняется с европейским по своей социальной структуре и по культуре человеческих отношений, до тех пор не может быть и речи о какой бы то ни было схожести японского романа с европейским.

Однако Сэй Ито, несомненно, преувеличивает специфику японского художественного мышления, а также разрыв в социально-экономическом развитии Японии и стран Запада. А это в конечном счете приводит к консервации старых устоев, к противопоставлению традиционной эстетики поэтике современного романа.

Критик Сюити Като, например, утверждал, что для послевоенного поколения Японии общество, в котором оно выросло, «идентично миру, изображаемому в хорошо знакомой ему литературе Запада»³. Для послевоенного времени чрезвычайно характерна синхронность литературной жизни Японии и Европы. Перед Японией, превратившейся в одну из крупнейших индустриальных держав мира, встают те же проблемы, которые волнуют развитые капиталистические страны Европы.

В далекое прошлое ушли те дни, когда японцы возводили непреодолимый барьер между западной техникой и восточной моралью. Японцы пережили период копирования иностранных образцов и период националистической реакции. Попытки создать новую литературу путем повторения «политики закрытых дверей» демонстрировали лишь узость понимания национальной специфики японского искусства. Поиски новых путей в литературе в конечном счете связаны с синтезированием художественных открытий, совершенных в мировой литературе. Для нового поколения японских писателей «современное» больше не означает «европейское». Эти писатели уже не сковывают себя установившимися нормами традиционного искусства.

Новые тенденции в литературе отчетливо проявились в творчестве писателей «сэнго-ха», или «апрэгэр-ха», аналогичной литературному течению, возникшему в послевоенной Франции, — «*Après la guerre*». Хотя это была внутренне неоднородная группа, однако общей единой платформой «сэнго-ха» была ориентация на «человека современной эпохи», пережившего две мировые войны и революционные катаклизмы. Писатели «сэнго-ха» провозглашали «принципы новейшего времени», утверждая самоценность человеческой личности. Для «сэнго-ха» было характерно также осознанное чувство покаяния перед народами Азии за содеянное японскими милитаристами в годы войны. Они опирались на демократию и принцип отказа от ведения войны, легшие в основу «новой японской морали». Оэ считал, что писатели «послевоенной группы» были самыми «сознательными» и «искренними» в литературной истории Японии, потому он и примкнул к ним.

Присуждение Нобелевской премии Кэндзабуро Оэ спустя 26 лет после того, как ее получил Ясунари Кавабата, было воспринято многими в Япо-

³ Като Сюити. Восприятие зарубежной литературы в послевоенный период. — Бунгаку. 1960, № 7, с. 750.

нии как факт европейского признания новой японской литературы, имеющей теперь более чем вековую историю. Причем это было принципиально важно не только для японской литературы, но и для других современных литератур Восточной Азии, Кореи и Китая, типологически близких к литературе соседней Японии.

Свою нобелевскую речь Кэндзабуро Оэ назвал «Аймайна нихон-но ватакуси» («Я писатель амбивалентной Японии»)⁴. Амбивалентность Японии означает для Оэ и амбивалентность ее современной истории, что в свою очередь обуславливает двойственность отношения писателя к прошлому и настоящему своей родины. «Я как писатель, — говорит Оэ, — живу с этой двусмысленностью в душе, она отпечаталась во мне как шрам от глубокой раны». Речь Оэ резко контрастирует с нобелевской лекцией Ясунари Кавабата, озаглавленной «Уцукусий нихон-но ватакуси» («Я писатель прекрасной Японии»). «Прекрасная Япония» Кавабата как раз и встречает сильную оппозицию у нового нобелевского лауреата. Полемическая направленность речи Оэ обозначена уже в самом ее названии.

Оэ было 10 лет, когда закончилась война (он родился в 1935 г.). Как личность и как художник Оэ формировался в послевоенные годы. Это было время переоценки прежних ценностей. Прошлое и настоящее Японии мрачно. Пятнадцатилетняя война (1931—1945) принесла народам Азии невиданные страдания и опустошение. Оэ утверждает, что тихоокеанская война была порождением «перекосов» модернизации страны. Сориентировавшись на Запад и в короткий срок освоив западные знание и технику, Япония западным же оружием закабалила народы Азии; при этом захватническая цель прикрывалась маской «панасиатизма». Но это не помогло Японии: она оказалась в политической и культурной изоляции на Востоке. Война была проклятием и для собственного народа. Япония пережила трагедию Хиросимы. Современное состояние Японии на постмодернистской стадии ее развития также носит, по мнению Оэ, двойственный характер. Промышленный бум грозит новой бедой — экологической катастрофой и продолжением японской экспансии в страны Юго-Восточной Азии.

Так прекрасна ли «эта» Япония? Оэ заявляет: «Я как человек, выросший в «этой» действительности, и живущий, храня в душе горькую память «этого» прошлого, не могу сказать в унисон с Ясунари Кавабата, что «я писатель прекрасной Японии»⁵.

⁴ «Аймайна» — многооценочное слово, по японскому толковому словарю «Кодзиэн» («Лес слов») означает «неясный», «неопределенный» — обычно в негативном значении, например, словосочетание «аймайя» переводится как «дом сомнительной репутации». Кэндзабуро Оэ дает английский эквивалент этого слова — «ambiguous».

⁵ Оэ Кэндзабуро. Аймайна Нихон-но ватакуси (Я писатель амбивалентной Японии). Токио, 1995, с. 7.

Возможно, Оэ несколько излишне суров по отношению к Нобелевской лекции своего предшественника. Кавабата говорил о специфике собственного художественного видения мира, об устойчивости традиции, которая питает его творчество. Он говорил о себе как о писателе, «рожденном Красотой Японии».

В Стокгольме Кавабата начал свою речь со стихотворения дзэнского поэта Догена (1200—1253):

Цветы — весной,
Кукушка — летом.
И осенью — луна,
Холодный чистый снег —
Зимой.

(Пер. Т. Григорьевой)

«Здесь простые образы и простые слова, они незамысловаты, даже подчеркнуто просто поставлены рядом, но они-то и передают сокровенную суть японской души», — говорил Кавабата⁶. Возвратившись на родину, он вновь повторил: «Может быть, небольшое стихотворение Догена покажется европейцу примитивным, банальным, даже просто неуклюжим набором образов времен года, но меня оно поражает тонкостью, глубиной и теплотой чувства».

Стихотворение Догена называется «Изначальный образ». Особенности художественного мышления и осмысления природы поэтического слова, своеобразие мировосприятия Кавабата тесно связаны с этим «изначальным образом» дзэнской поэзии.

Оэ ставит под сомнение то, что для Кавабата является внутренней сущностью его творчества. «Изначальный образ» дзэн-буддийского монаха Догена, по мнению Оэ, утверждает невозможность вербальной передачи истины. Здесь поэзия вне слов. Искусство теряет свою коммуникативную функцию и предназначается исключительно для посвященных. Только путем отказа от собственного «я» читатель сможет постичь смысл «замкнутых в себе слов». Эзотерический стих Догена не может удовлетворить эстетические запросы современной литературы, задача которой, как считает Оэ, художественное исследование крайне усложнившейся действительности наших дней.

Нобелевская речь Оэ построена на антитезах по отношению к Ясунари Кавабата. Полярность мнений двух выдающихся писателей лишний раз свидетельствует об актуальности споров, продолжающихся и поныне в японской критике вокруг проблем традиции и современности, Запада и Востока.

⁶ Кавабата Ясунари. Повести, рассказы, эссе. М., 1971, с. 388.

Кавабата в своей Нобелевской лекции подчеркивает отличие японского искусства от западного. «Некоторые критики усматривают в моих произведениях нигилизм, — говорит Кавабата, — но мой нигилизм в корне отличается от западного, он основан на дзэн-буддийском мирозерцании». Оэ, наоборот, всюду указывает на типологическую соотносимость своего творчества с эстетическими концепциями западной литературы. Для него «изначальным образом» был гуманизм французского Возрождения. Японскому писателю близка универсальная всечеловеческая основа идей европейского гуманизма.

Тяготение к гуманистическим ценностям Запада проявилось у Оэ с ранних лет. Среди книг, которыми он зачитывался в детстве, были «Приключения Гекльберри Финна» Марка Твена и «Чудесное путешествие Нильса Хольгерсона по Швеции» Сельмы Лагерлеф. Они, по признанию Оэ, «потрясли его до глубины души». Книги заморских авторов будоражили детские фантазии писателя, выросшего в провинции, на окраине страны. С тех пор пристальный интерес к художественной культуре Запада не покидает его. В Нобелевской речи он скажет: «Откровенно говоря, мне духовно ближе не соотечественник, который 26 лет назад стоял на этой самой трибуне, а ирландский поэт Уильям Йитс, удостоенный этой же премии 71 год назад, будучи почти в моем возрасте⁷. Имя Йитса названо здесь не случайно. Именно его поэзия вдохновила Оэ на написание романа-трилогии «Горящее зеленое дерево», который, по словам автора, подытоживает его творчество как романиста.

В резолюции, принятой Ирландским парламентом в связи с награждением У.Йитса Нобелевской премией, были слова: «Наша цивилизация будет оценена человечеством благодаря Вашим усилиям... Бесценны Ваши произведения, направленные на защиту людей от энтузиазма разрушения...». Свою миссию художника Оэ видит в том, чтобы, подобно Йитсу, внести свой вклад в дело признания Японии, ее цивилизации, о которой мир пока знает по электронике и производству автомашин, а не по уровню развития философии и искусства. Оэ говорит и о своем долге как гражданина страны, которая в недавнем прошлом с разрушительным фанатизмом попирала человеческое достоинство как у себя дома, так и в соседних государствах. Оэ и Кавабата — писатели разных идейно-эстетических ориентаций. Оэ считает, что традиционное искусство, изображающее жизнь в мягких, пасторальных тонах, далеко от реальности современной Японии. Он объявляет себя писателем не пасторальной, а реальной жизни («Наше время», эссе, 1959 г.).

⁷ Оэ Кэндзабуро. Аймайна Нихон-но ватакуси, с. 6.

Интересно рассуждение Оэ о том, кто такой современный японец. В представлении европейцев он обычно выступает как натура, отличающаяся изяществом, утонченностью и созерцательным умом. Оэ, однако, считает, что современный японец во многом изменился, его отличает ныне, помимо прочего, и гуманистическое мировосприятие, чувство сопричастности всему тому, что происходит в мире. Гуманизм становится и японским стилем жизни.

Высокий гуманизм европейского Возрождения, перенесенный на японскую почву самоотверженным трудом Кадзуо Ватанабэ (1901—1975), виднейшего исследователя творчества Франсуа Рабле, трансформировался в собственно японскую традицию, которая становится неотъемлемой частью мировоззрения современного японца. Несмотря на трудные условия жизни во время войны и первых послевоенных лет, Ватанабэ не только довел до конца перевод романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» и других произведений Рабле, но и опубликовал книги, статьи и эссе о гуманизме эпохи Возрождения. Всего им было издано около 50 томов. Он не жалел сил, чтобы привить на японской почве идеи гуманизма, составляющие основу западного стиля мышления. Оэ называет труд Ватанабэ «трудом эпохальным» для японской культуры. «Я ученик и последователь гуманизма Ватанабэ», — говорит Оэ в своей Нобелевской речи.

Для Оэ гуманизм является одним из основных законов человеческой природы. Его занимает идея всемирного литературного братства. Оэ восстанавливает творческие связи с китайскими писателями Чон И и Му Джэном, а также с корейским поэтом Ким Жи Ха, которых он считает совестью народов. Японский писатель принимал активное участие в забастовке в поддержку опального поэта Ким Жи Ха. Для Оэ это было жизненным уроком «гуманизма Ватанабэ».

Главная задача современной литературы, по убеждению Оэ, заключается в решительной гуманизации всей жизни на земле. Не случайно тема Хиросимы оказалась в центре его творчества. Для него Хиросима является как бы пробным камнем, на котором проверяется верность японской литературы гуманистическим идеалам. В интервью «Литературной газете» Оэ заявляет: «По-моему, настоящая литература должна показывать человеку, какую ответственность он несет перед обществом и миром. В этом смысле литература никогда не утратит своего значения»⁸.

Роман Оэ «Личный опыт» (1964) раскрывает смысл этой ответственности человека перед обществом и миром. У героя, прозванного «Птичкой», рождается ребенок-урод. После взрыва атомной бомбы в Хиросиме подобные случаи были нередки. Молодой отец хочет избавиться от сына-урода,

⁸ Оэ Кэндзабуро. Я и мои книги. - Литературная газета. 11.07.1973.

отправиться с любовницей в путешествие в дальние страны, в Африку, о которой он мечтал всю жизнь. Однако в его душе нарастает смутное недовольство собой, своим решением бросить ребенка и родину. Постепенно он приходит к убеждению, что человек не имеет права пренебрегать своими моральными обязанностями даже во имя осуществления самой сокровенной мечты.

Писатель Оэ вынашивает замысел такого романа, который «в конечном счете композиционно обретает космические масштабы, космическое звучание». Действительно, в его романах, таких, как «Футбол 1860 года» (1967), «Объяли меня воды до самой души моей» (1973), «Игры современников» (1979) локальные сюжеты из японской жизни переосмысливаются и обретают глобальное звучание, связываются с судьбами современного человечества, с его тревогами и надеждами в условиях постоянной угрозы ядерной и экологической катастроф. Меняется и традиционное соотношение человека и природы. Мир природы предстает у Оэ не только как объект возвышенных лирических переживаний, но и во всей конкретности реальных связей с человеком. Человек не просто созерцает природу, он активно выступает на ее защиту от натиска «железного века». Японский писатель вкладывает в традиционное понимание природы новый гуманистический смысл.

Желая создать роман «космического звучания», писатель, естественно, должен был освоить адекватные ему средства художественного выражения. Его уже не удовлетворяет система традиционной поэтики. В поисках нового стиля Оэ обращается к творчеству Франсуа Рабле. По словам писателя, на примере произведений французского гуманиста он учился тому, что было теоретически сформулировано М.Бахтиным в его работах, посвященных образной системе гротескного реализма и народной смеховой культуре.

Оэ ввел в японскую литературу «гротескный реализм». Смелый полет фантазии, свободное перемещение повествовательного времени, гиперболическое изображение предметов и явлений, неожиданные и резкие контрасты, а также элементы карнавального смеха над глупостью и злом — эти художественные приемы, ощутимо проступающие в романе «Футбол 1860 года» и других произведениях Оэ, несомненно, связаны с поэтикой романа Рабле. Японский писатель неоднократно подчеркивал важность для современного романа идей, высказанных М.Бахтиным о природе гротеска: «Гротескный образ характеризует явление в состоянии его изменения, незавершенной еще метаморфозы, в стадии смерти и рождения, роста и становления. Отношение к времени, к становлению — необходимая конститутивная (определяющая) черта гротескного образа. Другая, связанная с ним необходимая черта — его амбивалентность: в нем в той или иной форме

даны (или намечены) оба полюса изменения — и старое и новое, и умирающее и рождающееся, и начало и конец метаморфозы»⁹.

«Эта образная система, — сказал Оэ в своей Нобелевской речи, — открыла для меня... путь к художественной выразительности, ведущей к универсализму, позволяя остаться при этом корнями в родной почве»¹⁰.

Возникает, однако, вопрос: не ведет ли творческая ориентация Оэ, опирающегося на европейский художественный опыт, к нивелировке японской литературы, к стиранию ее национальной специфики? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к дискуссии о содержании и форме новой литературы, начатой в японской критике еще в начале века и продолжающейся поныне.

Во время этой дискуссии много было сказано о создании нового стиля путем синтеза традиционных элементов с элементами, пришедшими с Запада. Это закономерно: уже более века японская литература находится как бы на пересечении двух культур — европейской и азиатской. Смешение двух культур наблюдалось всюду, но это еще не было их органическим синтезом. Не избежала «культурного раздвоения» и Япония.

Раздвоенность проявилась особенно ярко в сфере архитектуры. На первых порах японцы попросту подражали западным образцам, и в результате получились лишь бледные копии сооружений европейских мастеров. В то же время националистическая идея сохранения в чистоте традиции путем отказа от «чужих» идей и форм была отвергнута самой историей. Эти поиски национального своеобразия в Японии 30-х годов привели к появлению настоящих архитектурных чудовищ: между крышей традиционной формы и железобетонным каркасом не было никакой связи. После войны в Токио был построен Дворец культуры по проекту знаменитого архитектора Кэндзо Тангё. Характеризуя архитектурный стиль этого замечательного сооружения, критик Сюити Като пишет: «Архитекторы наших дней не стремятся больше восславить японский национальный характер, они отвергают и эклектизм, а просто пытаются решать стоящие перед ними проблемы, пользуясь международным языком выразительных средств современной архитектуры. И тем не менее в их произведениях весьма часто проявляется именно то, что можно назвать чисто японскими особенностями восприятия: тонкое чувство цвета, гармония форм, изящество линий и т.д. Японский характер архитектуры обусловлен целым рядом объективных факторов (климатические условия страны, природное окружение, душевный склад автора и пр.), а не навязыванием архитектору извне каких-либо концепций. И если мы считаем работы Кэндзо Тангё японскими по ду-

⁹ Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная смеховая культура Средневековья и Возрождения. М., 1965, с. 30.

¹⁰ Оэ Кэндзабуро. Аймайна Нихон-но ватакуси, с. 14.

ху, то именно в том самом смысле, в каком французскими кажутся нам произведения Ле Корбюзье»¹¹.

В подлинном произведении искусства творчески освоенные традиции и «чужой» опыт присутствуют как бы в «растворенном» виде, утрачивая свои конкретные очертания. Безусловно, основные элементы традиционной эстетики сохраняют свое значение и в наши дни. Но если рассматривать традиции как нечто живое, функциональное не только в прошлом, но и в настоящем и в будущем, то смысл поступательного движения современного японского искусства следует видеть не в консервации традиционалистски понятой самобытности. «Я лично считаю, — говорит Кэндзо Тангё, — что традиция сама по себе не может быть созидательной силой. Это как бы химическая реакция: чтобы возникло нечто новое, традиция должна послужить катализатором, но при этом традиционная форма, или то, что навеяно традицией, не должно открыто проявляться в конечном продукте»¹².

Современная японская архитектура получила мировое признание, благодаря использованию «международного языка выразительных средств». Но если в архитектуре ввиду ее специфики, обращение к «международному языку» не вызывает сомнений и упреков, то в литературе дело обстоит несколько иначе.

Возьмем для примера роман Кобо Абэ «Женщина в песках», переведенный на многие языки мира. Были критики, которые упрекали автора в «космополитичности», поскольку, по их мнению, роман можно воспринимать, не имея никаких представлений о японских художественных традициях. Возражая им, критик Бикэн Китамура писал, что «нет ничего абсурднее, чем упрекать писателя в том, что он модернист без гражданства»¹³.

В романе Кобо Абе символическая «стена» в образе песка не имеет национальной окраски. Пески — это метафора современной ситуации всеобщего отчуждения. Рецензент парижской газеты «Монд» Марсель Брион пишет, что абсурдность происходящего в романе Абэ «создает ощущение еще большей безнадежности, чем «Процесс» Кафки. Американский исследователь Морис отмечает, что в романах Абе «почти не чувствуется ничего японского», что японские традиции в них «представлены крайне слабо».

В этих отзывах, несомненно, сказывается инерция прежних европейских представлений о Востоке, о неизменной сущности его души. В «Женщине в песках» действительно нет традиционной гармонии между стихией и человеком, равновесие их явно нарушено. Мир природы предстает у Ко-

¹¹ Курьер ЮНЕСКО. 1973, март, с. 32.

¹² Цит по: Коффлер С. Тангё Кэндзо и мегаполис будущего. — Курьер ЮНЕСКО. 1968, сентябрь-октябрь, с. 60.

¹³ См.: Синнихон бунгаку. 1962, № 9, с. 104.

бо Абэ не в поэтических связях, не как объект возвышенных лирических переживаний, а во всей конкретности своего материального бытия. Героя романа Дзюмпэй Ники интересуют физические свойства природной субстанции, одиночество среди песка не вызывает у него тоски, грустных воспоминаний о прошлом. Ему не свойственна мечтательная созерцательность. В песчаной яме герой сооружает «лабораторию» по изучению свойства песка, законов его движения. Мировоззрение Абэ отражает те разительные перемены, которые происходят в сознании современных японцев.

В чем собственно заключается «японское» в представлении европейцев? В своей Нобелевской речи Оэ счел важным затронуть и этот вопрос. Европейские авторы многочисленных путевых заметок по Японии обычно отмечают уточненную изысканность, созерцательный ум как главное свойство в натуре японцев. И Оэ говорит с некоторым сожалением о том, что европейцы не замечают больших перемен, происшедших в мировоззрении современного японца. По его мнению, устоявшееся представление о японском менталитете должно быть дополнено понятием гуманизма, провозглашающего принцип свободного развития человеческой личности. В числе тех, кто посвятил себя «формированию нового японца». Оэ называет Кадзуо Ватанабэ, который, как уже было сказано, перенес гуманистические идеи французского Возрождения в японскую культуру. Ныне уже невозможно говорить о социально-политической и литературной истории Японии XX в. без учета идей гуманизма.

По инерции мысли европейцы, как правило, ищут в искусстве Востока «неизменную» сущность восточной души, а то, что в нем «современно» и «универсально», кажется им плодом подражания или европеизации. Между тем очевидно, что в наше время «современное» больше не означает «европейское». Суперсовременный корабль, построенный в Японии, нельзя называть «европейским». Нечто подобное произошло и в литературе.

Кстати, небезынтересно упомянуть в этой связи малоизвестный случай из истории русско-западных литературных связей. В начале века в США вышел сборник «Русские рассказы», куда вошли произведения русских писателей от Пушкина до Куприна. В послесловии сборника переводчик, сравнивая «Пиковую даму» Пушкина с «Шинелью» Гоголя, рассуждает так: «Прочитав с интересом «Пиковую даму», мы все же задаемся вопросом, является ли она произведением русского автора. Нет, это не русский рассказ. Если бы рассказ был опубликован в каком-нибудь американском журнале с подписью Джона Брауна, то ни у кого это не вызвало бы сомнения. Что же касается «Шинели» Гоголя, то это без сомнения русский рассказ. Она никого не может обмануть, если даже под ней поставить подпись Джона или Смита».

Здесь та же самая инерция мышления: то, что «современно» в литературе незападного мира, это — «европеизированное», и потому выводится за пределы национальной художественной культуры. Однако Пушкин в «Пиковой даме» и в других произведениях, например, в цикле «Подражаний Корану», в «Моцарте и Сальери» «блистательно доказал, что, разрабатывая и не русскую тематику, он может оставаться вполне и глубоко национальным поэтом»¹⁴.

Очень поучительно суждение самого Пушкина на этот счет: «Мудрено отнять у Шекспира в его «Отелло», «Гамлете», «Мера за меру» и проч. — достоинства большой народности. Вега и Кальдерон поминутно переносят во все части света, заедают предметы своих трагедий из итальянских новелл, из французских ле. Ариосто воспекает Карломана, французских рыцарей и китайскую царевну. Трагедии Расина взяты им из древней истории. Мудрено однако у всех сих писателей оспаривать достоинства великой народности»¹⁵.

Под «народностью» Пушкин понимает национальное своеобразие художника, которое может проявиться и не только на «отечественной тематике». Если перефразировать мысль Пушкина применительно к литературам Востока, то можно сказать, что, разрабатывая «национальную тематику», писатели вправе прибегнуть к «международному языку» выразительных средств и при этом сохранить «достоинства великой народности».

Произведения Оэ принципиально синтетичны. Его творчество сформировалось на фундаменте нового художественного содержания. Источников этого содержания два: японская национальная жизнь и культура европейского гуманизма. Творчество Оэ органически включено в современный литературный процесс, обогащено мировым художественным опытом. Персонажи произведений Оэ проявляют себя в открытых движениях, явно дисгармонирующих с традиционным соотношением природы и человека, индивидуума и общества. Оэ разрушает прежние традиции в литературе, чтобы внести новые, обусловленные переменами, которые происходят в мире и в сознании современного японца, — причем не только в содержании, но и в самой стилистике произведения.

Творчество Оэ, вероятно, можно рассматривать как итог столетней истории новой японской литературы, завершающий процесс ее самоопределения, в котором принимали участие многие выдающиеся писатели современной Японии. Созданные ими новые художественные традиции в литературе открывают широкую перспективу для последующих поколений японских писателей.

¹⁴ Благой Д. Творческий путь Пушкина. М.-Л., 1950, с. 384.

¹⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Л., т. 7, 1978, с. 28.

Спору нет, традиционное сохраняет свое значение и сегодня. Свидетельство тому — мировая известность Ясунари Кавабата, этого писателя своеобразной «японской Японии». Присуждение Нобелевской премии Кэндзабуро Оэ было европейским признанием художественных достижений современной литературы «амбивалентной Японии». Оба направления закономерно сосуществуют в литературе Японии наших дней, дополняя друг друга. Создание произведения, которое явится воплощением художественной и нравственной традиции мировой литературы — задача следующего этапа развития японской литературы.

Балет в Японии: сохранение традиций и поиск самобытности

Н.П.Тебин

Из многих видов западного искусства, потоком хлынувших в Японию после «открытия» страны в середине прошлого века, в наши дни наибольшую популярность и развитие, по всей видимости, получил классический балет. Об этом свидетельствует успех, которым пользуются в Японии всемирно известные балетные коллективы. Только из России в Японию ежегодно приезжают и довольно продолжительно гастрوليруют балетные коллективы Большого, Мариинского, Пермского театров оперы и балета, другие балетные труппы. Японский зритель знаком практически со всеми ведущими балетными коллективами мира. Подчас в Японии одновременно гастрوليрует по два-три зарубежных коллектива и все спектакли проходят при переполненных залах. Успех выступлений и аншлаги обусловлены не только тем, что приглашаются первоклассные исполнители, но главным образом тем, что в Японии уже есть массовый, весьма хорошо подготовленный зритель. Кстати, именно к такому зрителю и едут «звезды» мирового балета.

Считается, что впервые японцы познакомились с классическим балетом в 1916 г., когда в Японию на гастроли приехали Елена Смирнова и Борис Романов — супружеская пара. Будучи воспитанниками Мариинского театра, они внесли большой вклад в развитие классического балета. Смирнова и Романов руководили организованным ими в Берлине коллективом «Русский романтический балет», много гастролеровали по странам Европы. Вся их деятельность была направлена на пропаганду и сохранение традиций русской школы танца, ее классического наследия. Надо сказать, что эта школа пустила глубокие корни в японском балете.

Однако в то время японские зрители не были знакомы с классическим танцем и трудно было оценить реакцию зрителей на новое для них искусство. Более основательно они смогли прочувствовать и проникнуться обаянием классического танца в 1922 г., во время гастролей в Японии балетной труппы Анны Павловой, выдающейся классической танцовщицы. Однако и после этого вряд ли можно было ожидать быстрого развития национального балета в Японии — не было государственной поддержки, а среди богатых меценатов знатоков балета не наблюдалось.

Тем не менее семена, брошенные на японской земле Смирновой, Романовым, Павловой и другими звездами русского балета, постепенно прорастали, особенно в послевоенные годы. Даже в условиях разрухи конца 40-х годов, приложив неимоверные усилия, японские артисты балета смогли объединиться и, пусть в концертном варианте, представить зрителям «Лебединое озеро» — классическое балетное произведение. Несмотря на упрощенность постановки, эта работа японских энтузиастов балета оказала большое влияние на рост числа его поклонников.

Большой толчок развитию классического танца в Японии дали гастроли в 1957 г., в первый год после нормализации советско-японских отношений, балетной труппы Большого театра. Можно сказать, что во время этих гастролей послевоенное поколение японцев впервые увидело настоящий балет. Восторг и восхищение зрителей, как писали репортеры, были трудно передаваемы.

Гастроли российских коллективов стали регулярными, и во многом они способствовали воспитанию и формированию в Японии массового зрителя с глубоким пониманием классического танца. Наряду с этим активизировалось и стремление молодежи к профессиональной карьере в балете. Быстро росло как число, так и мастерство национальных артистов балета. В 1958 г. ведущие деятели и артисты балетного искусства Японии объединились в Японскую балетную ассоциацию (Нихон барэ кёкай). Эпохальным можно считать открытие в 1960 г. в Токио Балетной школы им. П.И.Чайковского. Преподавали в ней Алексей Варламов, Суламифь Мессерер, специалист по характерным танцам Ольга Тарасова, балетмейстер Игорь Смирнов, в творчестве которого критики выделяют стремление сочетать классический танец с национальным, и другие известные педагоги из России. На базе школы сформировалась труппа «Токио барэдан». Члены труппы, как губка, впитывали опыт русской балетной школы. Это было возможно и потому, что на многие спектакли труппы в качестве солистов на ведущие партии приглашались звезды советского балета. В Токио работали Галина Уланова, Майя Плисецкая и многие другие ведущие артисты российских коллективов.

Японский балет долго переживал нехватку собственных классных исполнителей, но массовость увлечения классическим танцем должна была принести плоды. Постепенно набирали силы собственные талантливые балерины, танцовщики, балетмейстеры. Количество переходило в качество, которое имело собственную национальную окраску. Если в обзорах балетных сезонов 60-х годов не редки были утверждения, что у японских артистов балета нет собственного почерка в танце, то сейчас в статьях театральных критиков чаще всего внимание обращается именно на индивидуальность исполнения, на национальные черты в танце.

Степень проявления национального стиля танца в классическом балете, для которого весьма характерна интернациональность, во многом зависит от артистов. В истории балета много примеров, когда звезды национальных балетов идут своим путем в классических постановках. Это сразу же ускоряет развитие собственной школы танца. Японская балетная ассоциация, объединяющая танцовщиков страны, делает все возможное для поиска и продвижения национальных талантов, все чаще обращается к тому, чтобы приглашать собственных артистов при подборе состава для той или иной постановки. Это достаточно решительный отход от прошлой практики ассоциации, когда на главные роли обычно приглашались известные, именитые артисты из Европы и Америки. Он стал возможен в связи с появлением собственных звезд балета. Не редки случаи, когда зарубежные солисты приглашаются исполнять те или иные партии поочередно с японскими артистами. Нет необходимости объяснять, что дает такая «конкуренция». В наши дни японские артисты участвуют в постановках ведущих балетных коллективов мира.

Первой японской балериной, получившей международное признание, стала Йоко Морисита. Неожиданно для многих в 1974 г. на престижном международном конкурсе балета в Варне она получила золотую медаль, а ее партнер, в будущем муж, Тэцутаро Симидзу — бронзовую. Но случайного в этом успехе было мало. Еще в 1969 г. И.Морисита получила свою первую премию от Японской ассоциации балетных критиков. После успеха в Варне пришло международное признание, а с ним и многочисленные зарубежные турне, новые призы и новые приглашения. Она гастролировала в США и Франции, Англии и Швейцарии, в Италии, в Китае, в Австралии. Эти гастролы позволили ей обогатиться опытом международного класса. Сама И.Морисита вспоминает выступления с Рудольфом Нуриевым в Лондоне осенью 1977 г., исполнение им заглавной партии в «Дон Кихоте». И.Морисита и сейчас часто танцует со своим мужем Т.Симидзу. Хотя он в последнее время больше внимания уделяет работе хореографа.

Мировую известность завоевали и другие японские пары, например, Мияко Иосида и Тэцуя Кумакава. Балерина Бирмингемского королевского

балета М. Иосида отличается приверженностью к строгому классическому стилю, к сдержанной манере исполнения. Все это она впитала в годы учебы в школе Королевского балета Великобритании. По-разному расценивают критики стремление М.Иосида подражать, даже в деталях, Марго Фонтейн, одной из известнейших балерин Великобритании. Кто-то критикует М.Иосида за это, призывает искать свой почерк в танце, но большинство считает, что балерина стремится сохранить неувядаемые шедевры классического балета. Можно отметить, что сама М.Фонтейн была воспитана на традициях русской школы классического танца. Она училась у таких известных педагогов, как Г.Гончаров, С.Астафьева. Последняя в 1914 г. организовала в Лондоне школу классического танца, подготовившую многих звезд балета. Теперь труд русских педагогов проявляется в манере и стиле танца нового поколения балерин, среди которых и звезды японского балета.

Партнер М.Иосида более свободно раскрывает свою индивидуальность, но во многом, как считают специалисты, танцует в стиле Барышникова. Т.Кумакава также закончил школу Королевского балета Великобритании и в настоящее время — ведущий актер основной труппы Королевского балета. Критики отмечают его виртуозную технику, только ею он может увлечь и удерживать зрителя. Его танец резкий, динамичный, всегда на грани, подчас самонадеянный. Единственный недостаток артиста — небольшой рост, что мешает ему раскрыться в полной мере.

Специалисты отмечают другую, более молодую японскую пару Марики Мияути, солистку труппы «Колорадо балет» (Денвер, США), и Дай Сасаки. До недавнего времени М.Мияути больше была известна по концертным выступлениям, где отмечались ее технические возможности. Ее партнер Сасаки, более крупного телосложения, чем Т.Кумакава, внушает больше доверия в паре. Для него больше, чем для других японских танцоров, характерен русский стиль танца. Он — победитель ряда конкурсов балета в бывшем СССР.

Профессиональная карьера все большего числа японских артистов балета складывается во время выступлений за границей, в зарубежных труппах, но основы закладываются в Японии, где в настоящее время действует до десятка балетных коллективов. Есть среди них крупные, с многолетними традициями труппы, которые осуществляют масштабные постановки собственными силами. Небольшие коллективы ставят спектакли, объединяясь друг с другом, чему помогает Японская балетная ассоциация.

В 1996 г. свое 40-летие отметила одна из ведущих трупп «Асами Маки барэдан». Постоянными спектаклями в ее репертуаре стали «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Раймонда» и многие классические балеты. Известность любой труппе приносят исполнители. Из артистов этой труп-

пы специалисты выделяют Хана Сакаи. Ее дебют в роли Одетты-Одилии рассматривается как самое заметное событие в японском балете за последние 10 лет. Специалистами отмечен и Наоя Кодзима в роли принца Зигфрида. Он показал себя блестящим партнером Х.Сакаи с ее потрясающими пируэтами и вращениями. Сейчас Х.Сакаи рассматривается как лучшая японская Одетта и, возможно, Одилия со сказочным обаянием танца, математически точным расчетом в синхронном движении с кордебалетом. Х.Сакаи и Н.Кодзима, по оценке специалистов, потенциально могут стать лучшей японской парой. Х.Сакаи сейчас выступает в Шотландии, но японские балетоманы надеются, что она вернется в Японию и останется в труппе «Асами Маки».

С успехом проходят спектакли и труппы «Мацуяма барэдан», основанной в 1948 г. известной японской артисткой и балетмейстером Микико Мацуяма. После сложного периода становления коллектив вышел на постановку полномасштабных спектаклей, таких, как «Бахчисарайский фонтан», «Отелло». Большое внимание привлекают работы труппы «Комаки барэдан». Она создана в 1947 г. Масахидэ Комаки, который в довоенные годы был известен как артист, педагог и балетмейстер в Харбине и Шанхае, а после войны возвратился в Японию. За рубежом получили известность японские труппы «Токио барэдан» им. П.И.Чайковского, «Токио сити балет», «Стар дансер балет» и некоторые другие.

Достаточно продуктивно идет становление национальной японской хореографии. В обзорных статьях театральные критики большое внимание уделяют творчеству Танэо Исида. Бывший ведущий танцор труппы «Мацуяма барэдан», основатель и руководитель «Токио сити балет» — он завоевал признание и за рубежом, когда в 1992 г. успешно дебютировал в США. В его хореографии балетной классики чувствуется «мужской подход». Это — его кредо. В Токио он ставит «Лебединое озеро» и в одном из интервью заявляет, что видит Зигфрида «центральной персонажем в спектакле». Т.Исида в 20 лет дебютировал в роли Зигфрида в труппе «Мацуяма барэдан». В октябре 1992 г. он поставил в Денвере (США) «Эсмиральду». Т.Исида предполагает возвратиться в Денвер, где будет ставить новый спектакль с труппой «Колорадо балет».

Следует более подробно остановиться на «мужском подходе» к постановке балета. В Японии он характерен не только для Т.Исида, присущ он и ряду других японских хореографов. Этим, возможно, объясняется и большая популярность в Японии работ Мориса Бежара, в творчестве которого (в синтетических спектаклях-пантомимах) большое внимание уделяется развитию именно мужского танца. Бежара часто называют «революционером в балете». В 1992 г. он преобразовал свою труппу, сделав акцент на динамичной красоте мужского танца.

Идеи Бежара оказали большое влияние на японских балетмейстеров как во время турне по Японии руководимых им трупп (а таких турне с 1967 г. набралось около десятка), так и во время его работы с японскими коллективами. Бежар не только выступает за увеличение роли мужчин в балете, он не согласен также со снобистскими взглядами, в соответствии с которыми балет должен быть нацелен только на элитную публику, на постановки в залах оперных театров. Он создает гигантские спектакли, привлекающие массы зрителей, особенно молодежь, которая чаще предпочитает рок-концерты. Можно отметить, что в руководимой М.Бежаром труппе есть и японец — Дзюити Кобаяси, а спектакль Бежара «Весна священная» с неизменным успехом идет в Японии в исполнении труппы «Токио барэдан».

Хореограф «Токио барэдан» Наки Такагиси является строгим последователем Бежара и поэтому хореография последнего весьма часто используется в постановках этой труппы. Балет — интернациональное искусство, но его обогащение происходит за счет национальных вкраплений. Так, М.Бежар обратился к японской национальной тематике: он поставил в 1986 г. в «Токио барэдан» спектакль «Кабуки» — версию сказания о 47 верных самураях. Спектакль был хорошо принят в странах Европы.

С начала 90-х годов национальная тематика занимает все большее место в репертуарах японских балетных коллективов. Осенью 1992 г. коллективом «Асами Маки барэдан» поставлен спектакль «Хокуто», посвященный событиям при императорском дворе в VII в., борьбе за власть, трагической любви. По мнению руководителей труппы, последняя должна иметь в своем репертуаре что-то чисто японское, хотя, по словам А.Маки, и «Спящая красавица», и «Лебединое озеро» в исполнении труппы во многом японские по духу, несмотря на то что постановки этих спектаклей основаны на хореографии Мариуса Петипа.

Безусловно, в «Хокуто» больше возможностей для проявления «японского духа». Ведущие артисты заняты в спектакле на главных ролях, есть место и для сольных выходов любимцев публики, например, Наоя Кодзима с его пируэтами и прыжками «для возбуждения публики». Молодым восходящим звездам — Киодзо Митани, Хироаки Имамура, Юко Кавагути — отданы вторые, но далеко не второстепенные роли. Музыка к балету, написанная Татино Косуги, впервые была исполнена еще в 60-х годах.

Постановка японских балетов на средневековые сюжеты связана с определенными трудностями. Например, балерина, надев полный набор кимоно, который носили японские аристократки в средневековье, не сможет выполнить даже простейший пируэт. Поэтому кимоно для статистов и исполнителей характерных танцев были сконструированы самой А.Маки. Для тех, кто танцевал основные партии шились легкие костюмы, повторяющие

расцветку кимоно. Кроме того, А.Маки считает, что проблема японского колорита заключается в том, что музыка и тексты либретто балетов на японские темы перегружены эмоциями. По мнению А.Маки, балет должен быть более простодушен, легкосердечен.

Новым крупным обращением к национальной тематике труппы «Токио барэдан» стала подготовленная в 1993 г. большая концертная программа на основе произведений известного японского писателя Юкио Мисима на музыку Тосиро Миядзуми. В труппе «Мацуяма барэдан» лучшей работой на национальную тему считается спектакль «Мандала» — любовная история христианки в эпоху Эдо, когда христианство в Японии было под запретом.

Японские балерины и танцовщики, каких бы высот они ни достигали в зарубежных коллективах, считают за честь участвовать в проводимых ежегодно в Японии балетных фестивалях Аояма.

В фестивалях Аояма участвуют балетные коллективы со всего мира: «Нью-Йорк сити балет», Королевский балет Великобритании, «Колорадо балет» (Денвер, США), Бирмингемский королевский балет и многие, многие другие.

Заметными событиями в мире балета становятся проводимые каждые три года в июле-августе всемирные фестивали балета, на которые съезжается элита балетного мира. Последний такой фестиваль состоялся летом 1997 г. в трех городах Японии — Токио, Осака и Нагоя.

Ежегодно в Японии проводятся Токийские фестивали искусств. Впервые подобный фестиваль прошел в 1969 г. Постепенно программы их расширялись и сейчас они продолжаются три первых месяца года, охватывая различные виды сценического искусства, но постепенно ведущую роль на них стали играть выступления балетных коллективов. Балетные спектакли в рамках этих фестивалей — манна небесная для японских балетоманов. Следует отметить, что участие иностранцев в балетных спектаклях в Японии резко повышает цены на билеты, которые для многих любителей становятся не по карману. Токийские фестивали искусств дают возможность любителям балета посетить многие спектакли, поскольку цены на билеты здесь ниже благодаря дотациям спонсоров.

Программы выступлений коллективов балета на фестивалях обычно составляются Японской и Токийской балетными ассоциациями. Фестивали весьма демократичны и открыты. Что касается балета, то на них приглашаются коллективы со всей страны, до 150—200 танцоров. От столицы, как правило, выступают четыре труппы: «Асами Маки барэдан», «Стар тансер балет», «Токио барэдан» и «Токио сити балет». В спектаклях участвуют как ведущие солисты, звезды японского балета, так и малоизвестные танцоры из провинции.

Всемирные фестивали балета, Токийские фестивали искусств, балетные фестивали Аояма — это «балетные праздники», но и «балетные будни» весьма насыщены, поскольку повседневные репертуары танцевальных коллективов обширны и разнообразны. Можно отметить примечательные качественные изменения. Если раньше главные партии в японских спектаклях исполняли звезды балета из-за рубежа, то сейчас уже японские артисты танцуют главные партии в спектаклях гастролирующих в Японии зарубежных коллективов. Иоко Морисита, например, танцевала в ряде спектаклей Австралийского национального балета во время его выступлений в Японии.

Одной из положительных тенденций является стремление японских балетмейстеров сочетать опыт ветеранов и задор молодых. Сторонник такого подхода — Киодзо Митани, хореограф и ведущий солист «Асами Маки барэдан». Он разработал и начал осуществлять проект «Танец 21», который, как считается, должен дать новый толчок развитию японского балета. Отмечая, что в балетных постановках японских коллективов доминируют опытные танцоры в возрасте, К.Митани призывает давать дорогу молодым талантам. Это не только не ущемит интересы ветеранов, но, по его мнению, вдохнет новую жизнь в их драматическое мастерство, обогатит постановки, поскольку позволит сочетать зрелищность и драматизм. К.Митани стремится утвердить ведущую роль «мужского танца». В одном из интервью он заявил, что «хотел бы полностью изменить представление о мужском танце, раскрыть прелесть и красоту танцоров-мужчин.

Художественный руководитель проекта — Азарий Плисецкий — педагог и балетмейстер созданной М.Бежаром труппы «Балет XX века». Азарий Плисецкий, бывший солист балетной труппы Большого театра, хорошо известен и пользуется популярностью среди балетоманов и специалистов балета Японии. Критика хорошо приняла его постановку спектакля «Дон Кихот» в «Асами Маки барэдан». Впервые этот спектакль был поставлен труппой в 1989 г. Новая версия качественно на много выше. В свое время в «Дон Кихоте» блистал Барышников, но и Наоя Кодзима, как отмечают критики, с его феноменальными прыжками — идеальный Базиль.

Анализируя спектакли труппы «Мацуяма барэдан», специалисты отмечают стремление восстановить первоначальные авторские варианты. Например, в новой постановке «Лебединого озера» (хореография Тэцутаро Симидзу) сделана попытка возврата к оригиналу П.Чайковского и М.Пети-ста столетней давности, но это скорее возврат к духу авторов этого балета. Т.Симидзу выделяется среди японских балетмейстеров тем, что, в то время как большинство других отдает приоритет новым современным танцам, он обращается к традициям, человеческим чувствам. По словам са-

мого Т.Симидзу, он стремится «делать что-то новое в старом», не утратить прошлых ценностей. Это в духе японского менталитета.

Осенью 1993 г. труппа «Мацуяма барэдан» отметила свое 45-летие. К этой дате коллектив обновил и представил зрителю лучшие свои произведения. «Мацуяма барэдан» единственная среди японских трупп обращается к хореографии Джорджа Баланчина (Георгий Баланчивадзе). Несколько лет назад большинство главных партий в спектаклях коллектива исполняли И.Морисита и Т.Симидзу. Сейчас многие партии Т.Морисита танцует Хироко Курато, которая пока во многом копирует маститую прима-балерину. Сама же Т.Морисита намерена танцевать до 60 лет.

Предновогодние балетные спектакли в Японии — триумф балетов П.И.Чайковского. Практически все японские балетные труппы на Рождество и Новый Год традиционно обращаются к «Щелкунчику». По несколько спектаклей дают «Мацуяма барэдан», «Асами Маки барэдан», «Иноуэ барэдан». Свою постановку «Мацуяма барэдан» основывает на версии Р.Нуриева, главные партии танцуют И.Морисита и Т.Симидзу. В «Асами Маки барэдан» блистает молодая Хана Сакаи в паре с Наоя Кодзима, который характеризуется как самый виртуозный японский танцор в роли принца. В Кобэ труппа «Садамацу-Хамада барэдан» ставит версию «Щелкунчика» в хореографии Пети́па-Иванова. «Токио барэдан» для постановки «Щелкунчика» приглашает балетмейстеров из-за рубежа.

И японские, и зарубежные специалисты балета отмечают, что техника и артистизм японских танцоров достигли высот международного уровня. Это несмотря на то, что антропологические особенности остаются для японцев большой проблемой. Не секрет, что в мире танца не менее важную роль чем техника и артистизм играет телосложение. С точки зрения балета телосложение японцев за последние три-четыре десятилетия заметно изменилось, ноги и руки стали длиннее, тело стройнее. Например, 18-летние девушки в 1991 г. были на 6,5 см выше, чем их сверстницы в 1937 г., при этом высота в положении сидя сократилась на 0,1 см. Иными словами, ноги японок стали длиннее на 6,6 см. Тем не менее, как отмечает Макио Хомура, ректор весьма престижной балетной школы в Осака, антропологические сложности еще остаются.

М.Хомура был в приемной комиссии Академии балета Вагановой. По его словам, нормой для российских абитуриенток была длина ног не менее 50% общего роста. У российских балерин средний показатель был в пределах 53—55%, у некоторых даже 60%. У абитуриенток-японок он в среднем составлял 47%.

Тем не менее массовость увлечения балетом в Японии создает условия для отбора перспективной молодежи. В молодежной группе «Асами Маки юниор барэдан», как указывается в некоторых публикациях, показатель

соотношения длины ног и тела фактически сравнялся с «вагановскими требованиями» и длина ног в среднем равна 53%. Сам факт, что в связанной с балетом японской прессе проблеме телосложения уделяется большое внимание, говорит о многом. Здесь же хотелось обратить внимание на то, что улучшение телосложения японских артистов балета произошло не только в результате общих для нации антропологических изменений, но и в связи с тем, что многие мечтающие о балете молодые японки и японцы с детских лет регулярно выполняют весьма трудные и сложные упражнения для формирования мышц, выпрямляющих ноги. Памятуя об этом и восхищаясь мастерством японских артистов балета, нельзя забывать и о том, что в их прекрасные прыжки и вращения вложены и душа, и упорный и многолетний труд.

Связь времен (традиции квартала Гион)

М.П.Герасимова

При упоминании о Киото у японцев возникает цепь ассоциаций, ведущая начало от далекой эпохи Хэйан¹, когда расцветала культура, пронизанная обостренным чувством прекрасного. Звеньями в этой цепи были зародившиеся впоследствии в разное время чайное действо, искусство разбивать сады и составлять букеты, театры Но и Кабуки и многое другое.

В Киото более чем где-либо сосредоточено все, в чем воплотились духовная сущность японской культуры и национальное своеобразие японцев. Киото — это город, где особенно ощущается связь времен. Взять хотя бы Гион.

Слово «Гион» пробуждает в душе японца, и не только жителя Киото, ностальгические чувства и образ старой столицы, вызывая в воображении чайные дома, песни и танцы в исполнении романтически-загадочных гэйко (так в Киото называют гейш), молоденьких танцовщиц майко и грандиозный праздник Гион-мацури.

Квартал Гион возник в эпоху Камакура² как поселение возле святилища Ясака-дзиндзя, которое в ту пору называлось Гион-кансиньин, или Гион-ся. «Гион-сан» — так почтительно и ласково называли святилище в народе. Уже в начале эпохи Хэйан жители столицы приходили к Гион-сан с просьбами отвести эпидемии, ежегодно справляли праздники в честь бо-

¹ Эпоха Хэйан (794–1185) началась с переноса столицы в заново построенный город Хэйанкё (букв. Столица мира и спокойствия) — прежнее название Киото. Киото оставался столицей Японии до 1867 г.

² Эпоха Камакура (1185–1333). Названа по месту, где находилась ставка военного правительства.

жества. В святилище поклонялись неистовому Сусано-о-но микото, брату богини Солнца Аматаэрасу — верховного божества синтоистского пантеона. Слово «Гион» — буддийского происхождения, что и послужило причиной переименования святилища в период антибуддийского движения (1868 г.) на синтоистский манер в Ясака-дзиндзя. «Гион» является сокращением от «Гидзюгиккодуюон» (санскр. *Getavanavihara*) — так называли буддийскую обитель в священной роще в стране Магатха (Индия), где, по преданию, проповедовал сам Шакья-муни. Предание также гласит, что эту обитель охраняло божество Годзу-тэнно³.

В Японии же Годзу-тэнно отождествляется с Сусу-но-о-но микото — богом Ветра и Грома. Считается также, что в образе Годзу-тэнно является при сошествии на землю Якуси-нёрай — Будда Исцеляющий.

Гион-мура (букв. поселок Гион) — так называлось поселение возле святилища, которое сгорело во время пожара, и только во второй половине XVII в., в период, когда в Киото росло и крепло сословие горожан — купцов и ремесленников, на этом месте возник городской квартал.

Сперва это были отдельные лавки, открытые предприимчивыми торговцами, оценившими преимущества района возле святилища, которое в ту пору все еще именовалось «Гион-ся». Сюда по-прежнему приходили летом с мольбой об исцелении и отведении от города эпидемий, здесь останавливались весной, чтобы полюбоваться цветущей в окрестностях сакурой, а осенью алыми кленами, делали привал паломники, направляющиеся в Киёмидзу⁴. Перед лавками поставили покрытые красной тканью скамейки. Над входами в лавки повесили норэн — полотняные шторы с изображениями чайных котелков. Так появились первые чайные дома — тяя.

Вначале это были мидзу тяя — буквально дом (лавка), где подают чай, заваренный на воде. С течением времени там стали подавать также рисовую водку сакэ, к сладостям добавили гион-тофу (соевый творог по-гионски) и другие закуски. Спустя еще некоторое время появились ночные чайные дома, которые стали называть «хотару» («светлячками»). Обслуживающие гостей девушки в красных передниках развлекали их игрой на ся-мисэне и танцами.

По соседству с Гион, в районе Четвертого проспекта и улицы Каварамати, было немало зрелищ — давали представления театр Кабуки и несколько театров марионеток, исполнялись танцы, которые так и назывались «танцы Гиона» («Гион мати одори»).

³ Годзу-тэнно — не путать с Годзу (букв. бычья голова), который наряду с Мэдзу (букв. лошадиная голова) считается властителем буддийского ада (преисподней), изображается в виде человека с бычьей (Мэдзу с лошадиной) головой.

⁴ Киёмидзу — монастырь, принадлежащий буддийской секте Хосо. Во все времена он пользовался особой популярностью среди всех слоев населения. Окрестности монастыря славятся живописными пейзажами.

Это соседство также способствовало возникновению все новых и новых чайных домов и совершенствованию не только исполнительского мастерства девушек, подающих здесь чай, но и расширению их «репертуара»: они стали овладевать искусством заваривания чая и подношения его гостю, как это полагалось во время чайного действа. Эти девушки в красных передниках и были прообразами нынешних гэйко.

Гэйко — то же самое, что и гейша (букв. та, что занимается искусством). В XVII в., в середине эпохи Тогукава⁵, в г. Эдо богатые горожане стали приглашать на пиршество музыкантш и танцовщиц, которых называли «гейшами». Этот обычай распространился и в других местах Японии, в том числе в Киото, где гейш называли «гэйко» (букв. «развлекающая искусством», или по созвучию «дитя искусства»), а их учениц — «майко» («развлекающая танцами», или «дитя танца»).

Стать майко совсем непросто. Одних способностей и желания здесь недостаточно. Нужны воля и выдержка. Прежде чем девочку примут в число учениц, она довольно много времени проводит среди танцовщиц, помогая им в самых разных делах. Выполнение всевозможных поручений, вплоть до мытья посуды и полов, дают ей возможность приглядеться к образу жизни, к которому она решила приобщиться. Если решение принято окончательно и поддержано учителями, накануне посвящения в майко девочка проводит день в одиночестве и размышлениях. Этот обычай гэйко называют «дзидзэн».

Чтобы подняться на следующую ступень и стать гэйко, помимо искусства танца, майко надо многому научиться — составлять букеты, совершать чайное действо, играть на нескольких музыкальных инструментах, наносить грим и одеваться в тяжелые традиционные одежды (на снятие грима и переодевание после работы уходит более двух часов), носить сложные прически со множеством шпилек и украшений, подбираемых по сезону и по случаю, освоить мимику и условные жесты, при помощи которых майко переговариваются между собой (прямой разговор исключается, так как все внимание должно быть уделено гостю) во время дзасики (банкет или ужин в ресторане, в котором они участвуют).

Далеко не все выдерживают напряженные длительные занятия. Многие отказываются от намерения овладеть весьма сложным мастерством гейши. Те же, кто выдержал все трудности процесса обучения, дают клятву, в которой обещают: 1) быть всегда красивой, приветливой, внимательной; 2) считать за честь приобщенность к традициям Гиона и всячески стараться продолжать их; 3) хранить добропорядочность и душевную чистоту.

⁵ Эпоха Токугава, или эпоха Эдо (1600–1867). Военное правительство, возглавляемое сёгунами из дома Токугава, переехало в Эдо (прежнее название Токио).

тоту; 4) учитывая вклад, вносимый Киото в сокровищницу мировой культуры, всесторонне расширять кругозор и овладевать новыми знаниями; 5) соблюдать добрые обычаи, чтобы снискать любовь окружающих.

Самая известная в Японии школа, где овладевают профессией гэйко (так же как и самые известные чайные дома — тяя), находится в районе Гион неподалеку от святилища Ясака и называется «Ясака нёкоба гакуэн».

Гион знал периоды расцвета и упадка. В годы Бунсэй (1818–1830) здесь было около 700 чайных домов, в которых работали свыше 3 тыс. гэйко и майко. Однако «золотым веком» Гион считаются 10-е — начало 20-х годов XX в. Хотя число чайных домов и танцовщиц в этот период сократилось почти в 3 раза, это было время, когда, как говорят японцы, «полные достоинства гэйко состязались друг с другом в мастерстве». Сегодня в квартале Гион 95 чайных домов, причем многие из них являются акционерными обществами или компаниями с ограниченной ответственностью.

В квартале Гион нет ничего, что наводило бы на мысль о развлечении в европейском понимании. Здесь царит особая атмосфера, заставляющая прохожих замедлять шаги. Кажется, что и время в этом месте течет медленнее или даже остановилось. Невысокие двухэтажные дома из потемневшего дерева, забранные бэнгарагоси (деревянными решетками), тянутся вдоль главной улицы квартала Ханами-кодзи (букв. улочка любования цветами). На первый взгляд, все они кажутся одинаковыми и различаются норэн (небольшими шторками), висящими над входом, или круглыми фонарями, установленными перед входом. И на тех и на других изображены иероглифы, обозначающие название чайного дома. В комнатах, где устраиваются банкеты, — только низенькие столики да подушечки для сидения на устланных циновками полах. Комнаты отгорожены от длинного узкого коридора сёдзи (раздвижными перегородками)⁶.

Коридор обычно покрыт темными деревянными половицами, потолок тоже сооружен из досок темного дерева. Стены выдержаны в тонах, гармонирующих с цветом пола и потолка. Единственный светильник установлен лишь в конце коридора, и полированное или покрытое потускневшим от времени и местами стершимся лаком дерево мягко отражает свет. Сёдзи, оклеенные белой матовой бумагой, слабо пропускают свет, и тому, кто находится в коридоре, как в театре теней, видны лишь силуэты людей в комнатах. Все это создает особую атмосферу торжественности, какого-то иного, таинственного мира.

Безупречная чистота, строгость, а порой и подчеркнутая простота внутреннего убранства, своеобразный ритуал приема и проводов гостей, изысканное угощение (по вкусовым качествам, сервировке и по оформле-

⁶ В японском доме раздвижные стенки-перегородки оклеены специальной белой листовой бумагой.

нию, доведенное до высоты подлинного искусства), также говорят о том, что Гион не просто увеселительный квартал.

«Постановка» дружеских ужинов за чашечкой саке бывает самой разной, но особенно сильное впечатление производит появление танцовщиц: они возникают внезапно и шумно опускаются на колени в проеме между раздвижными перегородками сёдзи. Шум, производимый танцовщицами, обрушивается как удар, как сигнал к тому, что в комнату вошло Нечто, и тотчас смолкают голоса успевших развеселиться гостей. В наступившей тишине пронзительно звучит сямисэн, под аккомпанемент которого исполняется танец. Одетые в яркие шелка, причесанные и загримированные, как того требует обычай, танцовщицы кажутся вневременным явлением. Не будучи специалистом, невозможно судить о сложном, полном символики японском танце, но с уверенностью можно сказать, что это — зрелище весьма специфическое. Японские танцы не захватывают дух, не вызывают чувства волнения, но погружают в атмосферу прекрасного. Рисунок танца поражает странной изысканностью, которая почти физически ощутима, и становится понятно, почему Гион называют «суй-на-асоби-но сэкай» («миром изысканных развлечений»).

Иероглиф «суй» означает «подлинный», «настоящий», «чистый», «без примесей», словом, «суть», «сущность», также «хороший вкус», «утонченность», «стиль», «элегантность».

В эпоху Эдо в среде горожан и представителей новой городской культуры «суй» стало употребляться как определение прекрасного.

Каким бы словом ни называли красоту — «моно-но аварэ» («очарование вещей»), «югэн» («скрытая красота»), «ваби-саби» («простота — просветление») или «суй» («изысканная стильность»), в Японии ее всегда понимали как суть, как сущность предмета, явления, действия или события.

В эпоху Хэйан с ее культом тонких переживаний и обостренным чувством прекрасного суть каждой вещи воспринималась как ее неповторимое очарование, как имманентная ей красота, как моно-но аварэ.

В эпоху Камакура японцы, проникшись идеями дзэн-буддизма, стремились интуитивно постичь и передать в образах скрытую, таинственную, непознаваемую суть — югэн.

В эпоху Муромати (1338–1573) дальнейшее переосмысление понятия красоты и сути в духе дзэн-буддизма породило убеждение в том, что самое простое и обыденное может привести к просветлению, а красоту можно найти в несовершенных и, на первый взгляд, незаметных вещах, т.е. японцы усматривали красоту и глубокий смысл в том, что неброско и непритязательно, и называли это «саби».

В эпоху Эдо предметом художественного поиска стала, если можно так сказать, «изысканная стильность». «Понимание красоты, характерное для

каждой эпохи, передавалось в следующую эпоху и начинало существовать с ее новыми идеалами»⁷.

С начала эпохи Мэйдзи (1867–1912) и до наших дней поэты ищут мононо аварэ, актеры Но — югэн, любители чайного действия — саби, а гейши — суй⁸. Однако, если превосходных поэтов и мастеров чайного действия сегодня можно встретить в любом уголке Японии, то гейш высокого класса — прежде всего в киотоском квартале Гион.

Гэйко и майко придают особое очарование Киото. В традиционных одеяниях, с густо набеленными личиками, они, словно видение нездешнего мира, появляются на шумных улицах в городской толчее, в старых кварталах на фоне потемневших от времени деревянных домов, среди цветущих вишен или в сверхсовременных зданиях. Действительно, будучи неотъемлемой частью Киото, они помогают поддерживать специфически киотоскую жизнь, внося в нее свое измерение времени, поскольку их жизнь протекает по собственному календарю, с которым жители Киото сверяют время.

7 января — сигёсики — церемония открытия сезона в новом году. Гэйко и майко, ученицы из школы Ясака нёкоба гакуэн, учительницы, все, кто работает в чайных домах, собираются в здании Гион-кобу кабурэндзё — Школы песни и танца в районе Гион-кобу. Наиболее успешно поработавшие в предыдущем году получают награды. Провозглашается клятва гэйко и майко. Главная учительница исполняет танец и все выпивают по рюмочке саке.

13 января — хацуёри (букв. первый выход) — гэйко и майко поздравляют друг друга с наступлением Нового года и кланутся хранить традиции Гиона.

3 февраля — сэцубун⁹ — в святилище Ясака устраиваются танцы в честь божества и молятся о благополучии. Кроме того, с наступлением вечера начинается карнавал — майко и гэйко переодеваются и гримируются под пользующихся в прошедшем году особой популярностью киноактеров, писателей, общественных деятелей, пожилые гэйко рядятся молоденькими майко и в таком виде ходят по улицам Гиона и посещают банкеты. И так каждый год с времен эпохи Эдо.

20 марта — ооисики (букв. траур по Ооиси) — это день смерти храброго воина Кураноскэ Ооиси, совершившего харакири в 1707 г.

Кураноскэ Ооиси — герой событий, связанных с жизнью и смертью 47 самураев, целью которых была месть врагу господина. Эти события легли

⁷ *Като Сюити*. Нихон бунгакуси дзёсэцу (Введение в историю японской литературы). Токио, 1975, с. 9.

⁸ Там же.

⁹ Сэцубун (букв. ломка времен года) считается праздником встречи весны и широко справляется во всех святилищах и храмах 2–4 февраля.

в основу одной из самых популярных пьес театра Кабуки «Тюсингура» (букв. «Хранилище верности»), седьмое действие которой происходит в одном из чайных домов Гиона.

Вспоминая события давних лет и поминая славного воина в этот день, гэйко и майко принимают гостей и угощают их чаем и гречневой лапшой.

С 1 по 30 апреля, когда в Киото цветет сакура, проходят представления «Мияко-одори» (букв. «столичные танцы»). К слову сказать, по-английски название этого фестиваля танцев в «столичном стиле» звучит как «Cherry blossom dance» («Танцы в пору цветения сакуры»).

Первая декада июля — миябикай, когда в разных уголках центральной части города оркестры духовых инструментов возвещают о наступлении праздника Гион (одного из трех грандиозных праздников Киото) и все гэйко и майко, одетые в простые полотняные кимоно, ходят на моление в святилище Ясака с просьбой к божеству даровать им здоровье и способствовать дальнейшему совершенствованию их мастерства, чтобы они могли вносить больше изысканности и утонченности в свое дело.

Весь июль длится праздник Гион, отмечаемый с начала эпохи Хэйан, когда впервые было устроено шествие в честь божества святилища Гион с мольбами исцелить от болезней и отвести эпидемии. Во время праздника Гион гэйко и майко принимают участие в шествии и исполняют танцы во славу божества в святилище Ясака.

1 августа — хацусаку — день благодарения, когда, уложив волосы в особую прическу, гэйко и майко наносят визит своим учительницам танцев, чайного действа, икэбана.

С 1 по 6 октября — онсюкай — представления, во время которых в отличие от красочного театрализованного действа «Мияко одори» исполняются танцы, поражающие изяществом движений и изысканностью общего оформления представления.

22 октября - Дзидай мацури — один из трех самых больших праздников Киото, во время которого гэйко и майко, переодевшись в костюмы разных эпох, принимают участие в шествии.

8 ноября — день возложения хризантем к огромному камню на р. Си-рокава, протекающей в северной части Гиона. На камне высечены стихи Исаму Ёси¹⁰ о Гион. В этот день гости Гиона так же, как в день памяти Кураноскэ Ооиси, могут рассчитывать лишь на то, что их угостят только чаем и гречневой лапшой.

¹⁰ Исаму Ёси (1886–1960) — поэт и драматург. Особой популярностью пользуются сборники его стихов «Гион касю» («Песни о Гионе») и «Гион дзоси» («Пары танцовщиц Гиона»).

Первая декада декабря — сокэн (букв. видеть всех) — время, когда в театре Кабуки начинается каомисэ¹¹. Гэйко и майко занимают в театре ложи первого яруса, и зрители могут любоваться ими. По окончании спектакля они заходят в гримерные к любимым актерам, которые по их просьбе пишут свои имена на миниатюрных манэки. Последние закрепляются в прическе вместе с другими «сезонными» украшениями.

30 декабря — котохадзимэ (букв. начало дел). Этот день в Гионе считается началом начал. Учителя, гэйко, майко, девушки, только что принятые на обучение, приносят в чайные дома традиционные новогодние рисовые лепешки, благодарят друг друга за внимание и заботу в этом году и поздравляют с наступающим годом. Получив от главной учительницы танцевальный веер и услышав традиционное для Гиона напутствие «окибари ясса» («крепись, держись»), они расходятся по домам.

31 декабря — окотосан, окэраби. В этот день гэйко и майко еще раз приходят в чайные дома, где, обратившись к присутствующим со словами «окотосан», что на местном жаргоне означает «простите, что отрываю вас от дел», выражают благодарность всем, кто работает в чайном доме. Получив в подарок фукудама (шары на счастье, в которых спрятан какой-либо сюрприз), девушки направляются за окэраби (священным огнем) в святилище Ясака¹².

Кульминационной точкой в жизни Гиона является длящийся в течение месяца — с 1 по 30 апреля — фестиваль «Мияко одори». Впервые представления под этим названием были даны в апреле 1872 г. В это время в Киото проводилась первая в Японии грандиозная промышленная выставка, на которой были представлены изделия различных промыслов, производимые в Киото. Для посетителей выставки и было устроено представление «Мияко одори», поставленное танцовщицей из Киото Ятиё Иноуэ.

В настоящее время киотоские танцы в стиле Иноуэ¹³ считаются обязательным предметом во всех школах танцев Киото, а фестиваль «Мияко

¹¹ Каомисэ (букв. показать лицо) — обычай, согласно которому ежегодно с 1 по 26 декабря над входом в театр вывешиваются манэки — длинные узкие таблички с именами актеров, занятых в спектакле. Обычай этот восходит ко времени, когда было заведено правило, по которому актеры Кабуки с октября по ноябрь исполняли одни и те же роли. В ноябре состав труппы менялся и в течение этого времени актеры перед спектаклями сами представлялись зрителям.

¹² Обычай зажигать один конец скрученной в клубок веревки от священного костра из травы окэра (отрактилис) в храме широко распространен среди всех жителей Киото, а не только среди гэйко и майко. Длина веревки должна быть такой, чтобы она не успела догореть до прихода домой, где от нее зажгут фонарь. Обладающая характерным запахом окэра используется в традиционной медицине. Считается также, что ее запах изгоняет хворь.

¹³ В киотоских танцах, отличающихся особой плавностью движений, существуют два стиля — Иноуэ и Синоука, названные по именам их создателей. В последнем присутствуют элементы, заимствованные из танцев других провинций Японии, в стиле Иноуэ много общего с танцем Кабуки.

одори» является самым грандиозным из пяти фестивалей, которые устраиваются в Киото разными школами японского танца.

Представления «Мияко одори» проходят в Гион-кобу кобурэндзё. Обычно представление состоит из восьми сцен-частей: прелюдия, ранняя весна, поздняя весна, лето, осень, зима и вновь пора цветения сакуры, кроме того, как правило, между временами года бывает еще одна часть на тему народной сказки или предания.

Во время первой части — прелюдии — декорации представляют собой серебряные раздвижные перегородки фусума, что является символом аристократического дома. Танцы исполняются на фоне серебряных фусума, которые служат намеком на то, что в прежние времена исполнители танцев школы Иноуэ приглашались в дома столичных аристократов, что в свою очередь означало признание их высокого мастерства и хорошего вкуса.

В последней части, символизирующей круговорот времен года, танцы исполняются на фоне утопающего в цветущей сакуре святилища Ясака.

В остальных частях определено лишь время года, а содержание может меняться. Так, в 1995 г., когда отмечалось 1200 лет со дня основания Киото, во время фестиваля «Мияко одори» в частях, посвященных временам года, действие происходило в различных уголках столицы, известных из того или иного литературного произведения или связанных с каким-либо событием, праздником или историческим лицом. Во второй части разыгрывается праздник «Тока Эбису», устраиваемый 10 января в честь одного из семи богов счастья¹⁴ — Эбису в святилище Эбису дзиндзя (январь считается месяцем ранней весны).

Сюжетом третьей части «Луна в дымке» является свидание блистательного принца Гэндзи, героя романа Сикибу Мурасаки «Гэндзи-моноготари», с тайной возлюбленной при луне, скрытой прозрачной дымкой. Сцена свидания описана в главе «Хана-но эн» («Праздник цветов»).

В четвертой части действие происходит 15 мая, в праздник мальвы (Аои-мацури). В эту пору в Киото цветет множество цветов, и на сцене, утопающей в цветах, танцовщицы представляют шествие из императорского дворца в святилища Симогамо-дзиндзя и Камигамо-дзиндзя.

Пятая часть поставлена по мотивам народной сказки о двух братьях, один из которых отправился в подводное царство и женился на дочери его властителя, а другой, дождавшись возвращения брата, пытается отобрать подарки, полученные в подводном царстве.

В шестой части, танцы исполняются на фоне декораций, выполненных по мотивам известной шестистворчатой ширмы «Любование алыми листьями клена во время прогулки вдоль реки Киётаки в Такао».

¹⁴ Семь богов счастья — божества, способствующие обретению людьми долголетия и благополучия в земной жизни.

Танцы исполняются в сопровождении песенного сказа и под аккомпанимент барабанов, флейты и сямисэна.

* * *

Гион выходит на одну из самых оживленных улиц Киото — Сидзё (Четвертый проспект). Современные здания банков и универмагов соседствуют здесь со старинными домами и лавками, с ресторанами и закусочными, магазинами, где торгуют модной одеждой, традиционными кимоно, украшениями для причёсок, шелками и джинсами. И весь этот пестрый мир словно накатывается на возвышающиеся в конце улицы двухэтажные ворота башенного типа, ярко выделяющиеся киноварью колонн на фоне густой зелени. Это — святилище Ясака. За воротами на храмовой территории в 20 тыс. кв.м бесконечное множество различных культовых построек, утопающих в зелени разросшихся деревьев¹⁵.

Вновь отстроенный по велению четвертого сёгуна Иэцуна Токугава (1641–1680) хондэн — первый пример стиля гион-дзукури, отличительная особенность которого — сочетание элементов, характерных для буддийских храмов и синтоистских святилищ. В святилище Ясака хондэн являет собой сооружение, под кровлей, представляющей собой как бы пристроенные друг к другу четырехскатную крышу и навес, который опирается на столбы.

Расположенный неподалеку от хондэн хайдэн запоминается благодаря множеству больших белых фонарей овальной формы, свисающих с края крыши и гирляндой окаймляющих ее.

От хондэн и хайдэн в разные стороны расходятся дорожки к другим сооружениям. Здесь всегда многолюдно, и, думается, не от того, что святилище Ясака замыкает одну из самых оживленных улиц Киото.

На Четвертом проспекте разворачиваются главные события в праздник Гион — Гион мацури. История его уходит в далекое прошлое, в эпоху Хэйан.

В 869 г. на столицу одна за другой обрушились эпидемии. По советам жрецов и прорицателей, считающих, что копье обладает магической силой, жители столицы установили перед святилищем Гион 66 копий (по

¹⁵ Синтоистское святилище не является отдельным сооружением — это несколько культовых построек на сакральной территории, огороженной изгородью — тамагаки. Перед святилищем установлены священные ворота тории, напоминающие по форме птичий насест. Главное здание святилища — хондэн — обиталище божества, обычно находится в центре. Перед хондэн находится хайдэн, или норито-дэн, где проходят религиозные службы. На территории большинства святилищ есть еще и кагура-дэн — помост, на котором устраивается кагура — ритуальные песни и пляски в честь божества.

числу княжеств) и горячо молились неистовому богу Суса-но-о-но микото. Милостью ли божества, стараниями ли местных лекарей, но болезнь отступила, и с тех пор ежегодно в июле перед святилищем собираются люди, чтобы вознести хвалу божеству. Лишь на некоторое время — в период военной смуты годов Онин¹⁶ не был соблюден ставший к тому времени традиционным ритуал, получивший название Гион-кай (букв. собрание у Гион). Гион-кай был возрожден в 1500 г.

Постепенно ритуал становился все красочнее и пышнее, и уже в период Муромати он превратился в праздник, грандиозное событие в жизни жителей столицы. Таковым он остается и сегодня.

Обычно считают, что праздник Гион длится один день — 17 июля, когда по городу движется красочная процессия колесниц. В действительности же праздник начинается в начале июля и длится весь месяц. А готовятся к нему заранее. Главное — соорудить ямабоко (букв. копье на горе)¹⁷.

Ямабоко представляют собой огромные, иногда двухэтажные, украшенные шелками, цветами колесницы, на которых установлены ковчеги или высокие платформы с водруженными на них объемными изображениями рыб, птиц, других животных, растений, каких-либо предметов, имеющих символическое значение. Ковчеги могут быть в форме крытой повозки, челна и т.п. В них сидят люди, сложен различный храмовый реквизит.

В одной из колесниц — «Мёдзёяма» (каждая имеет свое название) — кукловод управляет куклой, изображающей праведника Юима¹⁸.

«Ямабуси-яма» (букв. «Колесница монаха-отшельника») напоминает о предании, согласно которому усердные молитвы монаха-отшельника помогли выпрямиться накренившейся пагоде святилища Ясака. На платформе «Кои-яма» («Колесница-камп») установлено гигантское объемное изображение карпа, вызывающее в памяти китайскую легенду о карпе, который сумел подняться вверх по водопаду и превратился в дракона. На одной из колесниц установлено скульптурное изображение бога войны Хатимана. Есть в процессии колесница под названием «Арарэ-Тэндзин-яма» (букв. «Колесница града и Тэндзина») — своего рода памятник знаменитому поэту, ученому, политическому деятелю Сугавара-но Митидзанэ (845–903), который после смерти был обожествлен и возведен в ранг Тэндзин. Сло-

¹⁶ Смута годов Онин — период междоусобных войн с 1467 по 1477 г.

¹⁷ Ямабоко (киотский диалект) — разновидность даси — красочных колесниц, участвующих в процессиях во время религиозных праздников.

¹⁸ Благочестивый мирянин Юима (санскр. Вималакирти) постиг суть учения Будды и добился больших успехов во всех делах и начинаниях, в том числе и в приобщении других к буддийской вере. В буддийских сочинениях образ Юима служит примером, подтверждающим возможность спасения каждого человека, а не только буддийского монаха.

вом, колесницы своим убранством и оформлением в равной степени напоминают о японских, китайских, индийских божествах, героях и персонажах из различных легенд и преданий.

На каждом ковчеге возвышается большой шест (отсюда и название «копье на горе»): огромные ковчег и шести на них служат напоминанием о событиях, связанных с 66 копьями.

В районах, где были сооружены ямабоко, 1 июля тянут жребий, кому восседать в ковчеге. 2 июля опять-таки с помощью жребия определяют порядок следования колесниц. 10 июля на Большом мосту у Четвертого проспекта происходит «омовение ковчег» — священнослужитель окропляет их смоченной в воде веткой священного дерева сакаки.

Процессию из 32 колесниц обычно возглавляет «нагинатабоко» (букв. «алебарда, копье») — увенчанная длиннейшим шестом колесница, в которой сидят три мальчика семи-восьми лет — тиги¹⁹.

Мальчики, которым предстоит быть тиги, принимают участие в службе, проводимой накануне в святилище Ясака. Они одеты в традиционные одежды пурпурного цвета, в высоких головных уборах, на лицо нанесен густой слой белил. Мальчики подъезжают к святилищу верхом на лошадях, которых ведут под уздцы. После службы их посвящают в так называемый ранг гои (букв. пятый ранг), предшествующий четырем рангам дэндзёбито (букв. принятые в императорском дворце).

С этого дня мальчики считаются божьими посланниками. На время праздника исключаются контакты тиги с женщинами, даже с матерью. Все заботы о детях, вплоть до приготовления еды для них, берут на себя отцы. В комнате ребенка, которому не возбраняется заниматься обычными делами и играть в различные игры, вешают симэнава²⁰.

17 июля процессия из колесниц в сопровождении жителей Киото проходит по городу. Шествие начинается после того, как мужчина с одетым в пурпурное одеяние и загримированным тиги, сидящим у него на плече, по приставной лестнице взойдет на ковчег «нагинатабоко». После начала шествия самый волнующий момент — тюрэндзёкири, или симэнава кири — разрезание симэнава. Огромным мечом (держать его помогает мальчику стоящий сзади мужчина) тиги разрезает симэнава и с этого момента начинается само празднество.

¹⁹ Тиги (букв. ребенок) — может означать также «прислужник в храме» или «ребенок (мальчик или девочка), участвующий в процессии во время религиозного праздника».

²⁰ Симэнава — канат из рисовой соломы с вплетенными белыми полосками бумаги, который вешают обычно в священных местах для защиты от злых духов и скверны. Чаще всего такие канаты можно видеть над входом в синтоистские святилища и вокруг стволов деревьев или камней, которые считаются священными. В домах симэнава подвешивают над синтоистским алтарем, а на Новый год — в дверных проемах.

В старину считали, что, хотя праздник и синтоистский, в нем участвуют и буддийские божества, поэтому слева и справа от тиги иногда усаживают его сверстников, олицетворяющих бодхисаттв Каннон и Сэйси²¹.

Несмотря на то что кульминационной точкой праздника, безусловно, является 17 июля — день, когда происходит шествие колесниц, для жителей Киото не менее волнующими являются 16 июля, когда ведутся последние приготовления к главному событию — шествию колесниц, и канун завершения праздника — 23 июля, когда согласно обычаю двери в домах открывают настежь так, чтобы каждый прохожий мог полюбоваться расписными ширмами и другими предметами, являющимися гордостью семьи.

24 июля в святилище Ясака дается представление. 28 июля вновь совершается «омовение ковчег», после чего их возвращают в святилище, а 29 июля возвещают об окончании праздника.

И так продолжается из года в год. Старожилы сожалеют лишь о том, что шествие колесниц проходит по широким улицам, застроенным современными высокими зданиями, и наблюдающие из окон не могут передать гостинцы сидящим в ковчеге, как это бывало в старые времена, когда колесницы проходили по узеньким улочкам с двухэтажными домами.

Так сосуществуют прошлое и настоящее. И понятно, почему, попадая в Гион, прохожие замедляют шаги...

²¹ Каннон — богиня милосердия, женская ипостась Будды. Бодхисаттва Сэйси — ее постоянный спутник. Считается, что Сэйси пробуждает в людях веру.

Советско-японские отношения (декабрь 1941 — ноябрь 1942 г.).

К.Е.Черевко

**НАЧАЛО ВОЙНЫ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ И ВОПРОС О ВОЗМОЖНОСТИ ВОЙНЫ
МЕЖДУ СССР И ЯПОНИЕЙ**

После провала японо-американских переговоров, на рассвете 7 декабря 1941 г. японская эскадра при поддержке авиации внезапно нанесла сокрушительный удар по американскому флоту в гавани Пёрл-Харбор (Гавайские острова), реализовав принципиальное решение координационного совещания правительства и ставки в присутствии императора от 6 октября того же года о начале войны против США, Великобритании и Нидерландов. Почти одновременно с этим японские войска начали высадку десанта на севере Малайи и совершили налеты на аэродромы в этой стране и в Сингапуре.

8 декабря США и Великобритания объявили войну Японии. Их примеру последовали гоминьдановский Китай, Нидерланды, Франция, ЮАР, Канада, Австралия, Новая Зеландия и ряд латиноамериканских государств.

В тот же день был обнародован рескрипт императора Хирохито об объявлении войны США. 11 декабря по инициативе Токио был подписан пакт между Японией, Германией и Италией о вступлении в совместную войну против США и Великобритании с обязательством не заключать перемирия или мира с этими государствами.

Вашингтон в принципе был готов к нападению Японии на американские или английские военно-морские базы в Юго-Восточной Азии, но не предполагал, что первый удар будет нанесен на расстоянии нескольких тысяч километров от берегов Азии.

Более того, как это ни покажется странным, высшее военное руководство США считало, что нападение японцев где-либо в ЮВА явится хорошим поводом для начала военных действий против Японии, которые должны были стать продолжением предпринятых в середине 1941 г. экономических санкций (эмбарго на поставки нефти, блокирование прохода японских судов через Панамский канал и др.) и таких военных мероприятий, как создание командования вооруженных сил на Дальнем Востоке с целью предотвращения японской экспансии в Юго-Восточной Азии и районе южных морей.

О подобных намерениях стало известно после того, как в 1990 г. в США был рассекречен разработанный Пентагоном и, что весьма важно, подписанный лично президентом Ф.Рузвельтом, министрами обороны и военно-морского флота оперативный план «JB-355».

По этому плану, одобренному американской администрацией еще за пять месяцев до японского нападения на Пёрл-Харбор, было решено, прибегнув к репрессиям, спровоцировать Токио к началу военного конфликта в каком-нибудь районе ЮВА, а затем, используя это как повод, нанести по Японии «превентивные удары» с воздуха. Выполнение поставленной задачи поручалось «летающим тиграм» генерала Чэнлота, которые базировались близ Чунцина.

15 ноября 1941 г. начальник Генерального штаба США Г.Маршалл, созвав на секретный брифинг семь ведущих американских журналистов, сделал им следующее заявление: «На Филиппинах сосредоточено самое крупное в мире соединение тяжелых бомбардировщиков. Они не только защитят острова, но и сожгут бумажные города Японии».

28 ноября, на следующий день (по токийскому времени) после вручения японскому послу в США Номура ноты государственного секретаря командующему Тихоокеанским флотом США адмиралу Киммелю была направлена из Вашингтона шифрованная телеграмма о необходимости подготовки в ближайшее время к военным действиям с Японией в связи с прекращением американо-японских переговоров¹.

Следует отметить, что гораздо раньше, еще с января 1941 г., в Токио отработывался секретный оперативный план удара по Пёрл-Харбору. Правда, справедливости ради, необходимо подчеркнуть, что решение по нему было принято позже, чем по упомянутому оперативному плану США.

¹ Раткин С.И. Тайны второй мировой войны. Минск, 1995, с. 25-26.

Удар, нанесенный японцами по Пёрл-Харбору, привел к тому, что вместо плана «JB-355» был введен в действие другой план «Рейнбоу-5» (в части, касающейся Японии)².

8 декабря министр иностранных дел Японии С.Того, инициатор заключения в 1940 г. советско-японского пакта о ненападении, пригласил в МИД Японии посла СССР К.А.Сметанина для того, чтобы сообщить о том, что с этого дня Япония находится в состоянии войны с США и Великобританией.

Послу передали краткое изложение хода переговоров с Вашингтоном, ответ на последнюю американскую ноту-ультиматум от 8 декабря (7 декабря по вашингтонскому времени), копию рескрипта императора Хирохито об объявлении войны и в связи с этим заявление японского правительства правительству СССР.

С.Того возложил ответственность за развязывание войны на США, сославшись на то, что последние затягивали обсуждение имевшихся между сторонами разногласий и даже прибегли к военным приготовлениям на случай разрыва отношений.

При этом С.Того особо подчеркнул, что война с США и Великобританией несколько не повлияет на отношения между Японией и СССР — японская сторона будет соблюдать пакт о нейтралитете так же, как и Советский Союз³.

На следующий день в Куйбышеве, куда эвакуировались из Москвы иностранные посольства вместе с МИД СССР, посол Японии в Советском Союзе Татэкава посетил заместителя наркома иностранных дел А.Я.Вышинского и поинтересовался: «Можно ли верить тому, что СССР, несмотря на серьезные изменения в международной обстановке, будет придерживаться духа пакта о нейтралитете с Японией?»

А.Я.Вышинский довольно резко ответил, что пакт для того и заключили, чтобы его соблюдать, — если этому будет следовать Япония, то выполнение данного договора будет естественным долгом СССР⁴.

За день до встречи Вышинского и Татэкава, 8 декабря 1941 г. посол СССР в США М.М.Литвинов вручил верительные грамоты президенту Ф.Рузвельту. Последний в начале беседы в связи с японским нападением на Пёрл-Харбор поинтересовался, не ожидает ли Советский Союз объявления войны со стороны Японии.

² Мэтлофф М. и Снелл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941–1942 гг. М., 1955, с. 64–65.

³ Юхаси С. Сэнзиди ниссо косё сёси (Краткая история японо-советских переговоров. 1941–1945). Токио, 1974, с. 33–34.

⁴ Там же, с. 34.

В ответ М.М.Литвинов выразил сомнение, обратив внимание на то, что с точки зрения интересов самой Японии ей вряд ли было выгодно в настоящий момент ввязываться в войну с СССР.

После ознакомления с содержанием этой беседы нарком иностранных дел В.М.Молотов направил 11 декабря советскому послу в США телеграмму, текст которой последний по поручению правительства СССР в тот же день передал президенту США.

В телеграмме позиция Советского Союза в отношении Японии была изложена следующим образом: «По вопросу о нашей установке в связи и японо-американской войной Вам сообщается, что мы не считаем возможным объявить в *данный момент* (курс. наш. — К.Ч.) состояние войны с Японией и вынуждены держаться нейтралитета поскольку Япония будет соблюдать советско-японский пакт о нейтралитете.

Мотивы: Первое. Советско-японский пакт обязывает нас к нейтралитету, и мы не имеем пока основания не выполнять свое обязательство по этому пакту. Мы не считаем возможным взять на себя инициативу нарушения пакта, ибо мы сами всегда осуждали правительства, нарушающие договоры.

Второе. В настоящий момент, когда мы ведем тяжелую войну с Германией и почти все наши силы сосредоточены против Германии, включая сюда половину войск с Дальнего Востока, мы считали бы неразумным и опасным для СССР объявить теперь состояние войны с Японией и вести войну на два фронта. Советский народ и советское общественное мнение не поняли бы и не одобрили бы политику объявления войны Японии в *настоящий момент* (курс. наш. — К.Ч.), когда враг еще не изгнан с территории СССР, а народное хозяйство СССР переживает максимальное напряжение, имея в виду при этом, что Япония держится нейтралитета и не дает пока что повода для объявления войны.

Мы думаем, что главным нашим общим врагом является все же гитлеровская Германия...»⁵.

Ф.Рузвельт выразил сожаление по поводу позиции СССР по вопросу о войне с Японией, но сказал, что на месте Советского Союза он поступил бы так же, попросив, однако, не объявлять публично о намерении Москвы соблюдать нейтралитет в отношениях с Японией, чтобы приковать как можно больше японских сил к потенциальному фронту с СССР на Дальнем Востоке и подготовить совместное коммюнике о возможности в любой момент принять любое решение.

М.М.Литвинов отказался от подобной идеи, сказав, что это могло бы спровоцировать нападение Японии на СССР⁶.

⁵ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. М., т. 1. 1984, с. 143–145.

⁶ Там же, с. 145.

12 декабря, на следующий день после беседы президента США с советским послом «Правда» изложила позицию правительства Советского Союза по вопросу о войне на Тихом океане.

В газете содержалось следующее предостережение в адрес Токио: «Японский агрессор бросился в очень рискованную авантюру, которая не предвещает ему ничего, кроме разгрома»⁷.

Из содержания статьи следовало, что помощь Советского Союза для этого не понадобится.

Однако в беседе с министром иностранных дел Великобритании А.Иденом, которая состоялась 20 декабря в Кремле, И.В.Сталин заявил, что в дальнейшем, несмотря на наличие пакта о нейтралитете с Японией, вступление СССР в войну с нею на стороне союзников по антигитлеровской коалиции отнюдь не исключается.

Перед поездкой А.Идена в Москву посол США в Лондоне Дж.Вайнант по согласованию с госсекретарем США К.Хеллом попросил министра прозондировать у русских вопрос о возможности предоставления американцам авиабаз на советском Дальнем Востоке с целью бомбардировок Японии. Иден поднял этот вопрос перед Сталиным, а также спросил его, когда Великобритания сможет рассчитывать на определенную помощь ей в войне против Японии.

Советский руководитель ответил, что если бы СССР объявил войну Японии, то ему пришлось бы вести настоящую войну на суше, на море и в воздухе. Советское правительство, продолжил Сталин, должно тщательно учитывать свои возможности и силы. В настоящий момент СССР еще не готов для войны с Японией. Значительное количество наших войск в последнее время было переброшено на Западный фронт. Сейчас на Дальнем Востоке формируются новые силы, но потребуются не меньше четырех месяцев, прежде чем СССР сможет надлежащим образом укрепиться в этом районе.

Сталин высказал мнение, что было бы проще, если бы Япония напала на СССР, так как это создало бы благоприятную политическую и психологическую атмосферу в стране. Война оборонительного характера способствовала бы единению советского народа.

В заключение советский руководитель высказал предположение, что нападение Японии на СССР все еще возможно и даже вероятно, поскольку если немцы начнут терпеть поражение на фронтах, то тогда Гитлер пустит в ход все средства нажима для того, чтобы вовлечь Японию в войну против СССР⁸.

⁷ Правда. 12.12.1941.

⁸ См.: Новая и новейшая история. 1994, № 3, с. 119-120.

Из этого можно сделать вывод, что несмотря на свое официально заявленное намерение соблюдать пакт о нейтралитете, советская сторона готова была, вопреки мнению отечественной историографии, нарушить его, вступив в войну с Японией в благоприятный для СССР момент.

Вместе с тем не исключено, что преднамеренно преувеличивая угрозу нападения Японии на СССР, Сталин стремился предупредить союзников о тех роковых для них последствиях, которые могли возникнуть, если бы Советский Союз не выдержал войны на два фронта, и тем самым подтолкнуть США и Великобританию к скорейшему открытию второго фронта в Европе⁹.

Какова же была в это период действительная позиция Японии по вопросу о нейтралитете в отношении СССР?

На осень — начало зимы 1941 г. в генеральном штабе Японии был подготовлен видоизмененный вариант оперативного плана «Кантокуэн» на случай, если немецкие армии все же захватят Москву и добьются решающих успехов на советско-германском фронте.

Особенность этого варианта состояла в том, что Квантунская армия, учитывая наступление холодов, должна была вести военные действия лишь в Приморье и районе Хабаровска. На северо-западе Маньчжурии войска должны были только выдвинуться к границам в районах Малого и Большого Хингана с тем, чтобы весной 1942 г. форсировать р. Амур и продвигаться к оз. Байкал. В отношении захвата Северного Сахалина, Камчатки и МНР первоначальный вариант плана оставался неизменным.

К моменту завершения немецко-фашистского наступления войск под Москвой на восточных границах СССР было сосредоточено 50% японских пехотных дивизий, 75-80% кавалерийских частей, около 65% танковых полков и по 50% артиллерии и авиации сухопутных сил. Однако эти силы, хотя и представляли собой серьезную угрозу для Советского Союза, могли быть введены в действие только после принятия соответствующего политического решения.

Но такого решения не последовало. Проявив осторожность, еще за два дня до советского контрнаступления 3 декабря 1941 г. под Москвой руководство Квантунской армии получило приказ императорской ставки № 578, в котором указывалось, что в связи с предрешенным началом войны с США, Великобританией и Нидерландами и необходимостью быстрого продвижения в южном направлении нельзя начинать войну с Россией, сохраняя тем не менее, согласно приложенной директиве № 1048, полную боевую готовность к весне 1942 г. на северном направлении. 22 января 1942 г. начальник генерального штаба японской армии Х.Сугияма сообщил

⁹ Иванов Р. Проблема вступления СССР в войну против Японии. — Проблемы Дальнего Востока. 1995, № 5, с. 73-74.

императору Хирохито, что он пришел к выводу о нецелесообразности «до лета сего года проводить операции на севере».

При этом японское руководство высказывало мнение, что если Япония не нападет на Советский Союз, то и последний не начнет военных действий¹⁰. Однако оно, как выяснилось позднее, оказалось ошибочным.

Разгром немецко-фашистских войск в ходе зимней кампании в декабре 1941 г. укрепил японское руководство в его намерении воздержаться в этот период от войны с СССР.

Этому способствовало также подписание Советским Союзом 1 января 1942 г. в Вашингтоне Декларации Объединенных наций, которую поддержали 26 государств, в том числе США и Великобритания, ведущие войну против «держав оси».

Советский Союз смог присоединиться к этому документу, не нарушая пакта о нейтралитете с Японией, поскольку в нем содержалась статья, обязывающая правительство страны, подписавшей декларацию, употребить все военные и экономические ресурсы только «против тех членов тройственного пакта и присоединившихся к нему, с которыми это правительство находится в войне».

Декларация призвала Объединенные Нации к взаимному сотрудничеству и отказу от заключения сепаратного соглашения о перемирии или мире с их врагами, аналогичного обязательству «держав оси», которое сохранилось в их соглашении от 11 декабря 1941 г.¹¹.

Реакция «держав оси» последовала незамедлительно. 18 января 1942 г. в Берлине было заключено дополнительное военное соглашение между представителями вооруженных сил Японии, Германии и Италии.

15 декабря 1941 г. японский проект соглашения о разграничении зон оперативной ответственности (сакусэн танто тики) был вручен генералом Осима Риббентропу.

Внося этот проект, Токио стремился получить «компенсацию» за свой вклад в борьбу против США и Великобритании в связи со вступлением в войну на Тихом океане и захватом обширных территорий Восточной Азии. Памятуя о намерениях Гитлера и Риббентропа, высказанных в марте 1941 г., поделить с Японией после победы Германии над СССР только той частью Советского Союза к востоку от Уральского хребта, которую они сочтут приемлемой, японская сторона решила взять реванш у Берлина, зарезервировав за собой в случае ликвидации нашей страны как субъекта международного права в результате победы Германии право претен-

¹⁰ Такой точки зрения, например, придерживался командующий японским объединенным флотом адмирал И.Ямамото в секретном приказе от 1 ноября 1941 г. — Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы». М., 1980, с. 139-141, 143.

¹¹ Известия. 03.01.1942.

довать на советские территории наряду с территориями зарубежной Азии к востоку от 70° восточной долготы. При этом в отношении СССР данное предложение делалось в неявной форме, без упоминания его территории с тем, чтобы не дать оснований обвинить Токио в нарушении пакта о нейтралитете. (Такая осторожность, судя по материалам Токийского процесса 1946–1948 гг., оправдалась, ибо ни японский проект тройственного военного соглашения, ни его окончательный текст не были поставлены в вину японской стороне.)

Замысел Токио был разгадан в Берлине и вызвал недовольство последнего, во-первых, нежеланием связывать себя какими-либо обязательствами в отношении Советского Союза, ограничившись согласованием только оперативных планов; во-вторых, легко подразумеваемыми, хотя и прямо не выраженными намерениями в отношении восточных районов СССР без их конкретного обозначения. В Берлине показались чрезмерными аппетиты Токио и в отношении других районов Азии.

Возражения германских ведомств против японского проекта заключались в следующем.

Командование вермахта заявило, что по новому соглашению линия разграничения военных операций не должна быть слишком жесткой, что претензии Японии на советскую территорию были бы более обоснованными только в случае вступления в войну с СССР, что Япония должна взять на себя обязательства поставить под контроль транспортные коммуникации в Тихом и Индийском океанах, по которым направляются стратегические грузы из США в СССР, и что вообще Германии после разгрома Советского Союза не следует уступать Японии большие территории в Азии.

Управление экономики и вооружений, солидаризируясь с вермахтом, предлагало сохранить в зоне военных операций Германии все основные промышленные районы Сибири, ссылаясь, например, на тесную экономическую связь Урала и Кузбасса, провести границу упомянутых зон с Японией по Енисею, через Саянский хребет и далее по границе СССР с Тувой, Китаем и Афганистаном и далее по ирано-афганской и ирано-индийской государственным границам, но еще лучше с включением в германо-итальянскую зону части Индии, а в случае невозможности одобрить это предложение по политическим соображениям оставить вопрос открытым, не соглашаясь с предложениями Токио.

Однако правительство Германии, найдя постановку вопроса о разделе СССР в данном соглашении преждевременной в связи с сохранением в силе японо-советского пакта о нейтралитете и стремясь не обострять отношения с Японией, решило ограничиться двумя поправками: «1) граница зон оперативной ответственности проходит примерно по 70° восточной долготы; 2) Япония обязуется более активно и в более широких масштабах

действовать против вражеских торговых флотов в своей зоне; в случае необходимости (сосредоточение флота противника) стороны усиливают свои операции соответственно — Япония в Атлантике, а Германия в Тихом океане»¹².

Важно также, что соглашение было подписано представителями вооруженных сил, а не правительств с целью предупредить истолкование этого документа как официальной договоренности о разделе территории СССР и других стран Азии на сферы влияния. В связи с этим уполномоченный представитель вооруженных сил Германии фельдмаршал В. Кейтель сопровождал соглашение специальной оговоркой, что оно не означает установления будущих политико-административных границ с Японией примерно по 70° восточной долготы на Азиатском материке и что этот вопрос может быть поставлен только тогда, когда он станет актуальным¹³, т.е. после нападения Японии на СССР.

И хотя в тексте соглашения так же, как и в Декларации Объединенных Наций, оговаривалось, что его действие распространяется на те государства, с которыми все «державы оси» одновременно находятся в состоянии войны (в число их СССР не вошел)¹⁴, в советской историографии об этом либо умалчивалось, либо вопреки фактам утверждалось, что своим острием оно было направлено не против США и Великобритании, а против Советского Союза, и что «Западная Сибирь, Забайкалье и другие советские территории должны были по этому соглашению стать объектами захвата японской армии»¹⁵.

На наш взгляд, как Декларация Объединенных Наций, так и военное соглашение между странами «оси» благодаря позиции, занятой соответственно СССР и Японией, объективно были направлены на то, чтобы оказать сдерживающее влияние на возможность активизации сторонников войны между этими государствами.

22 февраля 1942 г., во время протокольной беседы с связи с отзывом посла Сметанина и назначением советника посольства в Японии Я.М. Малика временным поверенным в делах СССР министр иностранных дел Японии Того вновь решил удостовериться в позиции Москвы в отношении пакта о нейтралитете.

Министр заверив советскую сторону в том, что война Японии с США и Великобританией не окажет никакого влияния на этот пакт, выразил надежду на то, что в позиции СССР не произошло изменений и он не

¹² Meskill J.M. The Hollow Alliance. N.Y., 1966, p. 108-112.

¹³ Ibidem, p. 62.

¹⁴ Martin B. Deutschland und Japan in 2 Weltkrieg. Göttingen, 1969, S. 232-234.

¹⁵ Ефимов Г.В., Дубинский А.М. Международные отношения на Дальнем Востоке (1941-1945). М., т. 2, 1973, с. 191.

вступит в союз с третьими государствами, направленный против Японии, не уступит или не сдаст в аренду им своей территории для использования ее против Японии и не предоставит для этой цели свои военные базы.

Того пояснил также, что военное соглашение между Японией, Германией и Италией от 18 января 1942 г. направлено только против воюющих государств, являющихся общими противниками «держав оси», и таким образом исключает из сферы своего действия Советский Союз.

Сметанин с удовлетворением воспринял заверения собеседника о том, что ни война Японии с США и Великобританией, ни военное соглашение «держав оси» не касаются СССР. А Малик спросил Того, не собирается ли Япония заключить в будущем военный союз с третьими странами, направленный против СССР. Того ответил на это отрицательно.

Несмотря на умиротворяющие заверения со стороны Японии, Институт тотальной войны, созданный в 1940 г. по указу японского императора в качестве официального правительственного учреждения, на случай решающих успехов Германии в войне с СССР 27 января 1942 г. подготовил «Основной план создания сферы процветания Великой Восточной Азии» во главе с Японией, во внутреннюю зону которой должно было войти советское Приморье. В этом плане также указывалось, что, если международная обстановка будет благоприятной, Восточная Сибирь, в том числе Камчатка, будут включены в систему обороны Японии¹⁶.

Из документа института от 18 февраля 1942 г. вытекало, что такую задачу предполагалось выполнить в результате нанесения Советскому Союзу максимально сильного первого удара с целью захвата важнейших районов на востоке СССР¹⁷.

Тогда же, в начале года, генштаб Японии принял новый оперативный план в отношении СССР на 1942 г., сохранявший свою силу до 1944 г. По этому плану в случае получения приказа о начале военных действий в них должны были принять участие 30 дивизий, которые нанесли бы главный удар в направлении г. Ворошилов (2-я, 3-я, 5-я и 20-я армии). Другая группа войск (4-я и 8-я армии) должна была одновременно развить наступление в направлении Свободный — Куйбышевка и перерезать Транссибирскую железнодорожную линию.

Весной 1942 г. Квантунская армия в ожидании более благоприятной обстановки для возможного начала военных действий против СССР в связи с успешным наступлением немецких войск на юге Советского Союза получила подкрепление в составе двух дивизий.

На случай решающего успеха Германии предусматривалось ввести в действие документ генштаба «Операция № 51», согласно которому против

¹⁶ Международная жизнь. 1968, № 9, с. 159-160.

¹⁷ Кошкин А.А. Крах стратегий «спелой хурмы», с. 144.

СССР должны были быть использованы 24 дивизии и одна танковая армия¹⁸.

К концу 1942 г. численность Квантунской армии достигла 700 тыс. человек, т.е. четверти всего состава вооруженных сил Японии (2850 тыс. человек)¹⁹.

Институт тотальной войны и Исследовательское общество государственной политики, финансировавшиеся правительством и монополиями, разработали в 1942 г. планы административного управления Сибирью и МНР.

Эти планы предусматривали установление на оккупируемой советской территории военной администрации, принудительную депортацию местного населения, закрепление всех трудоспособных жителей Северного Сахалина на рудниках, продукция которых направлялась бы в Японию, отмену прежнего законодательства, а также переселение в Сибирь японских колонистов и запрещение миграции туда славян из европейской части СССР²⁰.

«Под могущественным руководством Японской империи местному населению в принципе не будет разрешаться участвовать в политической жизни... На эти территории будут посланы японские, корейские и маньчжурские колонисты, если в этом возникнет необходимость с точки зрения экономики и национальной обороны», — говорилось в правилах для оккупируемых советских территорий, разработанных в 1942 г. упомянутым институтом по приказу премьер-министра Тодзио²¹.

В советской историографии получила распространение точка зрения, согласно которой в первой половине 1942 г. концентрация крупных японских вооруженных сил в Маньчжурии и Корее в условиях успешных наступательных операций Японии на Тихом океане неопровержимо свидетельствовала о том, что «Советский Союз оставался главным объектом агрессивных планов Японии»²². Некоторые советские историки утверждали, что у Японии сохранялось намерение напасть на СССР даже в конце 1942 г., после ухудшения ее стратегического положения²³.

Однако руководство Советского Союза располагало сведениями, в том числе и разведывательной информацией, иного рода. Еще 15 ноября 1941 г. Совет по координации действий ставки и правительства Японии в «Плане ведения и завершения войны против Америки, Великобритании, Голландии и Чунцина», исходя из неясности ситуации на советско-герман-

¹⁸ Там же, с. 146.

¹⁹ Тайхэйэй сэнсоси (История войны на Тихом океане). Токио, т. 5, 1973, с. 70.

²⁰ Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Международный процесс главных японских военных преступников (1946–1948). М., 1950, с. 251.

²¹ Гольдберг Д.И. Внешняя политика Японии в 1941–1945 гг., М., 1962, с. 71–72.

²² Там же, с. 69.

²³ Савин А.С. Японский милитаризм в период второй мировой войны, М., 1979, с. 116.

ском фронте, постановил не начинать войны против СССР, а «привлечь Советский Союз на сторону держав оси», призвав его заключить мир с Германией. И хотя 7 марта 1942 г. под влиянием больших успехов Японии в войне на Тихом океане совет отказался от миротворческих идей в отношении СССР и Германии, министр иностранных дел Японии Того выступил против мнения большинства членов совета. Он заявил, что необходимо завершить германо-советскую войну дипломатическими средствами и даже предпринял соответствующий зондаж в этом направлении через посла Японии в Берлине Осима. Но последний 23 марта 1942 г. узнал от Гитлера о планах весеннего наступления Германии против СССР и 8 апреля сообщил в МИД Японии о том, что заключение мира между Германией и СССР нереально²⁴.

Мнение о трезвом подходе японского правительства подтверждалось, в частности, его отказом от предъявленного ему через посла Осима требования Берлина открыть второй фронт против СССР.

Так, решение Совета по координации действий ставки и правительства Японии от 25 июня 1942 г. гласило: «Японская империя будет твердо придерживаться намеченного курса в отношении северного направления и, ведя подготовку на непредвиденный случай, будет всеми силами стремиться не допускать советско-японской войны»²⁵.

Такая позиция отражала настроения, царившие в высших эшелонах власти, в частности, министра иностранных дел Японии С.Того, лорда-хранителя печати К.Кидо и ряда старейших опытных политических деятелей, которые еще в феврале-марте 1942 г., обратив внимание на недостаток сырьевых ресурсов, прежде всего горючего, растянутость морских коммуникаций, большие потери кораблей и самолетов, предложили закрепить достигнутые успехи в войне с США и Великобританией и приступить к поискам возможностей заключить мир, не ввязываясь в новые военные авантюры²⁶.

К этой группе умеренных политиков относились бывший министр иностранных дел Наотакэ Сато, дипломат с многолетним стажем работы в СССР, и Горо Морисима, китаевед и специалист по общим международным проблемам, давний противник сближения Японии с Германией, за что был временно удален в свое время из МИДа Японии. В марте 1942 г. Н.Сато был назначен послом, а Г.Морисима — посланником в СССР.

Решение о смене руководства посольством Японии в Москве представляло собой компромисс между группировкой в правящих кругах, не верив-

²⁴ Хаттори Т. Япония в войне. 1941–1945. М., 1975, с.288.

²⁵ Там же, с. 294–295.

²⁶ Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история. 1941–1945. М., 1995, с. 154.

шей в победу Германии над СССР и выступавшей за посредничество в мирном урегулировании между ними с тем, чтобы Германия вместе с Японией могла сосредоточить все свои силы на войне с общим врагом — англо-американским блоком, и военными кругами и их сторонниками, еще верившими в победу Германии над СССР, которая позволила бы Японии захватить восточные районы последнего.

После нескольких бесед Н.Сато и Г.Морисима с премьер-министром Х.Тодзио, министром иностранных дел С.Того, военно-морским министром С.Симада и директором департамента военного министерства им была дана инструкция не проявлять инициативы в данном вопросе, а добиваться строгого соблюдения Советским Союзом пакта о нейтралитете, ограничиваясь повседневной текущей работой²⁷.

ВОПРОС О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ США ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ БАЗ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

6 апреля 1942 г. посол Н.Сато, посланник Г.Морисима и сопровождавший их военный и военно-морской атташе Японии встретились в Москве с В.М.Молотовым.

Помимо вопроса о соблюдении странами пакта о нейтралитете, на этой встрече важное место занял вопрос о возможности предоставления Соединенным Штатам военно-воздушных баз на Камчатке и в Приморье. Это было связано с тем, что еще 19 января 1942 г. радио Сан-Франциско передало сообщение о том, что посланник США в СССР В.Тёрстон в беседе с заместителем наркома иностранных дел С.А.Лозовским обсуждал в Куйбышеве данный вопрос. Встревоженный этим сообщением министр иностранных дел Японии Того, встретившись 22 января со Сметаниным, потребовал от него заверений, что полученная информация не соответствует действительности. Сметанин ответил, что он об этом ничего не знает.

Более того, Японии стало известно, что 27 февраля исполнявший обязанности государственного секретаря США С.Уэллес также предложил Литвинову рассмотреть вопрос о возможности использования советских аэродромов на Дальнем Востоке в качестве баз для американских бомбардировщиков.

В начале беседы, состоявшейся 6 апреля, Сато выразил удовлетворение строгим соблюдением сторонами пакта о нейтралитете, отметив, однако, что мировая война, в которой участвуют и Япония и СССР, придает двусторонним отношениям значительную напряженность, при которой любой инцидент может привести к тяжелым последствиям.

²⁷ Морисима Г. Куно-суру туюо тайсикан (Агония посольства Японии в СССР). Токио, 1955, с.7-27.

В качестве подобного возможного инцидента японский посол привел следующую ситуацию: если бы СССР предоставил военные базы США и Великобритании на Камчатке и в Приморье для нападения на Японию, то Токио вынужден был бы прибегнуть к силе оружия.

В ответ Молотов заявил, что советская сторона рассматривает советско-японские отношения как важнейшее направление своей внешней политики и, как прежде, будет строго соблюдать нейтралитет. Вопрос же о предоставлении военных баз союзникам СССР не стоит на повестке дня и поэтому не может стать причиной недоразумений.

18 апреля 16 американских бомбардировщиков Б-25 совершили с авианосцев первый налет на японские города в центральной части о-ва Хонсю, причем один из них сбился с курса и совершил вынужденную посадку в Приморье, на аэродроме Угловая к северу от Владивостока. Экипаж самолета был интернирован.

Об этом 20 апреля сообщил корреспондент ТАСС из Хабаровска, и 24 апреля сообщение было опубликовано в советских газетах.

Японский посол Сато немедленно сделал соответствующее заявление в Куйбышевзе заместителю наркома иностранных дел А.Я.Вышинскому, в котором подчеркивалось, что инцидент с посадкой американского бомбардировщика равносителен факту предоставления Соединенным Штатам военно-воздушной базы на территории СССР в нарушение пакта о нейтралитете.

Вышинский возразил против такой оценки случившегося, заявив, что посадка самолета произошла из-за потери ориентировки и действия СССР по отношению к самолету и его экипажу соответствовали международному праву.

Тем не менее Сато заявил, что если такие инциденты повторятся, то японское правительство будет рассматривать их не как случайные, а как противоречащие недавнему заверению Молотова в том, что военные базы не будут предоставляться США. Оно будет расценивать подобные случаи как предоставление Соединенным Штатам военных баз независимо от того, используются ли советские аэродромы для боевых операций или для вынужденного приземления самолетов. Посол Японии предупредил, что это может вызвать серьезный кризис в двухсторонних отношениях и привести к нарушению пакта о нейтралитете.

В то же время опасения Токио по поводу возможности использования территории СССР для военных операций США против Японии не были лишены оснований.

Так, 4 марта 1942 г. президент Рузвельт предписал комитету начальников штабов США рассмотреть вопрос о перспективе совместных операций с СССР на случай, если японская военщина, опьяненная своими военными победами над союзниками, развяжет войну против Советского Со-

юза. В предложении Рузвельта указывалось на необходимость подготовить различные варианты совместных действий союзников: 1) наступательную операцию на одном из участков фронта с целью сковать вооруженные силы Японии, 2) совместные операции США и СССР против Японии с территории Китая и 3) разработку маршрута Алеутские острова — Камчатка — Сибирь для военных поставок США в СССР.

Комитет начальников штабов США в своем ответе на запрос президента указал, что для подготовки плана таких операций необходима информация о планах и боевой мощи советских войск на Дальнем Востоке, которую комитет по официальным каналам получить не смог. Было высказано мнение о целесообразности с этой целью заключить соглашение с СССР о всестороннем военном сотрудничестве, которое, в частности, позволило бы американским офицерам обследовать состояние соответствующих советских военных объектов и провести масштабные переговоры с советской стороной.

Однако мнение комитета уже не интересовало Рузвельта, так как он к этому времени переключил свое внимание на подготовку второго фронта во Франции. Это вызвало недовольство главнокомандующего американскими войсками на Тихом океане Д.Макартура, который в донесении от 8 мая 1942 г. высказал мнение, что второй фронт в бассейне Тихого океана оказал бы СССР максимальную помощь²⁸.

Отрицательное отношение Рузвельта к открытию второго фронта против Японии привело к тому, что во время его переговоров с Молотовым в мае — июне 1942 г. вопросы Дальнего Востока оказались на втором плане. В беседе с Молотовым 29 мая президент США заявил, что он считает необходимым в первую очередь покончить с Гитлером, а затем с Японией²⁹.

Несмотря на это, командующий ВВС США Г.Арнольд в предвидении весенне-летнего наступления вермахта против СССР продолжал отстаивать план создания военно-воздушных баз США в Сибири и Приморье и оборудования для этой цели аэродромов с тем, чтобы в дальнейшем использовать их для военных действий против Японии.

После высадки 7-8 мая 1942 г. японских войск на о-вах Кыска и Атту (Западные Алеуты) и предпринятых 3-6 июня флотом и авиацией Японии попыток захватить о-в Мидуэй (Северо-Западные Гавайи), которые совпали с успешным наступлением вермахта на юге СССР, Рузвельт вновь стал уделять больше внимания вопросу о совместных действиях с Советским

²⁸ US Department of Defence. The Entry of the Soviet Union into the War against Japan. Military Plans, 1941-1945. Wash, 1955, p.6-9.

²⁹ Советско-американские отношения..., т.1, с. 178,194.

Союзом против Японии, поскольку он рассматривал активизацию операций «держав оси» как пролог к войне Японии против СССР³⁰.

1 июня президент США направил Сталину послание, в котором отмечал: «Положение, которое складывается в северной части Тихого океана и в районе Аляски, ясно показывает, что японское правительство, возможно, готовится к операции против Советского Приморья. Если подобное нападение осуществится, то Соединенные Штаты готовы [будут] оказать Советскому Союзу помощь американскими военно-воздушными силами при условии, что Советский Союз предоставит этим силам подходящие посадочные площадки на территории Сибири... Я считаю, что вопрос настолько срочный, что имеются все основания дать представителям Советского Союза и Соединенных Штатов полномочия приступить к делу и составить определенные планы»³¹.

В следующем письме по данному вопросу Рузвельт предложил провести рекогносцировочный экспериментальный полет американского самолета из Аляски в один из районов Восточной Сибири с военным экипажем, одетым в гражданскую одежду, под видом полета какого-нибудь коммерческого агентства, приняв на борт самолета в г. Ном (Аляска) одного-двух советских офицеров или чиновников³².

В ответном письме (1 июля) Сталин предложил, чтобы этот полет был совершен советскими офицерами и согласился на встречу представителей армии и флота Советского Союза и США в Москве для обмена информацией, собранной в результате упомянутого полета.

Такой осторожный подход Сталина к данному вопросу и акцент на использовании этой линии не столько для возможной войны с Японией, сколько для переброски на Дальний Восток американских военных самолетов, поступающих в СССР в качестве военной помощи в войне с Германией, объяснялся тем, что советский руководитель так же, как и Рузвельт, пришел к выводу о возрастании опасности развязывания Японией войны с СССР в случае военных успехов вермахта в наступлении на юге России и японских ВМС — в военных операциях союзников на Тихом океане вблизи советских границ.

Так, 2 июля в беседе с послом США в СССР У.Стэнли Сталин заявил о наличии серьезной угрозы внезапного нападения Японии на Советский Союз и о том, что во избежание войны на два фронта в СССР должны

³⁰ Мэтлофф М., Снелл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941–1942 гг., М., 1955, с. 391–392.

³¹ Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1957, с. 24.

³² Там же, с. 26.

очень внимательно относиться к соблюдению нейтралитета в отношениях с Токио³³.

Одновременно Ставка Верховного главнокомандующего, введя новую должность заместителя начальника генерального штаба по Дальнему Востоку, предприняла необходимые оборонительные меры по отражению возможного нападения Японии, к которому усиленно подталкивал ее Берлин.

Однако, как это видно из телеграммы Того послу Японии в Германии от 27 июня 1942 г., а также письма Рузвельта Сталину от 5 августа, японское правительство, придерживаясь по-прежнему стратегии «спелой хурмы», заняло и в данном случае независимую позицию, ожидая решающих результатов наступления вермахта на советско-германском фронте.

«До меня дошли слухи, которые я считаю определенно достоверными, — писал Сталину президент США, — что правительство Японии решило не предпринимать в настоящее время военных операций против СССР. Это, как я полагаю, означает отсрочку какого-либо нападения на Сибирь до весны будущего года»³⁴.

При этом американская сторона стремилась подчеркнуть свою заслугу в этой отсрочке. Так, во время визита в Москву 12-15 августа премьер-министра Великобритании У.Черчилля в одной из бесед со Сталиным специальный представитель президента США А.Гарриман заявил, что Рузвельт делает все возможное для сдерживания японских вооруженных сил на Тихом океане, не допуская тем самым нападения Японии на СССР со стороны Сибири. На это Сталин, впервые в беседах с официальным представителем США, заявил о намерении СССР, когда созреть условия, приступить к разгрому Японии в соответствии с жизненными интересами Советского Союза³⁵.

Несмотря на такой ответ, свидетельствующий, с одной стороны, о долгосрочных планах Сталина в отношении Японии, а с другой — о его намерении повлиять на скорейшее открытие союзниками второго фронта в Западной Европе, советский руководитель, по-прежнему не хотел предоставлять базы для ВВС США (хотя такая позиция и привела к переносу союзниками направления главного удара по Японии из района Курил в район о-вов Рюкю)³⁶. В результате этих усилий США удалось приостановить наступление Японии и заставить ее перейти к стратегической обороне, и уже не помышлять о нападении на СССР.

Это намерение Токио было окончательно похоронено в результате блестящей победы советской армии в Сталинградской битве. 19 и 20 ноября

³³ Stanley W.H. and Ageton A.A. Admiral Ambassador to Russia. Chicago, 1955, p.249.

³⁴ Переписка Председателя Совета Министров СССР..., т.1, с.29-30.

³⁵ Dean J.R. The Strange Alliance. N.Y., 1947, p. 226.

³⁶ Harriman W., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin. 1941-1945. N.Y., 1975, p.160.

советские войска перешли в решающие наступление и к 2 февраля 1943 г. завершили разгром немецко-фашистских войск, окружив и взяв в плен более 300 тыс. солдат и офицеров противника — две армии во главе с фельдмаршалом Паулюсом.

Информируя Рузвельта о подготовке этого наступления еще 14 ноября 1942 г., Сталин сообщил ему о своей беседе с доверенным представителем президента генералом П. Хэрли³⁷, во время которой советский руководитель в неофициальном порядке конкретизировал свое обещание вступить в войну с Японией, сказав, что это произойдет после разгрома Германии³⁸.

Итак, в результате упорного сопротивления советской армии вермахту опасность принятия правительством Японии решения о претворении в жизнь оперативного плана нападения на СССР в течение 1942 — начала 1943 гг. была ликвидирована. В то же время, несмотря на сокрушительный разгром немецкой армии под Сталинградом и намеки на возможность вступления СССР в войну с Японией, сделанные Сталиным, советское руководство не собиралось открыть «второй фронт» на границе с Японией до окончания войны с Германией, поскольку ведение военных действий на Дальнем Востоке поставило бы под угрозу победу союзников над немецко-фашистскими захватчиками.

³⁷ Советско-американские отношения..., т. 1, с. 259.

³⁸ Foreign Relations of the US, 1942. Vol.3. Wash, 1961, p. 657-658.

«Новая структура» 1940 г.: последняя попытка самореформирования

В.Э.Молодяков

Кризисный период в жизни любой структуры или института власти, как правило, бывает отмечен попытками самореформирования режима. Если время для этого выбрано правильно и режим находится, выражаясь языком медицины, в операбельном состоянии, радикальные реформы позволяют исправить ситуацию. Если же кризис зашел слишком далеко и стал системным, выходом из сложившейся ситуации могут быть только революционные, а не эволюционные преобразования — хотя формы революции возможны самые разные. Новая история Японии дает убедительнейший пример успешно осуществленной революции, ставшей результатом системного кризиса, — «Мэйдзи исин», суть и характер которой определяются формулой «консервативная революция»¹, т.е. сочетанием возврата к традиционным ценностям и институтам и революционного пути его претворения в жизнь.

Как верно заметил философ и идеолог Александр Дугин, «всякой революции с необходимостью предшествует период социального разложения, деградации, политической стагнации. Революция совершается только в «дряхлом» обществе, в обществе закостеневшем и потерявшем свою политическую и социальную энергию, свою жизнь... Революция — это то, что следует за вырождением общества, за периодом социальной смерти, как новая жизнь, как новая энергия, как новое начало... Как бы то ни было,

¹ Эта интерпретация впервые дана и обоснована в статье: Молодяков В.Э. Мэйдзи исин — консервативная революция. — Проблемы Дальнего Востока. 1993, № 6.

революции не бывает без кризиса. Она не может возникнуть в здоровом и полноценном обществе. В таком обществе она просто не будет иметь никакого смысла². Здесь речь идет прежде всего о концепции консервативной революции, которая как раз наиболее приложима к Японии мэйдзийского и после мэйдзийского периода. Мэйдзи исин совершилась в «дряхло» обществе, которое уже не могли спасти никакие попытки самореформирования, даже достаточно мудрая и динамичная политика «японского Столыпина» — регента Наосукэ Ии в 50-е годы прошлого века³.

Пример неудачи Наосукэ Ии показателен во многих отношениях: это не просто одна из неудачных, не осуществленных до конца реформ — это последняя в истории института сёгуната (система военно-феодалного правления) попытка переломить ход истории в пользу того, что было обречено на гибель. Историческая обреченность бакуфу (ставка сёгуна) уже давно стала очевидной для историков — ни как режим, ни как институт он не имел шансов на выживание. Совсем не так однозначно обстоит дело с режимом и институтами, появившимися на свет в результате Мэйдзи исин, т.е. с так называемой «мэйдзийской моделью развития». Основанный на ней режим потерпел военное и политическое поражение во второй мировой войне и вынужден был уступить место совершенно иному: реформы первых послевоенных лет нельзя назвать революцией по характеру процесса, но их радикализм сопоставим только с преобразованиями Мэйдзи. Сам факт поражения 1945 г., обусловленного далеко не только внутренними причинами, может показаться достаточным основанием для безусловного приговора «мэйдзийской модели», которая, по мнению ряда авторов, была обречена на гибель уже с самого начала и была порочна по своей сути⁴.

Мы не можем согласиться с этой концепцией, не учитывающей, по нашему мнению, исторической эволюции «мэйдзийской модели», которая в 1941 г. была, разумеется, совсем не такой как в 1868, 1905 или 1918 гг. В ее истории были «приливы» и «отливы», и во многих критических ситуациях она показала свою жизнеспособность. Здесь не место подробно разбирать историю данного вопроса, но остановиться на некоторых особенностях необходимо.

² Дугин А. Консервативная революция. М., 1994, с. 337-338.

³ Этим наблюдением автор обязан беседам с доктором исторических наук А.П.Корелиным во время ежегодного собрания Всеяпонской ассоциации историков России осенью 1996 г. в Токио, где он выступал с докладом об аграрной реформе Столыпина как последней попытке самореформирования российского самодержавия.

⁴ Эта точка зрения выдвинута и подробно обоснована: Молодякова Э.В., Маркарян С.Б. Японское общество — книга перемен. М., 1996 (главы 1-3). Такого же взгляда придерживается и ряд японских авторов, например: *Сираи Хисая*. Мэйдзи кокка то Ниссин сэнсо (Мэйдзийское государство и японо-китайская война). Токио, 1997 (глава 3).

РевOLUTIONионный характер мэйджийских преобразований бесспорен. Более того, именно этот мощный консервативно-революционный (в противоположность нигилистически-революционному) импульс и стал залогом успеха преобразований, устойчивости и жизнеспособности достигнутого. Но, как верно заметил великий итальянский социолог Вильфредо Парето, радикалы становятся консерваторами, как только успешно достигают своих целей, это — извечный закон. Часть деятелей Мэйджи исин предпочла остановиться на достигнутом в первые годы и постаралась законсервировать свой успех. Другая — во главе с Хиробуми Ито — считала нужным продолжать преобразования, адекватные изменениям в стране и мире, но уже исключительно эволюционным путем под абсолютным контролем правящей элиты. РевOLUTIONионный дух «старой гвардии» постепенно иссяк, ее наиболее талантливые представители уходили на покой и умирали, а им на смену приходили оппортунисты и рыцари status quo, заинтересованные лишь в максимально полном и долгом обладании властью для себя и своей группы (клана, клики). Приобщение к «мировой цивилизации», выразившееся в некритическом копировании институтов и политической практики Европы и — позднее — США, сменило опору на традиционные ценности, которая как известно, была одной из основ «мэйджийской модели» и залогом ее успеха.

Таким образом, к 10-м годам XX в. кризис модели был налицо — пока еще не системный, но постепенно захватывавший разные ее компоненты. По многим причинам в Японии так и не сформировалась дееспособная система партийных кабинетов, а сами партии скомпрометировали себя откровенным политиканством вместо «государственной мудрости». Даже такой либерал-западник, как последний советник императора принц Киммоти Сайондзи, идеализировавший партийно-парламентскую систему, в 10–20-е годы пришел к выводу, что Япония еще не готова к ней и нуждается в длительном периоде «политического воспитания» граждан⁵. Однако он был категорически против любых революционных преобразований.

«Демократию Тайсё» — недостаточно изученный, противоречивый и, несомненно, кризисный период — сменила эпоха Сёва, давшая жизнь лозунгу «реставрация Сёва» — параллели к Мэйджи исин. Эпоха Тайсё стала временем оформления новой консервативно-революционной идеологии, в основе которой была идея необходимости продолжения революции (к «перманентной революции» Троцкого это не имело никакого отношения!). В 20-е годы она расцвела пыльным цветом в национальном социализме Сьюмэй Окава и Кацумаро Акамацу, государственном социализме Мотоюки

⁵ Подробнее см.: Connors L. The Emperor's Adviser. Saionji Kimochi and Pre-War Japanese Politics. L., 1987 (главы 3–4).

Такабатакэ и Икки Кита, крестьянской национальной утопии Нариаки Гондо и Косабуро Татибана, радикальном национализме реформаторского типа Синкити Уэсуги, Кингоро Хасимото и даже генерала Садао Араки. Некорректно называемая «фашистской» и некритично загнанная в единые скобки «японского национализма», эта идеология стала вызовом кризису и попыткой (точнее совокупностью попыток) найти выход из него революционным путем.

История консервативной революции в идеологии и политике Японии от Мэйдзи исин до 1945 г. — один из важнейших сюжетов японской истории в целом (автором этих строк завершена первая в отечественном и мировом японоведении монография на эту тему. — *Ред.*). Она убедительно показывает сильные и слабые стороны как «мэйдзийской модели», так и японского варианта консервативной революции, существенно отличавшегося от германского, итальянского, французского или русского (сменовеховство и евразийство). Сочетание консервативно-революционных идей с милитаризмом, национализмом этнократического, ксенофобского типа и с политическим экстремизмом привело к плачевному итогу. В несомненном «активе» остались государственно-социалистический эксперимент в Маньчжурии⁶, военная экономика, создание дееспособной авторитарной политической элиты, моральное воспитание и подъем национального духа. Все это помогло Японии продержаться так долго в фатальной борьбе за существование.

Но в неизбежном «пассиве» оказались заговоры, путчи, убийства, неповиновение и безответственность. Кульминацией этих событий стал пресловутый «инцидент 26 февраля» 1936 г.⁷, бунт, к которому как нельзя лучше подходит пушкинское определение «бессмысленный и беспощадный». Организаторы мятежа действительно вдохновлялись одной из форм консервативно-революционной идеологии (государственный социализм Икки Кита), но наиболее экстремистской, утопической и потому тупиковой. После этого правящая элита объединилась в стремлении не допустить уже больше никакой революции. Но кризисные явления, вызванные пароксизмами милитаризма и общим ухудшением международной обстановки, нарастали и требовали срочного ответа. Ответом стала так называемая «новая структура» — последний в истории Японии масштабный консервативно-революционный проект и — волею судеб — последняя попытка само-

⁶ Нельзя не согласиться с замечанием С.Огата: «Маньчжурский инцидент (в данном случае собирательное название действий Японии в Китае в 20–30-е годы. — В.М.) был частью национально-социалистического движения» (*Ogata S. Defiance in Manchuria: the Making of Japanese Foreign Policy. 1931–1932. Berkeley. 1964, p. 188*).

⁷ Подробнее см.: *Молодяков В.Э.* «Инцидент 26 февраля» шестьдесят лет спустя. — Япония. Ежегодник. 1995–1996. М., 1996, с. 214–229.

реформирования, предпринятая режимом, унаследовавшим созданное Мэйдзи исин.

* * *

Приходится признать, что история «новой структуры» (ее еще называют «системой 1940 г.») не только не осмыслена в полной мере, но просто слабо изучена даже в самой Японии⁸. Не удивительно и то, что никто не рассматривал ее в контексте консервативной революции. Цель настоящей работы — анализ «новой структуры» именно в этом контексте, потому что ее история в целом (политические, социальные, экономические, государственно-правовые и прочие аспекты) заслуживает специального монографического исследования. Таким образом, нами поставлена задача рассмотреть в общих чертах последнюю попытку режима реформироваться изнутри на консервативно-революционных началах и выяснить, что из этого получилось и почему.

Необходимость реформы политической системы во второй половине 30-х годов не вызвала сомнений у большинства даже относительно нерадикальных политиков. На повестку дня снова встал вопрос о роспуске партий, дискредитировавших и самих себя, и существующую многопартийную систему. Так, партия Сэйюкай уже с середины 30-х годов фактически перестала существовать как единое целое, расколовшись на фракции Накадзима и Кухара: председатель партии Кисабуро Судзуки был прикован к постели до конца жизни, и руководство партией был призван осуществлять специальный комитет, единства мнений в котором тоже не было. Мелкие партии национально-социалистической и государственно-социалистической ориентации и даже Социалистическая массовая партия склонялись к необходимости создания единой централизованной тоталитарной «партии нового типа» по итальянскому или германскому образцу. Дольше всех сопротивлялась более монолитная либеральная партия Минсэйто.

Формирование единой националистической партии с неизбежным национально-социалистическим оттенком должно было стать первой ступенью создания «новой политической структуры», контуры которой были еще очень неопределенными (название появилось раньше концепции). Еще в начале 30-х годов эту идею пропагандировал видный деятель Сэйюкай и дипломат Каку Мори⁹, пользовавшийся поддержкой председателя партии

⁸ Лучшие работы: *Акаги Суруки*. Коноз синтайсэй то ёкусинкай. («Новая структура» Коноз и Ассоциация помощи трону). Токио, 1975; *Ито Такаси*. Коноз синтайсэй: тайсэй ёкусинкай-э-но мити («Новая структура» Коноз: путь к Ассоциации помощи трону). Токио, 1983. Равноценных работ на эту тему за пределами Японии практически нет.

⁹ Единственное серьезное исследование его жизни и деятельности: *Ямаура Канъити*. Мори Каку. Токио, 1941. Книга вышла с предисловием тогдашнего премьер-министра Фумимаро Коноз.

Судзуки и военных кругов. Затем депутат парламента от Сэйюкай Ёсукэ Мацуока подхватил эту идею¹⁰, но, в отличие от Мори, он видел центр «новой структуры» не в Сэйюкай, а вне существовавших партий. Партии уже были фактически бессильны в принятии решений, но сохраняли за собой формальное участие во власти через парламент и, что немаловажно, соответствующие блага и возможность привлекать к себе внимание. Поэтому предложенный военными кругами в конце 1936 г. проект реформы парламентской системы с формальным отказом от принципа партийных кабинетов вызвал большую тревогу и возмущение у руководящих партийных функционеров. Они не претендовали на реальную власть, но требовали не лишать их *raison d'être*, потому что в противном случае существование партий становилось просто бессмысленным. Просьбу уважили. Также не прошло предлагавшееся решение «лишать парламент полномочий принимать резолюции, осуждающие деятельность правительства»¹¹.

Новая партия нуждалась прежде всего в лидере, к которому предъявлялось сразу множество требований. Он должен быть не военным (или по крайней мере достаточно давно оставить службу), не представителем руководства нынешних коррумпированных и беспомощных партий, не экстремистом, но в то же время и не западником, а человеком с достаточным реформистским потенциалом, приемлемым для армии и двора, популярным в «народе» (хотя бы у среднего класса) и способным достойно представлять «лицо» Японии для внешнего мира. Одновременно исключался «фюрер», диктатор, даже потенциальный «сёгун». Как говорил в начале 30-х годов генерал Садао Араки: «Диктатор! Как может страна, имеющая три священных сокровища (меч, зеркало и магатама. — В.М.), желать диктатора? Япония не нуждается в Гитлере или Муссолини»¹². Новый лидер должен быть достаточно «пассионарным» (по терминологии Л.Н.Гумилева), но при том и управляемым, чтобы исключить проявление «фюрер-комплекса».

Найти такого лидера было трудно. Барон Киитиро Хиранума был слишком правым, виконт Нобуаки Макино — слишком западником. Итиро Хатояма (один из лидеров Сэйюкай, а впоследствии премьер) был точно определен принцем Сайондзи как «politician», но не «statesman» (так в оригинале; в японском языке обоим понятиям соответствует слово «сэйдзика»). Бывший премьер, дипломат Коки Хирота, финансист Сэйхин Икэда или промышленник Тикухэй Накадзима не имели никакого желания включаться в партийную работу. Оставался еще президент Южно-Маньч-

¹⁰ *Matsuoka Y. Dissolve the Political Parties. — Contemporary Japan. Vol. 2. 1934. № 4 (March).*

¹¹ Цит. по: История войны на Тихом океане. Пер. с яп. М., т. 2. 1957, с. 65.

¹² *Byas H. Government by Assassination. N.Y., 1942, p. 147.*

журской железной дороги Ёсукэ Мацуока, но он не имел необходимой массовой поддержки.

Можно сказать, что само небо послало Японии такого человека в лице принца Фумимаро Коноэ (1891–1945), идеально сочетавшего в себе все требуемые черты¹³. Представитель одной из древнейших аристократических фамилий, состоявшей в родстве с императорским домом, — и политик с несомненно популистскими чертами. Сын известного националистического лидера, сам романтик-националист — и европейски образованный человек, воспитанник советника императора Сайондзи, который одно время рассчитывал подготовить из него своего преемника. Будучи депутатом палаты пэров со студенческих лет и в 1921 г. даже ее председателем, он в то же время не был связан ни с одной политической партией, фракцией или группировкой. Пассионарий, «глобалист», мечтатель — и человек, умеющий подбирать себе умных и способных советников и прислушиваться к их мнениям.

В молодости Коноэ увлекался идеями социализма, некоторое время был западником, потом сблизился с радикалами-националистами, пользовался неизменной симпатией в армейских кругах в целом и вместе с тем не вызывал беспокойства у двора и самого императора. Кроме того, по японским стандартам Коноэ был молод для политика (но уже имел достаточный политический опыт), импозантен, отличался высоким ростом и безукоризненными манерами и равно вызывал симпатии как у решительных генералов, так и у иностранных дипломатов.

Идея создания новой единой партии с самого начала привлекала Коноэ¹⁴ не только потому, что его намечали в лидеры. Быть диктатором он ни в коей мере не хотел, да и не мог, видя свое предназначение в ином. По характеру личности Коноэ был «королем, которого играет свита», но ни в коем случае не марионеткой людей, стоявших за ним! «Меланхолический принц» (как его прозвали в политических кругах) отличался склонностью к глобальным реформаторским проектам, которые кому-то надо было доводить «до ума» и исполнять. В середине 30-х годов вокруг него сгруппировались люди, связанные с ним личной дружбой, общностью взглядов на события в стране и мире и видения целей. Прежде всего — это маркиз Коити Кидо, Акира Кадзामी, член палаты пэров Ёриясу Арима, Хидэдзи Ясуи. Именно они были ядром первого и второго кабинетов

¹³ О Коноэ написано очень много. Основной биографический источник: *Ябэ Тэйдзи*. Коноэ Фумимаро. Токио, 1951–1952, т. 1–2; лучшее монографическое исследование: *Ока У.* Коноэ Fumimaro. A Political Biography. Lanham-New York, 1992. См. также: *Молодяков В.Э.* Геостратегия «меланхолического принца» (проекты и свершения Фумимаро Коноэ). — Япония. 1994–1995. Ежегодник. М., 1995, с. 215–232.

¹⁴ Подробнее см.: *Ито Такаси*. Коноэ синтайсэй..., с. 15–94.

Коноэ, именно они разработали проект «новой политической структуры» и попытались реализовать его.

В 1937 г. была создана Лига по мобилизации национального духа во главе с самим премьер-министром Коноэ — первый вариант будущей партии. В 1938 г. разговоры о создании единой партии нового типа становятся открытыми, а проект даже обсуждался в правительстве. Партийные лидеры постепенно стали понимать, что интеграция их партий в единое целое — процесс неизбежный и в общем-то не зависящий от их воли и желания. Новая партия должна была объединить как можно больше различных политических и общественных сил, поэтому ее программа должна быть достаточно расплывчатой. Кроме того, общество усиленно продвигалось по пути унификации идеологии. О «реставрации Сёва», конечно, никто больше не вспоминал, но «новая структура» с единой партией в центре воплощала ее главные цели — ликвидацию многопартийной системы, лишение парламента и коррумпированных «политиканов» какой бы то ни было возможности влиять на ход событий, духовное и идейное объединение нации. В какой-то степени «новая структура» должна была стать политическим аналогом кокутай. Императору отводилось место «над» ней, а главой «структуры» должен был быть его полномочный представитель в политике, т.е. премьер-министр.

Но нельзя было сбрасывать со счетов национальные особенности. Вскоре для всех стало очевидным, что в условиях Японии создать однопартийную систему в том виде, в каком она существовала в Италии, Германии и СССР, едва ли получится. В этих странах правящие партии, во-первых, с самого начала отличались монолитностью и единством (с поправкой на неизбежную борьбу в руководстве, но преимущественно личного, а не принципиального характера), а не были результатом слияния разнородных сил. Во-вторых, они сформировались задолго до прихода к власти и прошли длительный путь борьбы за власть со всеми остальными партиями и силами, что неизбежно способствовало единству и консолидации их рядов. В-третьих, на момент прихода к власти партии были относительно немногочисленными, но предельно дисциплинированными и мобильными — их численность автоматически росла по мере укрепления власти.

Однако в Японии все было наоборот. Не могло быть и речи ни о какой партийной дисциплине, ни о каком организованном единстве — в этом убеждал пример всех существующих партий, особенно Сэйюкай. Даже идейного единства можно было достичь только на основе самых общих и потому ни к чему не обязывающих принципов. Создание новой партии (задуманной как вечно-правящая) стало бы лишь союзом, а точнее компромиссом разных групп правящей элиты. Партия не имела бы опыта борьбы за власть, а без такого опыта сформировать дееспособную партию едва

ли возможно. Наконец, и в Италии, и в Германии, и в СССР люди, находившиеся у власти были сначала членами партии, а потом чиновниками (за исключением фон Нейрата и некоторых других в Германии). В Японии же чиновникам предстояло стать членами партии.

Иными словами, требовалось создать что-то иное, нежели политическая партия, пусть даже советского или германского образца, когда она становится парастагосударственной структурой. Как показал последующий опыт, именно превращение партии из немногочисленного, но дисциплинированного, жестко структурированного и мобильного «ордена меченосцев» (определение И.В.Сталина) в аморфную, неповоротливую, а потому плохо контролируемую парастагосударственную или квазигосударственную структуру создает условия для разложения режима изнутри, если не является главной причиной этого. Поэтому встал вопрос: что может заменить партию в качестве основы «новой структуры»? На каких идейных и организационных основах может быть создано нечто, отвечающее всем предъявляемым требованиям, привлекательное для масс и, главное, жизнеспособное?

Альтернатива сложилась следующим образом: или массовое общественно-политическое движение или парастагосударственная бюрократическая структура. И то, и другое переросло рамки партии и могло объединить нацию и идейно, и организационно, и политически. Вопрос заключался в отношениях с государством: в первом случае движение подавляло государство, во втором — движение подчинялось государству и фактически становилось его частью.

Учение о Движении (*Bewegung*) было сформулировано философом и юристом Карлом Шмиттом в сборнике 1935 г. «Движение, Государство, Народ»¹⁵. Движение — это больше, чем партия — «орден меченосцев», но это, пользуясь терминологией христианской литургии, «верные», а не «оглашенные». А партия составляет организующий костяк, так сказать, скелет Движения. До недавнего времени в отечественной литературе эта тема была запретной, поскольку Движение — определяющий признак тоталитарного режима — неизбежно предполагает массовость, а творцы «удобной истории» предпочитали молчать о той массовой поддержке, которую получали тоталитарные режимы. Знаменитый японский политолог Масао Маруяма справедливо заметил, что «самое деспотичное правительство не может существовать без минимальной поддержки со стороны подданных»¹⁶.

В Японии Движение — многочисленное и в то же время монолитное — должно было стать прочной основой режима, гарантом постоянной массо-

¹⁵ Впервые этот сборник был издан в 1933 г. в Гамбурге; в 1939 г. переведен на японский язык и опубликован в Токио с предисловием Масао Маруяма.

¹⁶ Маруяма М. Дзэнсю (Полное собрание сочинений). Токио, т. 3. 1995. с. 299-300.

вой поддержки или по крайней мере пассивного одобрения и принятия его политики при всех возможных переменах и перестановках в рамках существующей правящей элиты (но не смены элит, которую оно было призвано предотвратить). Так предполагалось покончить с хаосом партийной политики и легитимизировать сложившийся баланс сил. С либеральной демократией это имело мало общего, а потому после второй мировой войны учение о Движении объявили сугубо тоталитарным, а его самое — одной из ипостасей тоталитаризма, предшествующей захвату власти и созданию режима. Но в Японии режим создавал Движение, а не наоборот. Современный исследователь И.В.Мазуров выделяет следующие признаки Движения: 1) цель — установление диктатуры в какой-либо форме; 2) обращение к силе в качестве главного аргумента для достижения цели, а отсюда террористические потенции Движения; 3) неприятие оппозиционных мнений; 4) идея мессианства¹⁷.

Эта характеристика в целом верна, хотя несколько прямолинейна. Консервативно-революционное начало присутствует в Движении наряду с экстремистским, но консервативная революция по своей истинной сути не тоталитарна, а авторитарна. Нельзя не согласиться с мнением того же исследователя: «В отличие от авторитарного режима, где террор касается только противников режима, тоталитарный террор направлен как против противников, так и против сторонников»¹⁸. Если исходить из этого (очень существенного!) признака, политический режим в предвоенной Японии в отличие от Германии или СССР был именно авторитарным, а не тоталитарным. Это же позволяет говорить о существенном консервативно-революционном элементе в политической системе довоенной Японии, прежде всего в «новой структуре». Однако экстремистские и тоталитарные тенденции в ней, несомненно, присутствовали.

Проследить судьбу двух тенденций — радикально-массовой (Движение) и бюрократической (парагосударственная структура) — в истории «новой структуры» лучше всего позволяет Ассоциация помощи трону (АПТ), ставшая ее ядром. Движение за организационное оформление «новой политической структуры» приняло законченный характер летом 1940 г., хотя еще 25 марта группа депутатов от разных партий создала «Лигу [депутатов парламента] по завершению священной войны» — первый шаг к будущему объединению. Кабинет адмирала Ёнаи энтузиазма не проявил, что и решило его судьбу. 24 июня Коноэ подал в отставку с поста председателя Тайного совета (он занял этот пост в январе 1939 г., сменив Хиранума в результате своеобразной рокировки — последний вместо него, наконец-то,

¹⁷ Мазуров И. В. Японский фашизм. М., 1996, с.12.

¹⁸ Там же.

стал премьер-министром), оповестив, что решил посвятить себя исключительно Движению за создание «новой структуры». Таким образом он фактически заявил о себе как о потенциальном лидере сильной оппозиционной партии и наиболее вероятном будущем премьере (группа Кидо-Арима-Кадзами негласно наметила его на этот пост уже в конце мая).

В дальнейшем все пошло, как по маслу. 6 июня самораспустилась Социалистическая массовая партия (первой из всех!), заявив об этом еще в день отставки кабинета Коноэ. Активную роль в объединении сил в поддержку «новой структуры» сыграл Кацумаро Акамацу. Фракции Накадзима, Кухара и Хатояма (Сэйюкай) согласились с Коноэ и тоже стали готовиться к самороспуску. 7 июля на пресс-конференции в Каруидзава принц подчеркнул несвязанность создания «новой структуры» и кризиса власти, видимо, желая снять с себя ответственность за неминуемое падение кабинета Ёнаи и скрыть очевидное стремление самому занять пост премьера. 16 июля кабинет Ёнаи подал в отставку; в тот же день самораспустилась фракция Кухара, а до того о самороспуске объявили Японская федерация труда (Нихон родо содомэй) и несколько профсоюзов. Последний факт особенно знаменателен — «новая структура» предполагалась уже не как конгломерат бывших партий, но должна была включить в себя профсоюзы, общественные организации, творческие союзы и т.д.

Нетрудно догадаться, что формирование кабинета император поручил Коноэ. На так называемом совещании в Огикубо 19 июля было достигнуто принципиальное согласие с армией и флотом относительно состава и позиции будущего кабинета, который был окончательно сформирован три дня спустя. В него вошли как люди из ближайшего окружения принца (Кадзами, Ясуи, Томита) и политики консервативно-революционной ориентации (Хосино), так и представители радикально-милитаристских кругов (Тодзио). Пост министра иностранных дел занял Мацуока. Будущей неизбежной унификации общественно-политических сил больше других сопротивлялись Минсэйто, кроме группы Рютаро Нагаи (до 15 августа), и радикальные националистические партии и группы — Народный союз Кэндзо Адати (до 26 июля), Партия молодежи Великой Японии Кингоро Хасимото, парафашистское Общество восточного направления Сэйго Накано и Лига строительства Восточной Азии под руководством адмирала Нобумаса Суэцугу. Правые опасались (и не без оснований), что «новая структура» задумана лишь для спасения старых политиков и их фракций, а не для создания Движения, к чему они искренне стремились.

Так сформировалась группа сторонников Движения, радикализм которых превосходил реформаторский прагматизм круга Коноэ-Кидо-Арима-Кадзами. Ее ядро составили Хасимото, Накано, Суэцугу, Адати и Кодама. Напомним, что в 1939–1940 гг. к союзу с Накано и Адати стремились сна-

чала Национально-социалистическая партия Акамацу, а затем и Социалистическая массовая партия. Хасимото возглавлял многочисленную Партию молодежи Великой Японии (Дайнихон сэйнэн-то)¹⁹, известную ксенофобией и весьма оригинальным флагом: белый круг на красном фоне. Журналист, интервьюировавший Хасимото еще летом 1937 г., отметил, что это довольно дерзко представляет «японский флаг наоборот»²⁰. Кстати заметим, это еще и вариант флага нацистской Германии, только без свастики в круге. Что же касается Суэцугу, то он был известен своим несвойственным для флота экстремизмом: в 1937 г. радикалы прочили его на пост морского министра в кабинет Хаяси, но командование предпочло «умеренного» Ёнаи. В декабре 1937 г. Суэцугу был назначен министром внутренних дел в кабинет Коноэ вместо умиравшего Баба, ознаменовав свое назначение массовыми арестами оппозиции буквально на следующий день²¹. Его группа попыталась захватить руководящие позиции в Ассоциации помощи трону — наиболее важном элементе создававшейся «новой структуры»²².

В августе был создан Инициативный комитет друзей новой структуры (Синтайсэй сокусин досикай), вскоре обнародовавший свою программу. В ее основу было положено «полное уничтожение существовавшей в прошлом системы индивидуализма в политической, экономической и культурной областях»; она базировалась на «единой государственной идеологии, помогающей народу целиком посвятить себя служению императору» и отрицании «идеи, признающей примат экономических интересов» и «прежнего идеала выборной партии, ядром которой являлась парламентская фракция»²³. «Новая политическая структура» должна была играть роль «посредника, доводящего мнение верхов до низов и мнение низов до верхов, органически объединяя их»²⁴. Все это свидетельствует о том, что задумывалась не «партия», как упорно пишут японские авторы «Истории войны на Тихом океане», но нечто большее.

В этой же работе отмечается: «Авторы «Программы новой структуры» более всего опасались, что движение за новую структуру примет форму движения за идеологическую мобилизацию масс и будет играть роль про-

¹⁹ См. подробнее: *Киносита Хандзи*. Нихон коккасюги ундо си (История японского национал-этнистского движения). Токио, т. 2, 1952, с. 519-540.

²⁰ *Fleisher W.* Volcanic Isle. N.Y., 1941, p. 101.

²¹ См.: *Цейтлин И.* Назначение Суэцугу и новое наступление фашизма в Японии. — Тихий океан. 1938, № 1. Интересно, что в Японии до сих пор не существует ни одной биографии Суэцугу.

²² См.: *Ито Такаси*. Коноэ синтайсэй..., с. 200-211.

²³ Цит. по: История войны на Тихом океане, т. 3, с. 68. Подробнее см.: *Ито Такаси*. Коноэ синтайсэй..., с. 140-145.

²⁴ История войны на Тихом океане, т. 3, с. 69.

стого аппарата усиления и поддержки бюрократической системы. В таком случае не только отпадала сама причина организации новой структуры, но и возникал вопрос, какую же роль будут играть ее создатели»²⁵. Этот принципиальный вопрос нуждается в разъяснениях.

Авторы концепции из круга Коноэ, а особенно радикалы из группы Хасимото-Накано-Суэцугу как раз хотели видеть «новую структуру» в том числе «движением за идеологическую мобилизацию масс», но не «простым аппаратом усиления и поддержки бюрократической системы», противопоставляя одно другому. Коноэ рассчитывал строить отношения «новой структуры» с государством на паритетных началах, предполагая лично сочитать посты премьера и главы Ассоциации помощи трону, а через нее управлять и всей «новой структурой». Радикалы же хотели превратить «новую структуру» в максимально независимое от государства, действительно массовое общественное Движение, рассчитывая таким образом приобрести для себя значительную власть. На начальном этапе — в противодействии бюрократам — их интересы совпадали, поэтому не удивительно, что в состав инициативного комитета (26 человек; список был опубликован 23 августа), помимо Хасимото, Накано, Суэцугу, вошли также известные лидеры «бюрократов-реформаторов» Фумио Гото и Тосио Сиратори, а также ряд ближайших соратников Коноэ. Представителей руководства самораспустившихся «старых» партий в комитете не было.

Проект «новой структуры»²⁶ был весьма расплывчат и неконкретен. Духовные основы программы (отрицание индивидуализма и материализма, призыв посвятить все служение императору, единство и дисциплина, апеллирование к учению о кокутай, стремление обеспечить обратную связь «низов» и «верхов») однозначно свидетельствуют о консервативно-революционной ориентации ее идеологов, опиравшихся на Традицию и в то же время замысливших самую радикальную общественно-политическую реформу в Японии со времен Мэйдзи исин. Причем в отличие от государственно-социалистической утопии Икки Кита и экстремистского романтизма (или романтического экстремизма) эта программа была однозначно позитивной, т.е. имела конечной целью созидание, а не уничтожение. В то же время уничтожение старого, «больного» должно лишь послужить делу обновления. В этой части программа была достаточно конкретной — оставалось претворить ее в жизнь.

Усилиями Коноэ и его сторонников (имевших большинство в правительстве) и при поддержке как лидеров бывших партий, так и правых радикалов проект «новой структуры» стал фактически официальной програм-

²⁵ Там же.

²⁶ См.: Ито Такаси. Коноэ синтайсэй..., с. 145-155.

мой не только кабинета, но и государства в целом. Выступать против нее было по меньшей мере непатриотично. Но это не значит, что у этого глобального проекта не было противников. Более всего встревожились консерваторы «классического» типа, отчетливо проявив свою несовместимость с подлинной консервативной революцией. Ход их рассуждений можно представить себе примерно следующим образом: если «новая структура» и конкретно АПТ есть массовое и независимое от государственного аппарата Движение, то она представляет потенциальную угрозу государству как конкурент, вне зависимости от ее идеологии. Чем радикальнее Движение, тем опаснее — неважно, правый это радикализм или левый. Если «новая структура» призвана усиливать государственный аппарат, то, во-первых, она должна ему непосредственно и во всем подчиняться, а во-вторых, зачем эта двойственность, дробление функций. Консерваторы, пожалуй, предпочли бы, чтобы никакой «новой структуры» вообще не было, но раз уж она появилась и снискала такую поддержку, то надо взять ее под свой контроль. Возглавил этих людей не кто иной, как барон Киитиро Хиранума, превратившийся к тому времени из правого радикала и союзника национальных социалистов, каким он был в начале 30-х годов, в самого заурядного «охранителя».

Именно из этих кругов исходили толки, что «новая структура» — только предлог для установления полного государственного контроля в экономике, а затем и госсоциализма. Снова появился призрак «реставрации Сёва». Отставные генералы Янагава и Обата из разгромленной армейской фракции императорского пути (Кодоха) занялись усиленными поисками «красных» среди деятелей «новой структуры» и «бюрократов-реформаторов». По всей видимости, дирижировал этой кампанией Хиранума.

В сентябре наконец-то было официально провозглашено создание Ассоциации помощи трону, и правительство назначило членов ее руководства. Номинальным председателем стал Коноэ, фактическим — генеральный директор и начальник департамента общих дел Арима. В руководстве явно преобладали реформаторы и радикалы вроде Гото, с одной стороны, и Хасимото, Накано и Суэцугу — с другой. Поэтому уже в одном из первых официальных заявлений Арима оправдывался: «Будущее ограничение экономической деятельности отдельных личностей и групп неизбежно, но в создание контролируемой экономики не заложен расчет на продвижение Японии к социализму или коммунизму. Идея принесения в жертву частных интересов ради общего блага входит в важнейшие планы ассоциации и базируется на концепции служения в первую очередь обществу. Но это не означает отрицания личных интересов»²⁷. Тем не менее симпатии «бю-

²⁷ Цит. по: *Fleisher W. Volcanic Isle*, p.109.

рократов-реформаторов» и «технократов-реформаторов», главным образом из министерства торговли и промышленности и Планового бюро, к советской командно-административной системе были хорошо известны еще со времени начала Маньчжурского эксперимента — только теперь представители этих кругов (Гото, Хосино, Кая, Киси) занимали видные посты как в правительстве, так и в АПТ²⁸.

Важной особенностью идеологии «новой структуры» было подчеркивание ее оригинального, даже уникального, сугубо японского характера. Эту идею усиленно пропагандировал сам Коноэ, предпочитая теперь не вспоминать свою прежнюю приверженность чисто европейскому принципу «одна страна — одна партия» (в АПТ его отстаивал Накано, верный нацистскому канону). Фактически повторяя слова Хиранума почти десятилетней давности и ссылаясь на кокутай и императорскую систему, Суэцугу заявил, что «японский тоталитаризм принципиально отличается от европейского»²⁹. Действительно, принципиальным отличием тогдашней Японии от других тоталитарных держав было сохранение существующей Традиции (пусть и с неизбежным упрощением и даже искажением), но именно поддержание ее непрерывности, а не изобретение новой (СССР, Италия) или попытки «восстановить», а точнее создать заново нечто существовавшее много веков назад или полумифическое (Германия).

Однако далеко не все зависело от руководителей и идеологов «новой структуры» и АПТ, не все было в их власти. Военные круги воспринимали их не слишком серьезно и видели в их существовании единственную практическую пользу — помочь дальнейшей мобилизации нации на военные усилия. Деловой мир, как уже говорилось, был обеспокоен возможными издержками государственного контроля и регулирования. Бюрократы-консерваторы готовились сразиться с возможным соперником, выставляя в качестве предлога идеологические мотивы, а именно насаждение в Японии чуждых ей взглядов, будь то фашизм или коммунизм. АПТ неизбежно зависела от правительства: она пока не превратилась в его придаток, но поле ее самостоятельной деятельности было чрезвычайно узким. Наконец, и в собственных рядах АПТ не было полного единства мнений между реформаторами и радикалами. Именно реформаторы представляли консервативно-революционное крыло «новой структуры», в то время как радикалы постепенно все более склонялись к копированию нацистской модели. Но дни и тех, и других были сочтены.

²⁸ См.: Киси Нобусукэ-но кайсороку (Воспоминания Нобусукэ Киси). Токио, 1981, с. 16-17, 35-46.

²⁹ Asia. 1941, № 2, p. 58.

Вторая половина 1940 г. стала временем разработки проектов «новой экономической структуры»³⁰, которая позднее — с некоторыми изменениями — составила основу военной экономики Японии. (Необходимо новое исследование этой кардинальной проблемы, которая в последние десятилетия почему-то ушла из поля зрения японоведов.) Работа над проектами объединила реформаторов и в то же время вызвала тревогу у представителей могущественных «старых концернов» и банков, которые сначала стали один за другим отказывать АПТ в финансировании (государство у условиях подготовки к «большой войне» не могло взять все расходы на себя), а затем прямо действовать через правительство. Попытки свалить кабинет Коноэ были решительно пресечены, поскольку принц по-прежнему оставался исключительно популярным национальным лидером, но 6 декабря в правительство был введен Хиранума в качестве государственного министра. Это уже означало, что «второй кабинет Коноэ превратился в коалиционный кабинет Коноэ-Хиранума»³¹. Лидер консерваторов открыто и жестко критиковал АПТ за попытки занять равное с правительством положение, и подготовленный реформаторами проект «Основные принципы создания новой экономической структуры» был провален³².

Сделано это было как раз вовремя, потому что, по наблюдению Ричарда Сторри, «в последние месяцы 1940 г. Коноэ утратил контроль над АПТ, и в ней стало доминировать влияние таких деятелей, как Хасимото, Накано и Камэй»³³. Следует добавить, что в октябре Суэцугу стал председателем так называемого «Центрального совета сотрудничества» — он возглавлял систему «советов сотрудничества», которые были призваны осуществлять «обратную связь» центра и местных организаций и филиалов АПТ. Беспокойство вызывали экстремистские речи Хасимото против бюрократов, полиции и «коммерциализма и системы личной выгоды»³⁴. Не исключено, что Коноэ пошел на компромисс с Хиранума ради возвращения себе контроля над АПТ: принц вообще был склонен к компромиссам ради осуществления своих глобальных проектов и при этом всегда проигрывал. В «отчете потомству», написанном уже после капитуляции Японии и распоряжения Макартура об аресте Коноэ (а возможно, и после принятия решения о самоубийстве), последний утверждал, что путем привлече-

³⁰ Профессор Токийского университета Тэцую Сакаи обратил внимание автора на то, что экономические проекты АПТ были несомненным ответом на советскую модель с заимствованием ряда ее элементов.

³¹ История войны на Тихом океане, т. 3, с. 78.

³² Ито Такаси. Коноэ синтайкэй, с. 180-183.

³³ *Storry R. The Double Patriots. A Study of Japanese Nationalism. L., 1956, p. 279.* Канъитиро Камэй — видный теоретик национального социализма.

³⁴ *Tolishus O. Tokyo Record. N.Y., 1943, p. 65.*

ния «старых» консерваторов вроде Хиранума он рассчитывал предотвратить «нацификацию» своего кабинета, АПТ и страны в целом³⁵. Не менее вероятно, однако, что компромиссный союз с Хиранума ему просто навязали.

Через полтора месяца со своих постов ушли ближайшие соратники Коноэ и творцы «новой структуры»: министр внутренних дел Ясуи и министр юстиции Кадзами, а их места заняли соответственно Хиранума и... Янагава. Трудно было сделать худший выбор с точки зрения «новой структуры». И не удивительно, что одним из первых шагов Хиранума после его нового назначения была встреча с патриархом деловых кругов Сэйхин Икэда. Затем Хиранума перешел просто к репрессиям. Группа чиновников Планового бюро и министерства торговли и промышленности, разрабатывавшая «реформаторский» проект, была арестована и отдана под суд (так называемое «дело красных»). Потом в отставку отправили начальника Планового бюро кабинета Наоки Хосино и заместителя министра торговли и промышленности Нобусукэ Киси (для «сохранения лица» оставил свой пост и главный их оппонент — министр торговли и промышленности Кобаяси). В феврале-марте следующего года Арима покинул пост генерального директора АПТ. Ценой этой жертвы Коноэ выполнил волю Хиранума (а может, и свое желание тоже) — ликвидировал политическое, плановое и парламентское бюро Ассоциации, в которых большинство имели радикалы и через которые они рассчитывали добиться самостоятельности АПТ и оказывать давление на правительство. Были устранены практически все реформаторы, национальные социалисты и радикалы. Единственное исключение составил популярный и заслуженный Суэцугу. В ходе следующих преобразований префектуральные филиалы АПТ были подчинены губернаторам, т.е. фактически министерству внутренних дел, возглавлявшемуся Хиранума. В то же время деятельность ассоциации стала более активно направляться вовне — в сторону «сферы процветания Великой Восточной Азии».

К весне 1941 г. АПТ полностью оказалась под контролем чиновников и утратила не только самостоятельность, но и самый смысл существования. Искренняя массовая поддержка, оказанная ей при создании, сменилась разочарованием и апатией. В ней был окончательно «восстановлен порядок», который, правда, попытался нарушить неугомонный министр иностранных дел Ёсукэ Мацуока³⁶. Опьяненный дипломатическими успеха-

³⁵ Коноэ Фумимаро-ко-но сюки. Усинаварэси сэйдзи (Воспоминания Фумимаро Коноэ. Проигранная политика). Токио, 1946, с. 27.

³⁶ *Крэнс Г.* Мацуока Ёсукэ то тайсэй ёкусинкай (Ёсукэ Мацуока и Ассоциация помощи трону). — Нихон-но киро то Мацуока гайко 1940–1941 (Япония на перепутье и внешняя политика Мацуока. 1940–1941). Токио, 1994.

ми (заключение Тройственного пакта и Пакта о ненападении с СССР), он вознамерился стать следующим премьером после Коноэ, который все более терял энергию, динамизм и «пассионарность». Мацуока был близок к реформаторам и особенно к радикалам, но те не очень спешили заключать с ним союз, видя в нем — кто чужака (он не принимал непосредственного участия в создании «новой структуры» и хотел придти на все готовое), кто опасного соперника (особенно амбициозный Суэцугу), кого-то не устраивала его приверженность идее войны против СССР (Сиратори, Татэкава, Хасимото). Мацуока не скрывал своих симпатий к нацизму, но, повторяя старую мысль об отличии японского тоталитаризма от европейского, провозгласил, что для Японии наилучшим вариантом будет не однопартийная система, а отсутствие партий вообще.

По свидетельству Кидо, Мацуока рассчитывал укрепить свои позиции в государственном аппарате через АПТ³⁷, но это ему не удалось, а в правительстве он натолкнулся на все возраставшую оппозицию со стороны Хиранума, усилившуюся за счет взаимной личной антипатии. Радикализм Мацуока во внешнеполитических вопросах превратился в неконтролируемый экстремизм, создававший угрозу не только стабильности кабинета, но и положению страны в мире. Мы не будем подробно останавливаться на причинах его отставки, заметим лишь, что определяющую роль в этом сыграла именно авантюристическая «дипломатия» министра в 1941 г., хотя и внутривластные и даже внутрибюрократические факторы были очень важны. Сам же Мацуока решительно относил свое падение за счет происков Хиранума и его окружения.

* * *

Таким образом, «новая структура окончательно и бесповоротно стала бюрократической организацией, похоронив все надежды и проекты консервативных революционеров как реформаторов в духе национального социализма, так и национал-радикалов. Замысел так и не был реализован в соответствии с желаниями его авторов и идеологов и, видимо, не мог быть реализован из-за недостаточно прочных позиций консервативных революционеров. Несмотря на то что они входили в правительство и пользовались довольно существенной массовой поддержкой, «охранители» из бюрократических и деловых кругов оказались сильнее и не дали развиваться революционному импульсу даже в его радикально-реформаторской форме (речь, естественно, не шла об упразднении императорской системы, провозглашении коммунизма и т.д.). «Новая структура» с годами становилась все более неповоротливой и очевидно ненужной: в январе 1945 г. АПТ и

³⁷ Кидо никки (Дневник [Коити] Кидо). Токио. т. 2, 1966, с.887.

большинство связанных с ней организаций были распущены за ненужностью. Это было откровенным признанием краха последней попытки режима реформировать себя изнутри. Неудача «новой структуры» стала концом консервативной революции в Японии, но все-таки оставила нерешенным вопрос о «мэйдзийской модели развития» и ее жизнеспособности.

Трансформация структуры правящего слоя Японии в 1853—1871 гг.

К.Г.Виноградов

Темой настоящей статьи стали некоторые аспекты социальных изменений в 1853—1871 гг., т.е. начиная с того момента, когда Япония впервые встала перед лицом угрозы со стороны мировых держав, и до того времени, когда уже можно было говорить о первых итогах нового правления, которое собственно и называется эрой Мэйдзи.

Прочно укоренившийся в советском японоведении перевод термина «Мэйдзи исин» как «революция Мэйдзи» вряд ли был продиктован лишь идеологическими соображениями. Однако подобное определение ставит Мэйдзи исин в один ряд с такими явлениями, как французская революция 1789 г. или Октябрьская революция 1917 г. в России. Конечно, изменения в структуре государственного управления, идеологии, экономике носили радикальный, подчас революционный характер. Однако, если их считать основным критерием оценки, можно привести веские доводы в защиту определения Мэйдзи исин как «революция». Но дело в том, что в отличие от «типичных», «классических» революций Мэйдзи исин не повлекла за собой уничтожения больших социальных групп, тогда как во Франции и России большие группы населения, в особенности те, к которым можно отнести понятие «правлящий слой», подверглись уничтожению или изгнанию. Наоборот, и современники, и последующие исследователи подчеркивают, что правящий слой Японии, т.е. самурайство и аристократия, сумел удержать власть. Так, один из наиболее влиятельных умов Японии второй половины XIX в. Юкити Фукудзава писал, что «за последние 30 лет только самурайское сословие последовательно предоставляло Японии современную

западную культуру, энергично растворяло ее в нашей нации, осуществляло великие реформы в период реставрации, проводило новую прогрессивную политику»¹.

Современный японский историк Хидэхиро Сонода утверждает, что «Мэйдзи исин не была ни политической реформой, направленной на свержение политического режима, поддерживаемого самурайским сословием, ни социальной революцией, осуществленной несамурайскими классами»².

В Японии периода Мэйдзи были юридически закреплены самурайское сословие и аристократия. По положению на 1881 г., 70% постов в армии, флоте, центральных и местных органах правительства занимали самураи, бывшие таковыми еще до 1867 г., причем среди высших должностных лиц их насчитывалось более 90%³. Однако при этом полностью изменилась структура управления страной. На смену системе княжеств, объединенных под властью сёгунов — военных правителей Японии, пришло единое централизованное государство. Самые высокие посты в нем заняли представители западных и юго-западных окраин, выходцы из среды среднего и низкорангового самурайства.

Какой же характер носили изменения внутри правящего слоя, каковы были основные движущие силы Мэйдзи исин?

С помощью формально-количественного метода мы решили выяснить расстановку и вертикальную мобильность социальных групп японского общества, более всего проявивших себя в период с 1853 по 1873 г.

Для анализа нами были выбраны следующие источники.

1. Тацуя Нарамото. Мэйдзи исин дзимбуцу дзитэн (Биографический словарь деятелей реставрации). Токио, 1968.

Словарь подготовлен к столетнему юбилею Мэйдзи исин. Он содержит 201 имя. Имена проставлены согласно японскому алфавиту. Отобраны наиболее типичные фигуры Мэйдзи исин. Тем самым объектом анализа становится надежная выборка, сделанная историей Японии и японскими историками. Словарь содержит наиболее полные сведения по самому интересному для данного исследования аспекту — социальному происхождению участников событий.

2. Мэйдзи исин дзиммэй дзитэн (Биографический словарь японских и европейских общественно-политических деятелей, участников реставрации Мэйдзи). Токио, 1981.

¹ Фукудзава Юкити. Фукуон дзидэн (Автобиография старого Фукудзава). Токио, 1899, с. 187-188.

² Sonoda Hidehiro. The Decline of the Japanese Warrior Class. 1840-1880. — Japan Review. 1990, № 1, с. 73.

³ Ibidem, p. 103.

Он содержит 5 тыс. имен, перечисленных в порядке японского алфавита. Этот источник включает почти все имена первого словаря и представляет дополнительные сведения о годах жизни, рисовой стипендии, выданных титулах по новой системе, введенной после 1884 г. (князь, маркиз, граф, виконт, барон).

В обоих словарях содержатся биографии деятелей периода 1853–1871 гг., а также некоторых лиц, не доживших до 1853 г., но чья деятельность имела значение для последующих событий. Весьма интересно было проверить применимость количественного метода для решения подобных задач. То, что объектом исследования является Мэйдзи исин, дает дополнительные преимущества. Информация по этому периоду обширна, имеется много исследований самых различных аспектов указанного явления, поэтому результаты количественного анализа могут быть сопоставлены с данными других источников и результатами других исследований. В сочетании с традиционными количественный метод позволяет точно определить расстановку сил, общие тенденции и масштаб явления.

НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И КРИТЕРИИ ОТБОРА

В качестве методики исследования был принят формально-количественный метод. Анализ проводился по следующим направлениям:

- 1) социальное происхождение;
- 2) возрастные показатели;
- 3) осуществление вертикальной мобильности (проблема «младших сыновей» и получение высших аристократических титулов по системе, введенной после 1884 г.);
- 4) принадлежность к княжествам и распределение участников по территории страны.

В интересах исследования персоналии разделены на группы по принципу социального происхождения. Деление произведено на основании работ западных историков У.Бисли и Дж.Сэнсома.

1. *Кодзоку* — *особы императорской фамилии* — ввиду небольшого числа представителей объединены нами в одну группу с аристократами, хотя формально императорская фамилия стоит выше аристократии.

Термин «*кугэ*» («*аристократы*») относился примерно к 150 семействам, до 1869 г. проживавшим в г.Киото. По своему положению семьи подразделялись примерно на семь разрядов. На самом верху находились пять семейств го-сэккэ — главные ветви дома Фудзивара, представители которых имели право занимать должность регента при императоре: Коноэ, Та-

кацукаса, Кудзё, Нидзё, Итидзё. Их рисовые стипендии варьировались от 1500 до 3000 коку⁴.

Ниже находились семь семейств сэйгакэ — шесть младших ветвей дома Фудзивара и семейство Минамото. Они имели право занимать должность дадзёдайзин (главного министра). К ним, собственно, и относился термин «кадзоку» (или «кувадзоку»), которым после 1869 г. стали обозначать всех кугэ и даймё.

В период Эдо (1603–1867) в разряд сэйгакэ были включены еще два семейства. Таким образом, в середине XIX в. туда входило девять семейств: Тэмпорин Сандзё, Имадэгава, Оигомон, Кадзанъин, Токудайдзи, Сайондзи — ветви дома Фудзивара, Кога — ветвь семейства Минамото, и вошедшие в период Эдо семейства Дайго (ветвь Фудзивара) и Хирохата (ветвь Минамото).

Далее шли так называемые дайджинкэ — две ветви семейства Фудзивара и одна ветвь семейства Минамото, имевшие право занимать должности правого и левого министров.

Ниже находились еще несколько уровней семейств, стипендии которых могли различаться от 100 до 300 коку риса.

Аристократы имели собственных вассалов, сходных с самураями. Вопрос о том, каково было реальное влияние императора и аристократии на политику в период Токугава (1603–1867) остается открытым, и единства мнений среди историков нет.

С уверенностью можно сказать лишь то, что жреческие функции императора и аристократии, а также хранимое ими культурное наследие, зачастую имевшее религиозный, сакральный подтекст, давали им существенные возможности. Недаром бакуфу (здесь правительство ставки) так зорко следило за тем, чтобы не допускать контактов отдельных даймё с императорским двором.

2. *Даймё (высшие самураи, главы княжеств)* — их можно назвать «аристократией меча» (около 250 семейств). К даймё относились лица, доход от владений которых превышал 10 тыс. коку риса.

3. *Хэйси (средние самураи)* — непосредственные вассалы ставки или княжеств. В ставке они назывались хатамото⁵, а в княжествах — по-местному. Общим для хэйси было право личной встречи с сёгуном (если они были вассалами ставки) или со своим князем (в княжествах). Бисли считает, что это было их главным атрибутом⁶. У бакуфу таких вассалов было

⁴ В то время рис считался основной мерой ценностей, доходы определялись в коку (180 л, или 150 кг) риса.

⁵ Переводится как знаменосец. Изначально термин означал штаб военачальника на поле сражения.

⁶ Beasley W. Y. The Meiji Restoration. Stanford, 1972, p. 24.

около 5200, а, например, в крупных княжествах Тёсю и Сацума их насчитывалось соответственно 2600 и 4000.

4. *Низкоранговые самураи*. Они в свою очередь тоже делились на ряды.

5. *«Новые самураи»*. Это — самураи в I, II, III поколениях.

6. *Духовенство*. Лица, либо происходящие из среды духовенства, либо являющиеся служителями культа.

7. *Простолюдины*. Лица, не имеющие самурайского звания и отношения к духовенству.

Вторым критерием стали показатели возраста в 1853 г., что дает возможность увидеть средний возраст участников Мэйдзи исин. Для корректности расчета и более точного представления о возрасте участников введен признак средней продолжительности жизни. Третьим критерием является осуществление вертикальной мобильности. Для этого проводился анализ проблемы «младших сыновей»⁷ и распределения высших титулов, пожалованных после 1884 г. участникам Мэйдзи исин.

В целях выяснения степени поддержки реформирования Японии отдельными местностями был исследован вопрос территориального происхождения каждого из участников Мэйдзи исин.

СУЩНОСТЬ ПЕРЕМЕН

Социальный состав участников Мэйдзи исин (1853–1871гг.). Согласно результатам количественного анализа полной смены господствующего слоя не произошло. Подавляющее большинство участников (86,5%) были самураями и аристократами, причем самураи составляли 76,1% общего числа участников событий.

Лидирующее положение занимали средние и низкоранговые самураи, затем «новые» (соответственно 23,8; 24,9 и 15%). Приблизительно поровну было аристократов, высших самураев и простолюдинов (10,3; 12,4 и 9,8%), при том что высшие самураи и аристократы вместе не составляли даже 0,1% общего числа населения⁸, а на простолюдинов приходилось более 80%. Наиболее активная часть последних стремилась примкнуть к самураям, влиться в их ряды.

Доля буржуазии, т.е. простолюдинов, занимавшихся предпринимательством и не принадлежавших крестьянскому сословию, была крайне низка — 3,1%.

⁷ Вторые и последующие сыновья.

⁸ В середине XIX в. население Японии составляло приблизительно 30 млн.

Город Осака — символ купеческо-ростовщической Японии — был представлен лишь одним участником — буддийским монахом Гэссё.

Тем не менее трансформация правящего слоя Японии в 1853–1871 гг. была весьма глубокой. Для того чтобы понять суть происшедших времен, обратимся к основополагающим принципам самурайского сословия в период Тогукава.

Юкити Фукудзава указывал, что самурайское сословие, внутри которого было более ста классификаций социального статуса, можно было успешно разделить на «вышую группу» (высшие и средние саураи) и «низшую группу» (низкоранговые самураи). Каждая группа отличалась от другой возможностями, сферой брачных связей, богатством, образованием, способами ведения хозяйства, обычаями повседневной жизни⁹. Различия в престиже и власти между этими двумя группами были столь глубоки, что внутри строго иерархизированного самурайского сословия они взаимно не пересекались. Надо сказать, что соотношение между обеими группами было примерно 1:10 (расчет произведен на основании данных по княжеству Сацума, Тёсю и владениям бакуфу).

Вся система была построена на принципе наследственности. Назначение на должность, рисовая стипендия являлись привилегией происхождения, рассматривались как неотъемлемая собственность¹⁰.

Однако внутри этой системы действовал также принцип «сёкубунсэй» («соответствие должности»). Он носил подчиненный характер, но в XVIII в. во владениях бакуфу вводится правило, по которому каждому официальному посту соответствует установленная рисовая стипендия. Лицу, занявшему какой-либо пост, доплачивалась стипендия в таком размере, чтобы в сочетании с наследственной это составило норму, определенную должностью. Сходная система была принята в большинстве княжеств. И, как пишет Бисли, между самураями началось соперничество за продвижение по службе, которое носило уже бюрократический характер. Однако должностная рисовая стипендия сохранялась лишь в период службы, наследственная же стипендия и положение оставались неизменными. До конца периода Тогукава преобладание наследственного принципа оставалось безусловным¹¹. Хотя, конечно, возможности повысить свой статус, особенно внутри группы были, но это не носило общего характера.

Влияние и последствия военных реформ. Все изменилось в связи с иностранным вмешательством. Желание противостоять нажиму извне привело к необходимости создания армии по европейскому образцу. «Но-

⁹ Japan Review. 1990, № 1, p. 78.

¹⁰ Ibidem, p. 106.

¹¹ Beasley W.J. The Meiji Restoration, p. 19.

вые» армии создавали как бакуфу, так и отдельные княжества. Появились соответствующие указы, предписывавшие набирать людей «без различия социального статуса», по принципу соответствия. Например, в заявлении по поводу основания военной «академии» ставка провозгласила следующее: «К настоящему времени основана военная академия для обучения стрельбе из лука, искусству владения пикой, плаванию и прочему по высочайшему повелению сёгуна. Отныне не только те лица, которые занимают государственные должности: вассалы высокого ранга (хатамото) и вассалы низкого ранга (гокэнин), но также их дети и зависимые не по линии родства люди, все те, кто желает, должны участвовать в сем начинании и ревностно упражняться в этих искусствах»¹².

В княжествах проводились сходные мероприятия. Например, в княжестве Вакаяма (преф. Вакаяма) в 1866 г. был издан следующий указ: «Без различия социального статуса внутри самурайского сословия, все самураи должны считать себя индивидуальными солдатами»¹³.

Затем началось «усреднение» наследственных стипендий, что объяснялось даймё следующим образом: «До сих пор стипендии, основанные на признании заслуг предков каждого самурая, распределялись неравно и, более того, военные обязанности каждого соответствовали статусу в самурайском сословии. Недавние военные реформы, однако, заставили всех самураев организоваться в стрелковые бригады, так что те, кто решил посвятить себя проведению этой военной реформы в жизнь, не будут рисковать в опасности без значительного отождествления между людьми высокого и низкого положения. Будет также невозможно поддерживать крепкую сплоченность без того, чтобы делить радости и тяготы высокого и низкого положения. Поэтому, хотя мне очень жаль, что люди высокого ранга будут страдать, решено коренным образом изменить несоответствия в стипендиях среди моих вассалов»¹⁴.

Были также открыты двери и для простолюдинов. «Новые» самураи в основном появились благодаря этому процессу. Однако они составляли лишь 20% общего числа самураев. Это подтверждает тезис о том, что в японском обществе военное дело считалось тогда сословной обязанностью самурайства, поэтому простолюдины не особенно стремились заниматься военным делом. Но для тех, кто хотел стать самураем, военная служба открывала большие возможности. Причем «новые» самураи проявили себя как на стороне бакуфу, так и на стороне антисёгунской коалиции. До кон-

¹² Japan Review. 1990, № 1, p. 85.

¹³ Ibidem, p. 93.

¹⁴ Ibidem, p. 96.

¹⁵ Речь идет о войне Босин (1868–1869), когда сторонники бывшего сёгуна продолжали сопротивление уже новому правительству.

ца бились за бакуфу крестьянский сын Хати́ро Аmano и сын врача Кэйскэ Отори¹⁵. Славу княжеств Тёсю и Сацума составили крестьянский сын Хиробуми Ито и сын врача Тосимити Окубо.

Как показывают исследования, Мэйдзи исин была осуществлена младшими сыновьями. Причины подобного феномена еще требуют дополнительного изучения, ибо принцип майората вряд ли мог нарушаться в самурайской среде.

В японском обществе периода Тогукава основной служебной единицей считалась семья. Согласно традиции гражданские и военные должности могли занимать только главы каждой семьи. Младшие братья главы семьи или его дети (по крайней мере до его смерти) не имели доступа к официальным должностям.

В период Тогукава для способных младших сыновей было несколько путей: найти семью, которая могла бы усыновить их, тем самым передав право старшинства, либо овладеть какими-нибудь сложными знаниями (искусством чайного действия, фехтованием, западной или «конфуцианской» наукой). Так, мастером чайного действия был реформатор годов Тэмпо (1830–1844) в княжестве Сацума Хиросато Дзусё, выходец из низкорангового самурайства, ставший каро (старшим вассалом). Через науку сделал карьеру низкоранговый самурай Акира Кавадзитоси. Подобных примеров много. Однако и такой способ служебного продвижения обычно скреплялся усыновлением.

До сих пор не проводился анализ того, какую долю среди младших сыновей составляют лица, сделавшие карьеру путем усыновления, а какую — исконно младшие сыновья. На начальном этапе военных реформ предполагалось, что те младшие сыновья, которые могли быть произведены в офицеры, должны искать семью, которая могла бы их усыновить¹⁶. Но, видимо, способных и энергичных людей в период Мэйдзи исин потребовалось значительно больше, чем могла предоставить существующая система, поэтому пришлось отойти от принципа семейства как основной служебной единицы и перейти к принципу личного соответствия. Теперь вторые и третьи сыновья за нанесение военной службы могли получить рисовую стипендию¹⁷.

Японский историк Хидэхиро Сонода в результате подробного анализа военных реформ 1853–1871 гг. считает, что именно они привели к «усреднению» и «уравнению» внутри самурайского сословия¹⁸.

¹⁶ Japan Review. 1990, № 1, p. 89.

¹⁷ Ibidem, p. 96.

¹⁸ Ibidem, p. 97.

Правящий слой Японии быстро осознал, что без современных вооруженных сил сохранение независимости невозможно, поэтому военный фактор стал решающим в реформировании страны, и проведение военных реформ способствовало «усреднению» и деполяризации правящего слоя.

Однако возможно, что в основе этих изменений лежал какой-то внутренний процесс развития, а внешний фактор сыграл роль катализатора. Так У.Бисли, ссылаясь на мнение такого известного историка, как Сигэки Тояма, писал, что «реформы годов Тэмпо (1830–1844) были попыткой низкоранговых чиновников в отдельных княжествах бороться с проблемами, вызванными экономическими изменениями»¹⁹.

Согласно Дж.Сэнсому в тот же период в княжестве Тёсю реформы проводила «прогрессивная» партия средних самураев во главе с Сэйфу Мурата. Одним из результатов реформ было то, что низкоранговых самураев стали принимать в учебное заведение Мэйринкан, куда раньше их не допускали.

Распределение участников Мэйдзи исин по княжествам и территориям. Было также проведено исследование по доле участия в Мэйдзи исин представителей княжеств. Исследование подтвердило традиционную точку зрения о руководящей роли четырех «героических княжеств» — Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн (Сага). Доля участвующих в Мэйдзи исин от этих княжеств составила 31%, причем Сацума и Тёсю — 21% (соответственно 8,8 и 12,4). От княжества Тоса в Мэйдзи исин участвовало 7,7%, а вот доля княжества Сага была весьма скромна — 2%. Однако последнее одним из первых успешно осуществило военные реформы, раньше других освоив европейское вооружение и тактику. Ведь порт Нагасаки, через который даже в период закрытия страны осуществлялись контакты с европейцами, был в непосредственной близости от княжества Сага.

Все это и обеспечило представителям могущественных княжеств господствующее положение в структуре верховной власти Японии. До конца первой четверти нашего столетия откровенно применялся термин «хамба-цусэйфу» («правительство княжеств»)²⁰. До 1918 г. все премьер-министры, за исключением Сайондзи и Окума, принадлежали либо к княжеству Сацума, либо к княжеству Тёсю. В первом кабинете министров Японии (1885 г.) министерские портфели распределялись следующим образом; четыре (включая пост премьера) досталось представителям Тёсю, четыре — представителям Сацума, по одному — Тоса и Хидзэн (Сага).

¹⁹ Beasley W.J. The Meiji Restoration, p.8.

²⁰ Квигли Г. Правительство и политическая жизнь в Японии. М., 1934, с.50.

На карте распределения участников по территории страны видно, что число их возрастает по мере удаления от Эдо (Токио). К северу от Эдо их немного, что объясняется неосвоенностью и малонаселенностью этих территорий в то время. Больше всего участников Мэйдзи исин было из западных и юго-западных окраин (княжества Тоса, Тёсю, Сацума), а также из Киото (аристократия). Довольно много их было из столицы сёгуната Эдо и провинции Хитати, владения одной из старших ветвей дома Токугава (княжество Мито).

Это подтверждает идею Л.Н.Гумилева о том, что «восстания более энергичных жителей окраин против центра, утратившего пассионарность, встречаются в ходе этногенеза постоянно»²¹. Похоже, что именно этот «прилив энергии» и «смысл» в итоге систему отдельных княжеств, некогда столь разнообразную, но в то же время единую.

Аристократия после 1869 г. После создания нового правительства во главе с императором Мэйдзи все кугэ и даймё были объединены в кадзоку (аристократию). Постоянным местом жительства для них был определен г. Токио²². Исключение составили те, кто по делам службы должен был находиться вне столицы.

В 1869 г. кадзоку объединяла 427 семейств: 136 семей кугэ и 28 — приравненных к ним; 248 — даймё и 15 семей, приравненных к ним.

После 1884 г. была введена новая система пяти высших титулов: косяку (князь), косяку²³ (маркиз), хакусяку (граф), сисяку (виконт) и дансяку (барон). Титулы можно было передавать по наследству.

В 1884 г. к кадзоку было причислено еще 81 семейство, не принадлежавшее ни к кугэ, ни к даймё. По новой системе 11 семейств получили титул князя, 24 — маркиза, 76 — графа, 323 — виконта, 74 — барона.

С этого времени аристократическое звание можно было получить за заслуги перед страной. В 1884 г. титулы графа получили сын крестьянина, «новый» самурай Хиробуми Ито и сын бедного низкорангового самурая Аритомо Ямагата, талантливейшие выдвиженцы эпохи Мэйдзи. Если в 1884 г. абсолютно преобладали те, кто получил титулы по праву происхождения, то в 1944 г. большинство составляли те, кому титулы достались за заслуги перед страной. В 1944 г. к аристократии принадлежало 1016 семейств.

В принципе все даймё получали титулы по новой системе, однако были и такие семейства, которым они не присваивались из-за их несогласия с политикой нового правительства.

²¹ Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 1992, с.224.

²² В 1868 г. Эдо был переименован в Токио.

²³ Слово имеет иное иероглифическое написание.

В 1947 г. по новой конституции, принятой в условиях американской оккупации, аристократия как институт была упразднена, но, как писал Р.Хаккет, «сегодня бывших аристократов можно найти во многих сферах деятельности, большинство из них богаты, преуспевают и неформально объединены в «Клуб пэров»... Сейчас может не быть видимого статуса или узаконенных классовых различий, но в «статусо-сознательном» обществе социальные и психологические преимущества аристократического происхождения стойко держатся и похоже продолжатся столько, сколько будет существовать монархия»²⁴.

* * *

Таким образом, в результате бурных событий середины XIX в. не произошло смены господствующего слоя.

В 1881 г. 70% постов в армии, флоте, центральных и местных органах правительства занимали самураи. В то же время существовавшая ранее внутри правящего сословия, т.е. самурайства, иерархия, основанная на принципе наследственности, была в значительной степени утрачена. Правящий слой стал придавать большое значение принципу личного соответствия, личных заслуг перед государством. Он стал более однородным, «усредненным». «Служебный» характер приобрела аристократия, ставшая с 1884 г. открытым институтом. Однако принцип наследственности все же не утратил полностью своего значения. Принадлежность к аристократии или дворянству оставалась наследственной привилегией, хотя титулы можно было получить и иным способом.

Положение дворянина, состоявшего на государственной службе, в материальном отношении мало чем отличалось от положения простолюдина, занимавшегося аналогичной деятельностью, однако японское общество считало различия между ними достаточно существенными, чтобы относить их к разным сословиям.

В результате Мэйдзи исин была устранена своеобразная система отдельных княжеств, объединенных под властью дома Токугава, на смену пришло единое централизованное государство. Однако и в этом случае принадлежность к княжествам не утратила своего значения. До конца первой четверти XX в. большинство руководящих постов в стране принадлежало представителям четырех княжеств Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн (Сага).

Простолюдины, примкнувшие к Мэйдзи исин, в основном были представлены «интеллигенцией» (врачи, ученые, поэты, художники) и крестья-

²⁴ Kodansha Japanese Encyclopedia. Tokyo, vol.6. 1983, p.171.

янами. Наиболее молодая и активная их часть стремилась примкнуть к самураям. Правда, процент участия буржуазии, т.е. простолюдинов, занимавшихся предпринимательством и не принадлежавших к крестьянскому сословию, был крайне низок.

В целом средний возраст представителей правящего слоя Японии в 1867–1871 гг. не превышал 34 лет. Таким образом, Япония в этот период смогла выдвинуть молодых и энергичных реформаторов, которые за несколько десятилетий сделали ее одной из мировых держав.

Первый объединитель Японии

Н.Ф.Лещенко

«Нельзя полагаться на свое
могущество — сильные
гибнут прежде других».
Кэнко-хоси

С середины XV в. Японию раздирали междоусобные войны. В результате страна распалась на отдельные княжества, которые вели между собой борьбу за власть. Сэнгоку дзидай (период воюющих провинций) длился более 100 лет.

Центробежные тенденции особенно усилились в XVI в. Сёгуны из дома Асикага формально считались верховными правителями. В одном из районов Киото — Муромати существовало центральное правительство — бакуфу, но власть его фактически распространялась лишь на области, расположенные вокруг столицы. В масштабах всей страны правительство в Муромати имело значение лишь в той мере, в какой его поддерживали те или иные могущественные даймё (князья). Сёгуны пытались вмешиваться в борьбу даймё, стремясь использовать распри между ними для усиления собственной власти, что привело лишь к тому, что последний сёгун из династии Асикага — Ёсиаки был свергнут Ода Нобунага¹, хотя именно он в свое время помог ему стать сёгуном.

¹ В настоящей статье порядок написания фамилий и имен исторических личностей дается так, как это принято в японских исторических текстах.

В то смутное время в Японии на передний план выдвинулись три фигуры, с именами которых историки связывают процесс объединения страны. И первым на этот тернистый путь вступил Ода Нобунага.

Он появился на политической арене в один из драматических периодов японской истории. Многие объективные и субъективные факторы определили тернистый и трагический путь этой неординарной личности, оценивать которую необходимо с позиций эпохи, в которую он жил. Именно та окружающая действительность и формировала его. Многие из окружения Ода Нобунага так и не смогли до конца понять и оценить масштаб этой личности. Трагический конец жизни создал некий ореол вокруг Нобунага, хотя он был типичным сэнгоку даймё, во имя достижения власти убиравшим со своего пути даже ближайших родственников. Нобунага убил своего младшего брата Нобуюки, обвинив его в тайных связях со своими врагами, и некоторых других членов семьи, хотя бы потенциально представлявших угрозу его монополии на единоличную власть². Но эту жесткость можно объяснить и страхом, который временами охватывал Нобунага, — предательства были обычным делом в период сэнгоку дзидай. Он обладал необузданным характером, временами напоминая взбесившегося быка, а временами впадал в хандру. Нобунага насмехался над житейскими нормами, ненавидел всяческие формальности, не верил ни синтоистским, ни буддийским богам, с упоением играл свою роль на подмостках войны и прожил свою жизнь как одно мгновение. Давая такую характеристику Нобунага, Осаму Вакита, много писавший о нем, считает, что он был очень мужественным человеком³.

История сохранила для нас и мнение человека, много раз встречавшегося с Нобунага. Португальский миссионер Луиш Фроиш, проживавший в Японии 34 года, так описывает свои впечатления о нем: «Это был человек среднего роста, хрупкого телосложения, с редкими усами и высоким, приятно звучащим голосом. Он был честолюбив и высокомерен, но любил справедливость, не оставлял без наказания оскорбления, кем бы они не наносились. В то же время он был общителен и проявлял милосердие. Спал мало. Рано вставал. Ему было чуждо корыстолюбие. Он действовал всегда скрытно. Был очень ловок и искусен в военных делах, резок и несдержан в гневе, но отходчив. Он почти никогда не следовал советам подчиненных. Все относились к нему с уважением и почтением, хотя и очень боялись. Вина не пил, был умерен в еде, необыкновенно прост в поведении. Презирал японских императоров и князей, ни во что не ставил богов и идолов, не верил ни в какие пророчества и суеверия. И хотя сам при-

² Искендеров А. А. Тоётоми Хидэёси. М., 1984, с. 83.

³ Вакита Осаму. Ода Нобунага. Токио, 1987, с. IY.

надлежал к буддийской секте Нитирэн, тем не менее твердо считал, нет ни бога, ни бессмертия души, ни потусторонней жизни»⁴.

Ода Нобунага вел аскетический образ жизни, много занимался спортом, ежедневно упражнялся в верховой езде, изучал военное дело, и с его именем связаны многие новшества в военном искусстве. Природа одарила его многими способностями, которые помогли ему стать первым военным диктатором Японии. В то же время всю жизнь Ода преследовал комплекс неполноценности, что, по-видимому, было связано с его незнатным происхождением.

Существуют предположения, что его семья ведет свое начало от рода Ода из провинции Оми (ныне преф. Сига), но точных сведений об этом нет. Более достоверно, что предки семьи проживали в провинции Этидзэн, где к западу от современного города Такэфу находился городок Ота⁵. Там был расположен синтоистский храм Ота цуруги дзинся, божество которого считалось хранителем рода.

В провинции Этидзэн в должности сюго (наместник) был феодал Сиба Ёсисигэ, которого в XV в. перевели в провинцию Овари. Он сделал деревенского старосту Ода Сёдзи своим представителем в деревне. К этому времени род Ода обосновался в провинции Овари, все благополучие дома теперь зависело от милости сюго Сиба Ёсисигэ. Но в ходе междоусобных войн его положение пошатнулось, что отразилось и на судьбе рода Ода, который распался на два дома. Один обосновался в районе Ивакура, другой — в Киёсу. Оба этих дома в условиях, когда решающую роль играла сила, включились в войну всех против всех. Ода из Ивакура покорили четыре уезда в провинции Овари — Нива, Хагури, Накасима, Касугаи; Ода из Киёсу пришли на помощь Сиба Ёсисигэ и покорили уезды Тита, Кайсай, Кайто, Аити. Семья, где родился Нобунага, была ответвлением от дома Ода из Киёсу, глава которой был бугё (чиновником) в Киёсу.

О первых годах жизни Нобунага известно немного. Он родился в 1534 г. и был старшим сыном в семье. День его рождения не известен, но профессор Киотоского университета Наохиро Асао предполагает, что он родился приблизительно 15 мая. Место его рождения также точно не установлено. Обычно называют замок Нагоя или замок Сёбата⁶.

Борьбу за объединение провинции Овари начал еще отец Нобунага — Нобухидэ. Он был способным человеком и сумел привлечь на свою сторону самураев.

⁴ Цит. по: *Искендеров А.А. Тоётоми Хидэёси*, с.85.

⁵ Ота и Ода — разные чтения одних и тех же иероглифов.

⁶ *Вакига Осаму. Ода Нобумага*, с. 2-3, 4.

Овари была большой провинцией. Ее удобное расположение, хорошие дороги привлекали внимание могущественных соседей, которые стремились прибрать ее к рукам. Опасность захвата особенно реально угрожала с востока и севера.

На востоке это был могущественный даймё Имагава Ёсимото, принадлежавший к дому сёгунов Асикага. Покровительство сёгуна, его поощрение и поддержка способствовали захвату соседней провинции Микава, после смерти ее владельца Мацудайра Хиротада. Имагава сделал своим заложником сына Хиротада — Токугава Иэясу.

На севере провинции Овари угрожал даймё Сайто Досан из провинции Мино, прозванный за свое вероломство «мамуси» («гадюкой»). Это был самый отъявленный негодяй даже среди сэнгоку даймё. Насаждая свою власть с помощью грубой силы, он подчинил себе провинцию Мино и стремился распространить свое влияние и на провинцию Овари. Для этого он использовал различные тактические приемы — вступил в союз со знатым даймё Доки Ёриёси, принадлежавшим к династии сёгунов Минамото. В 1544 г. Сайто вел борьбу с отцом Нобунага, которая закончилась своеобразным миром — он выдал свою дочь замуж за Нобунага. После того, как в марте 1551 г. умер Нобухидэ, Сайто продолжал борьбу за объединение провинции Мино, потом постригся в монахи под именем Досан. Был убит своим сыном Ёситацу в 1556 г.

После смерти Нобухидэ восемнадцатилетний Нобунага становится главой семьи.

Утверждать свое лидерство как в провинции, где дому Ода принадлежала лишь западная часть, так и в семье, приходилось с помощью силы и изворотливой дипломатии, частью которой являлось заключение разного рода союзов, необходимых для достижения поставленных целей. Но и распадалась эти союзы как карточные домики, когда надобность в них отпадала. Смерть Нобухидэ вызвала смятение в Овари, этим воспользовался Имагава Ёсимото и вторгся в пределы провинции. Более восьми лет потребовалось Нобунага, чтобы одолеть этого сильного противника и нанести ему сокрушительный удар. Это произошло в 1560 г. в битве при Окэхадзама, во время которой Имагава Ёсимото был убит. Убирая со своего пути соперников, Нобунага подчинил своей власти всю провинцию. В ходе этой борьбы судьба свела его с Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу, которые стали серьезными союзниками Нобунага после поражения Имагава Ёсимото. Образование этого союза можно считать первым шагом на пути к объединению Японии.

Было бы неверно утверждать, что начиная борьбу за объединение провинции Овари Нобунага ставил перед собой цель распространить свою власть и на соседние владения. Скорее всего эта идея возникла у него под

влиянием успешных боевых действий, когда он поверил в свои силы и возможности. Споспособствовали этому и следующие события в столице страны — Киото. В 1564 г. там неожиданно умирает канрэй (регент)⁷ Миёси Тёкай; вскоре после его смерти при загадочных обстоятельствах погибает и правивший в то время сёгун Асикага Ёситэру, что вызвало чувство тревоги у местных феодалов. Многие из них хотели бы направить войска в столицу, но отважиться на такой рискованный шаг решился лишь Ода Нобунага, который с армией в 50 тыс. человек вступил в столицу, сурово покарал виновных в убийстве сёгуна Ёситэру и провозгласил новым сёгуном его младшего брата Ёсиаки. В честь этого события Нобунага распорядился построить для нового сёгуна замок Нидзё, строительством которого он руководил лично⁸.

Удачно проведенная операция, несомненно, укрепила авторитет Нобунага. Но у него оставались еще два могущественных соперника — Такэда и Мори. Этим и можно объяснить то обстоятельство, что Нобунага не воспользовался событиями в столице для захвата власти, а, наоборот, всячески старался укрепить авторитет сёгуна, видимо понимая, что его час еще не пробил. Сделал это он в 1573 г., когда сверг последнего сёгуна из династии Асикага за попытку сопротивления. Нобунага не принял титула сёгуна, хотя власть его была реальной, но срок правления слишком коротким для проведения больших преобразований. Да и власть Нобунага распространялась лишь на половину территории Японии — процесс объединения страны был лишь в стадии становления и потребовалось еще более 50 лет длительной борьбы, в результате которой образовалось централизованное государство.

Нобунага решает построить для себя резиденцию и приступает к строительству замка Адзути. В период междоусобных войн это было делом обычным, такого рода строительство широко развернулось в Японии и японская архитектура в тот период сделала огромный шаг вперед.

Место для строительства было выбрано в провинции Оми, правитель которой Асаи Нагэмаса был убит, сражаясь с Нобунага. Строительство замка Адзути было окончено в январе 1576 г. Бремя расходов несли самураи пяти провинций в районе Кинай, а также провинции Овари, Мино, Исэ, Микава, Этидзэн, Вакаса. Плотников и мастеровых других специальностей набрали в Киото, Нара, Сакаи, в провинции Оми. Это были настоящие мастера своего дела. Крышу крыли на китайский манер под руководством иноземца — китайца.

⁷ Канрэй (старое чтение канрё) переводят и как вице-сёгун; в период сёгуната Асикага это был титул двух высших чиновников при сёгуне.

⁸ *Искендеров А.А. Тоётоми Хидзёси, гл. 4; Вакида Осаму. Ода Нобунага, с. 14-32.*

Согласно записям тех лет замок был украшен прекрасными произведениями прикладного искусства из металла. Центральной фигурой в замковом ансамбле была башня (тэнсо)⁹.

Расписывал стены в башне Кано Эйтоку (1543—1590), который происходил из семьи известных художников. Его прадед Кано Масанобу (1434—1530) заложил основы декоративного направления. У деда Мотонобу (1476—1559) и отца Наонобу (1519—1592) Эйтоку обучился искусству живописи и уже в молодости стал известным художником, которого и пригласил Нобунага. К сожалению, произведения Эйтоку до наших дней не дошли. Но сохранилась складная ширма «В столице и вне ее». Она была расписана в 1574 г. по приказу Нобунага, который подарил ее даймё Уэсуги Кэнсин. На ширме тонкими контурными линиями четко изображены улицы и окрестности Киото, бытовые сценки. Школа Кано долго сохраняла свое влияние благодаря поддержке правителей¹⁰.

Замок Адзути стал не просто резиденцией Нобунага. Это был опорный пункт, откуда он управлял покоренными провинциями и проводил политику, как он ее понимал. Из замка исходили импульсы борьбы за объединение страны и Нобунага как бы претворял в жизнь волю провидения. (Замок Адзути был разграблен и сожжен в 1582 г. войском Акэти Мицухидэ, сохранились лишь развалины стен и остатки фундамента.)

Хотелось бы затронуть еще одну сторону в деятельности Нобунага, которая проливает свет на него как на политика: его отношения с императорским домом и придворной аристократией.

Несмотря на полную утрату императором реальных политических прав, он оставался формально верховным правителем страны, получившим власть из рук богини Аматэрасу. Религиозный престиж императора использовали все правители Японии. Однако за всю историю императорского дома XVI век был самым тяжелым периодом не только в правовом, но и материальном отношении — двор практически не имел средств к существованию.

Некоторые исследователи считают, будто Нобунага хранил верность императору, что позволило ему добиться успеха в деле объединения Японии. Но гораздо ближе к истине тот факт, что Нобунага стремился использовать свои отношения с императором для укрепления своего положения и авторитета. Он пытался создать власть, свободную от влияния прежних структур. Нобунага не взял себе титул сэи тайсёгун¹¹, что мож-

⁹ Предшественницей башни была наблюдательная вышка — боро, которая в прежние времена располагалась над помещением военачальника. Позже стали строить громадные башни, что и было осуществлено в Адзути. — Тайкэй. Нихон-но рэкиси (Очерки истории Японии). Токио, т.8, 1988, с. 127-128.

¹⁰ История японского искусства. Пер. с яп. М., 1965, с.107.

¹¹ Полный титул сёгуна, означающий «покоряющий варваров главнокомандующий».

но объяснить его комплексом, связанным с происхождением, которое якобы не давало ему право на титул, принадлежавший лишь дому Минамото, но захотел стать сановником при императорском дворе. Таким образом Нобунага вошел в политическую структуру двора. Он вернул придворным аристократам принадлежавшие им земли, рассчитывая на их помощь в деле утверждения своего влияния на императора и двор. А строптивых аристократов он подвергал домашним арестам.

В 1579 г. Нобунга усыновил принца — сына императора Огимати. В замке Адзути были специальные апартаменты на случай визитов императора, этим давалось понять, что принц, став императором, будет часто его посещать¹².

Ода Нобунага преобразовывал Японию не только силой оружия. Он известен в истории и своими нововведениями в военном деле. Но в заслугу ему следует поставить осознание необходимости проведения экономических мероприятий, без которых нельзя было добиться успеха в военно-политической сфере. Экономика служила средством для укрепления фундамента его политической власти.

Во время правления Ода Нобунага города и различные объединения торговцев получили новые стимулы для развития, что способствовало дальнейшему становлению рыночных отношений в последующий период. И главную роль в этом сыграли указ о ракуити (свободных рынках) и ракудза (свободных цехах) и благоприятная политика в отношении городов. Большое значение для развития торговли имела ликвидация таможенных застав, которые сооружали не только владельцы земель, но и монастыри и деревни. Застав было великое множество, их главной целью был сбор пошлины, что негативно отражалось на цене товара. Убрать эти заставы пытались еще сэнгоку даймё, поскольку они мешали развитию рынков в их владениях, снабжению городов продовольствием. В условиях войны заставы препятствовали передвижению воинских сил. Окончательно заставы были ликвидированы уже при Хидэёси. Проводя такую политику, Нобунага как бы опередил время, поскольку свободе торговли должно было предшествовать объединение страны. Тем не менее эти мероприятия отвечали интересам новых слоев купечества, которое было заинтересовано в прекращении междоусобной войны и на поддержку которых мог опереться Нобунага. Новое купечество не было связано со старыми феодальными кругами и нуждалось в покровительстве новой власти.

Основные экономические мероприятия стали осуществляться после прибытия Нобунага в Киото, хотя в Овари, Мино и других подвластных ему провинциях подобные преобразования начались раньше. Он держал

¹² Вакида Осаму. Ода Нобунага, с. 39-60.

под своим контролем дороги и транспортные средства в провинциях и следил, чтобы они были в хорошем состоянии; освобождал владельцев лодок и лошадей от принудительных повинностей и разрешал им заниматься перевозкой товаров, за что получал денежный доход¹³.

Политику свободных цехов Нобунага начал проводить в своих владениях. Но он не ликвидировал и остальные цеховые объединения¹⁴, проводя политику поощрения торговой и предпринимательской деятельности. Нобунага сохранил старую структуру цехового ремесла еще и потому, что такие города, как Киото и Сакаи, которые широко славились своими искусными и удивительными изделиями, нуждались в сырье, а ликвидация старых цехов нарушила бы систему производственных и снабженческих связей. Первые свободные цехи появились в призамковом городе Адзути, принадлежавшем Нобунага. Следует отметить, что данные мероприятия особенно способствовали расцвету городов с местным самоуправлением, стимулируя их экономическую активность. При Хидэёси политика свободных цехов прекратила свое существование¹⁵.

Нобунага пытался наладить систему денежного обращения. Дело в том, что в средневековой Японии центральное правительство не занималось чеканкой монет, в ходу были сунские и минские монеты, хотя в Японии добывалось достаточное количество меди, чтобы чеканить собственную монету¹⁶. Существовала практика, связанная с внешней торговлей, когда японцы в обмен на медь получали китайскую медную монету. Поскольку не было строгого денежного стандарта, то широко практиковалась порча монет. Против этого и были направлены основные указы Нобунага. И хотя исправить положение ему не удалось, все-таки стали применяться меры наказания. Упорядочение денежной системы было проведено при сёгунах из династии Токугава.

В период сэнгоку дзидай возникло много городов, особенно в районе Кинай и соседних с ним провинциях. Города были разного типа — призамковые, портовые, прихрамовые, почтовые и др. Некоторые из них сумели добиться городского самоуправления. Прежде всего это — Сакаи, Кувано, Хирано, Хаката, где городским властям принадлежало полицейское и судебное право, имелись свои войска самообороны, что в условиях междоусобицы позволяло обеспечивать безопасность горожан и сохранять условия для развития производства и торговли.

В провинциях, подчиненных Ода Нобунага, тоже были города с городским самоуправлением. И он уважительно относился к этому статусу.

¹³ Там же, с. 102-108.

¹⁴ Во всяком случае нет документальных данных, свидетельствующих о закрытии старых цехов.

¹⁵ *Вакиа Осаму*. Ода Нобунага, с. 108-112.

¹⁶ Более подробно см.: *Вакиа Осаму*. Муромати дзидай (Эпоха Муромати). Токио, 1985, с. 45-52.

Многие экономические мероприятия Нобунага начал проводить в своем призамковом городе Адзутти. Причины такого отношения были чисто экономическими, но и поддержка горожанами политики, проводимой Нобунага, имела для него большое значение. Однако по мере расширения и укрепления власти его отношение к городскому самоуправлению менялось. При любой попытке противиться его приказам Нобунага сурово расправлялся с непокорными. Он обложил города временными и военными налогами, даже в Сакаи был назначен дайкан (наместник). Весьма примечательна судьба этого города, расположенного в провинции Идзуми на морском побережье и разбогатевшего на внешней торговле. Уровень городского самоуправления, его статус позволяли сравнивать Сакаи с вольными городами Европы. Сакаи выплатил налог на землю и она принадлежала городу, который был хорошо укреплен — его опоясывал ров. Войско для защиты города формировалось на основе найма. В октябре 1568 г. Нобунага потребовал большой налог на военные нужды с провинций Сэтцу, Идзуми и других; на долю Сакаи выпала сумма в 20 тыс. кан¹⁷. Город отказался выплатить эту сумму, что стоило Сакаи потери независимости. На следующий год Нобунага подчинил своей власти строптивый город и таким образом покончил с его независимостью.

Нобунага предпринял целый ряд мер, чтобы ослабить обороноспособность городов, например, распустил отряды самообороны, заставил скрыть укрепления. Но он ничего не менял во внутренней структуре городов и сохранил особые права торговцев и ремесленников¹⁸. Богатые купцы были тем социальным слоем, который оказывал Нобунага большую поддержку.

Преобразования, начатые Нобунага, затронули и аграрную сферу. Сельское хозяйство было главной отраслью производства Японии, в которой было занято более 80% населения.

Система землевладения и землепользования представляла собой довольно пеструю картину и в течение длительного времени здесь происходили значительные изменения — шел процесс перемещения земельной собственности. Возникшая еще в VIII в. система сёэн — форма феодального землевладения столичной аристократии и храмов — в середине XVI в. окончательно пришла в упадок. Для сёэн была характерна сложная система подчинения. Наряду с номинальным владельцем, который проживал главным образом в столице и получал натуральную ренту, существовал и фактический владелец — дзито (управляющий), а также различные категории чиновников, приближавшихся по своему положению к феодалам. Начиная с XIII в. основной производственной единицей в сёэн стали хо-

¹⁷ Кан — мера веса, равная 3,75 кг, единица измерения при денежных расчетах.

¹⁸ *Вакита Осаму*. Кинсэй хокэнсэй сэйрицу сирон (Очерки истории становления феодальной системы в период кинсэй). Токио, 1977, с. 178, 181-182; Его же. Ода Нобунага, с. 117-119.

зяйства больших патриархальных семей — мёсю. Так называли владельца именного надела, являвшегося единицей налогообложения. Кроме того, мёсю был главой большой патриархальной семьи. Мёсю платил ренту владельцу сёэн сам или через чиновников. Хотя размер хозяйств мёсю, как правило, был небольшим, они использовали труд арендаторов и безземельных крестьян.

В XIV в. началось разложение системы сёэн, их владельцы теряли свои земли, которые переходили к новому феодальному сословию. Происходило размывание слоя мёсю и дзито, из их среды появлялись мелкие и средние феодалы, а крупные князья в основном происходили из среды сёго (наместников в провинции). Даймё в условиях межфеодальной борьбы стремились разными путями укреплять свою власть. В целях безопасности они отрывали от земли своих буси (воинов) и переселяли в приамковые города.

К этому же периоду относится формирование японской деревни как административно-хозяйственной единицы. Для управления деревней даймё назначал чиновника, как правило, из среды мёсю, главной обязанностью которого являлись сбор налогов, перепись земли и т.д. Укрепилось местное самоуправление, ведавшее орошением, использованием угодий, уплатой налога и другими вопросами, касавшимися хозяйственной деятельности деревни.

Обследование и перепись земли (кэнти) проводились в Японии и до Нобунага. Даймё Имагава, Такэда и Ходзё, основные противники Нобунага, начали делать это раньше в своих владениях. В результате точно определялись размеры земельных налогов. Барщинная работа на землях феодалов и отработки сокращались, но даймё в широких масштабах использовали крестьян на войне. Учитывались и земли буси, полученные от даймё в качестве феодалов. Во многих владениях еще существовала система кандака — денежная система измерения урожая, налогов, основной единицей которой был кан меди¹⁹.

Перепись земли, начатая Нобунага в 1568 г., преследовала чисто практические цели - выявить экономический потенциал даймё. Кроме того, это мероприятие было направлено и против могущества буддийских монастырей, часть которых была крупными землевладельцами. Монастыри имели значительные вооруженные силы и активно участвовали в междоусобной войне. Это была реальная оппозиционная сила, которая заставляла с собой считаться. Во время переписи в провинции Ямато все земли храма Кофуку были конфискованы²⁰. Нобунага предал огню монастырь Хиэйдзан, как

¹⁹ Поздняков И. Г. Роль кэнти в закреплении японского крестьянства во второй половине XVI в. — Япония. Вопросы истории. М., 1959, с. 67-69.

²⁰ Вакида Осаму. Ода Нобунага, с. 45-46.

только выяснилось, что надменные монахи не желают подчиниться его воле. А монастырь этот считался «неугасимым светильником закона»²¹.

Борьба, которую вел Нобунага, требовала не только больших людских сил, но и огромных материальных расходов. Главным источником их пополнения являлось сельское хозяйство. Ода Нобунага, как правило, ограничивался получением сасидаси, т.е. сведений от владельцев земли о проведении переписи. При подозрении в утаивании земель представители Нобунага проводили обследование, и если подозрения подтверждались, все владения провинившегося феодала конфисковывались. Таким путем от крупных даймё отрывался слой мелких феодалов — буси, которые лишались источника своего существования — и земли, и хозяина, а крупные даймё теряли свою военную и экономическую силу. Поэтому проведение переписи земли можно рассматривать как составную часть общей политики Ода Нобунага.

Нобунага известен в истории и своими нововведениями в военном деле. Он был искусным тактиком и стратегом, используя все предоставляемые его временем возможности.

Появившиеся в 1543 г. в Японии португальцы завезли огнестрельное оружие. Это был совершенно новый для японцев вид вооружения, который в период смутного времени нашел широкое применение и произвел определенный переворот в японской военной технике. Постепенно огнестрельное оружие начинает производиться в Японии. В условиях междоусобной борьбы каждый даймё стремился заполучить это оружие. Сначала оно применялось лишь как вспомогательное средство, поскольку огнестрельное оружие и боеприпасы к нему стоили дорого. И даже тогда, когда оно стало производиться в Японии, свинец, необходимый для изготовления пуль, и сырье для пороха приходилось ввозить из-за рубежа. Нобунага довольно быстро проявил интерес к новому виду оружия, используя его эффект применительно к японским условиям ведения боя.

Основной воинской единицей тогда являлись буси. Но Нобунага стал активно использовать и асигару (пехотинец, «легконогий»), вооруженных копьями и луками. Его воинские отряды имели смешанное вооружение. Это помогло ему разгромить даймё Такэда Кацуёри. Тактика борьбы Нобунага осталась в истории военного искусства.

Основу армии Нобунага составляли самураи, которые жили на подвластных ему территориях. Их отношения строились по принципу хозяин-слуга. В армии была жесткая дисциплина, что нашло свое подтверждение, когда в 1564 г. Нобунага вступил в столицу. С давних времен войска, вступая в столицу, бесчинствовали там, моральный дух воинов падал, и

²¹ Конрад Н.И. Очерк истории культуры средневековой Японии. М., 1980, с. 114.

было много случаев, когда во время неожиданной атаки врага это приводило к поражению.

Нобунага хорошо осознавал такую опасность, поэтому провинившихся убивали без промедления. Не допускались никакие вольности по отношению к горожанам. Известен факт, когда во время строительства замка Нидзё для сёгуна Ёсиаки, которым руководил сам Нобунага, он заметил, как один из мастеровых сдернул с головы женщины покрывало, чтобы увидеть ее лицо. Нобунага подошел и обезглавил его²².

Нобунага известен в истории не только как полководец, начавший объединять провинции, но и как человек, у которого было много увлечений. Он прекрасно владел луком, копьем, мечом, увлекался верховой ездой, любил лошадей и знал в них толк. Слухи об этом гуляли по всем провинциям и Нобунага получал лошадей в подарок. У него были великолепные лошади. Около замка Адзути бывали базары, где продавали лошадей, и где можно было выбрать лошадь на любой вкус. Рассказывают, что у Нобунага была мечта — въехать в столицу на белом коне.

Он любил соколиную охоту и у него было много соколов, полученных в подарок. В ноябре 1577 г. по дороге на охоту он посетил императорский дворец, чтобы продемонстрировать императору и его придворной аристократии технику соколиной охоты, показать ее атрибуты, богато украшенные, расписанные золотом и серебром. Колчан был сделан из шкуры тигра.

Нобунага был поклонником борьбы сумо, устраивал состязания, собирал у себя в замке Адзути временами до 1500 борцов сумо. Он ценил этот вид борьбы, который соединял в себе силу и мастерство²³.

Увлечения Нобунага говорят о вкусах того времени. Он любил разного рода зрелища и светская жизнь в его замке Адзути была весьма оживленной. Был ли Нобунага большим поклонником театра Но, трудно сказать, но временами он посещал представления театра Но. Скорее всего его привлекал танец, что говорило о его темпераменте — он был человеком действия.

Нобунага хорошо знал искусство чайной церемонии, любил собирать утварь. Собранная им коллекция говорила о хорошем вкусе хозяина. Он учился искусству приготовления чая у богатых купцов г. Сакаи — Имаи Мунэхиса, Цуда Мунэсики, Тито Ёси.

Искусство чайной церемонии высоко ценилось в Японии. Приглашение на чайную церемонию с дарением утвари означало признание боевых заслуг²⁴. Следует сказать, что чайное действо, которое предполагало внут-

²² Вакида Осаму. Ода Нобунага, с. 77.

²³ Там же, с. 129-130.

²⁴ Там же, с. 130-131, 134-135.

ренную сосредоточенность, несколько изменилось в XVI в. Это искусство стало играть свою роль в политических интригах и использовалось как способ плетения интриг в политических ходах.

Осознавал ли Нобунага свою миссию как веление времени? Скорее всего да, его роль в деле объединения страны позволяет ответить на этот вопрос утвердительно. Возможно, Нобунага успел бы сделать больше, если бы не предательство одного из его военачальников Акэти Мицухидэ (1526-1582), который неожиданно 1 июня 1582 г. напал на Нобунага, когда тот остановился на ночлег в храме Хоннодзи. Это был настоящий заговор с целью захвата власти, о чем свидетельствует тщательно разработанный план переворота, точно и искусно выбранный для его осуществления момент. Силы были неравными и Нобунага покончил жизнь самоубийством²⁵.

Трагическая смерть создала романтический ореол вокруг личности Нобунага, чему способствовал и рассказы очевидцев.

Нобунага поступил благородно с позиций самурайской морали: харакири — почетная смерть. Он принял это решение согласно с совестью без малейшего колебания, мужественно встретив смерть. И в Японии имена таких людей передаются из рода в род в назидание потомкам.

Трагическая гибель Нобунага вызвала большое волнение в стране и привела к борьбе за лидерство среди его сподвижников. Его старший сын Нобутада, подававший большие надежды, погиб вместе с отцом. Младший сын, Нобутака, находился в замке Гифу. Он был тесно связан с военачальником Сибата Кацунэ, который по духу ближе всех был к Нобунага и имел большое влияние на его сыновей. Разогревшееся соперничество среди сторонников Нобунага привело к тому, что Нобутака выступил на стороне Сибата, но из этой борьбы победителем вышел Тоётоми Хидэёси, который приказал выдворить Нобутака из отцовского замка Гифу и поместить в один из монастырей в провинции Овари. Нобутака не выдержал такого позора и покончил жизнь самоубийством. Внука Ода Нобунага — Самбоси, который был старшим сыном Нобутада, Хидэёси переправил в замок Гифу, установил ему годовой доход в 300 тыс. коку и больше о нем ни разу не вспомнил²⁶.

К истории не применимо сослагательное наклонение, поэтому трудно предположить, какие дальнейшие шаги предпринял бы Нобунага, если бы ему удалось подчинить значительную часть Японии, а жизнь не оборвалась бы так неожиданно. Меры, проведенные им, не затронули в основе ни политическую, ни экономическую систему страны, они лишь создали предпосылки для будущих коренных преобразований. Но это был первый

²⁵ Искандеров А.А. Тоётоми Хидэёси, с. 95-97. Коку — мера емкости, равная примерно 180 л; 1 коку риса весит около 150 кг.

²⁶ Там же, с. 135.

шаг в иное общество. Можно сказать, что Нобунага затворил ворота эпохи средневековья и заложил первые кирпичи в фундамент здания, строительство которого завершили сёгуны из династии Токугава. Своей борьбой за объединение Японии, хотя Нобунага такой конкретной цели себе не ставил, но объективно этому процессу способствовал, он проложил дорогу к периоду длительного мира в Японии.

Японский историк Осаму Вакиа, посвятивший многие работы Ода Нобунага, назвал его самым последним верховным властителем средневековья²⁷, захватившим власть силой оружия. Его образ обладает притягательной силой, он и сейчас является героем повестей, пьес и кинофильмов. Его личности и времени, в котором он жил, посвящено много исследований. Нобунага блестяще сыграл свою роль на исторической сцене, хотя многое разрушил, не успев построить новое. Он проявил выдающиеся организаторские способности как военачальник, был жесток по отношению к своим врагам. Нобунага как всякая незаурядная личность, жившая в переломную эпоху, был противоречив в своих поступках. Но та тяжелая борьба, которую он начал, послужила самой первой ступенькой в деле создания централизованной власти. Именно с этих позиций и следует оценивать его роль в истории Японии.

²⁷ Вакиа Осаму. Ода Нобунага, с. 177.

Свиридов Георгий Георгиевич (1948 — 1997)

30 декабря 1997 г. из Японии пришло страшное известие о внезапной кончине Георгия Георгиевича Свиридова — талантливого японоведа и замечательного человека. Он ушел из жизни в расцвете творческих сил, много не дожив до своего пятидесятилетия. Это был на редкость интеллигентный, образованный и доброжелательный человек, и все, кто сталкивался с ним хотя бы однажды, попадали под власть его обаяния.

Г.Г.Свиридов закончил Восточный факультет Ленинградского университета, в течение долгого времени работал в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук, защитил диссертацию, на основе которой им была написана книга «Японская средневековая проза сэцува», ставшая, как и другие его научные труды, существенным вкладом в отечественное японоведение.

Судьба Г.Г.Свиридова сложилась так, что в последние годы он вынужден был жить и работать в Японии. Несмотря на тяжелую болезнь, он продолжал много и напряженно трудиться. Г.Г.Свиридов преподавал русский язык и литературу в университетах Киото и Осака, переводил на русский язык произведения японских писателей, плодотворно сотрудничал с ежегодником «Япония» и другими российскими научными изданиями.

Японские студенты обожали Георгия Георгиевича за необыкновенную доброту, высоко ценили его ум и глубокие знания. У него было много друзей среди японских ученых, писателей, музыкантов, художников, врачей. В то же время он поддерживал постоянные контакты со своими друзьями и коллегами из России: звонил им по телефону, переписывался с ними.

Те, кому довелось в эти годы побывать в Киото, в полной мере могли ощутить на себе тепло его души, отзывчивость и искреннюю готовность помочь.

Смерть Георгия Свиридова стала большим потрясением для всех, кто знал и любил его. Память о нем навсегда останется в их сердцах.

Друзья и коллеги

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- Лебедева И.П.** Промышленная политика Японии 5
- Тимонина И.Л.** Механизм финансирования программ регионального развития Японии 26
- Кикабидзе Э.В.** Стратегия японского бизнеса в области биотехнологии 36
- Авдаков И.Ю.** Роль железнодорожных компаний в социально-экономической жизни Японии 54
- Денисов Ю.Д.** На пороге XXI века: японские и российские подходы к форсированию научно-технической деятельности 68

ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА

- Сенаторов А.И.** Административная реформа: от разработки планов к их реализации 78
- Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б.** Три реформы образования 98
- Булдакова Е.И.** Пути формирования общественного мнения Японии по проблеме «северных территорий» 117
- Вербицкий С.И.** Восприятие Японии в СССР в период «холодной войны» 125
- Рехо Ким** Нобелевская речь Кэндзабуро Оэ (1994). К вопросу о вкладе новой японской литературы в мировую литературу 148
- Тебин Н.П.** Балет в Японии: сохранение традиций и поиск самобытности 162
- Герасимова М.П.** Связь времен (традиции квартала Гион) 172

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Черевко К.Е. Советско-японские отношения (декабрь 1941 –
ноябрь 1942 г.). 185

Молодяков В.Э. «Новая структура» 1940 г.: последняя попытка саморе-
формирования 203

Виноградов К.Г. Трансформация структуры правящего слоя Японии в
1853 – 1871 гг. 222

Лещенко Н.Ф. Первый объединитель Японии 234

Научное издание

Япония 1997–1998

Ежегодник

Редактор Н. П. Дмитриевская

Институт востоковедения РАН
Ассоциация японоведов
Москва, ул. Рождественка, д. 12

ЛР № 063999 от 04.04.95

Подписано в печать 09.02.98 Формат 70×90 1/16
Гарнитура Таймс Печать офсетная Бумага офс. № 1
Печ. л. 16,0 Тираж 500 экз. Зак. 3721.

Издательство АО “Диалог-МГУ”
119899, Москва, Воробьевы Горы, МГУ

Тел. 939-38-90, 928-10-42 Факс 939-38-91

Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНТИ,
140010, г. Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-т, 403
Тел. 554-21-86